Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Мерлаков Данил Сергеевич

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СУБЪЕКТОВ, ВЕДУЩИХ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
Булатов Борис Борисович

Омск 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. СУБЪЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОМПЕТЕНЦИИ 19
§ 1. Субъекты досудебного производства в системе участников уголовного процесса 19
§ 2. Классификация субъектов досудебного производства, ее значение при определении компетенции 42
§ 3. Понятие, сущность и виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, регламентация её пределов 76
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ, ВЕДУЩИХ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО 102
§ 1. Оптимизация компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях 106
§ 2. Направления совершенствования правовой регламентации дознания и предварительного следствия 136
§ 3. Возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий: повышение эффективности законодательства и правоприменения .. 166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 200
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 208
ПРИЛОЖЕНИЯ 244

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В силу публичного (официального) характера уголовного процесса компетентные органы и лица, осуществляющие деятельность до суда и для суда, обладают обязанностями по отношению к государству, обществу, юридическим и физическим лицам, что обуславливает необходимость предоставления им властных полномочий, которых не может быть у других участников уголовно-процессуальных отношений. При их реализации на первое место поставлена социальная значимость уголовного судопроизводства, которая выражается в его назначении. В связи с этим на субъектов, осуществляющих процессуальную деятельность в досудебном производстве, возложены важнейшие задачи по установлению события преступления, изобличению виновных лиц, всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела, что особенно актуально в условиях сохраняющегося высокого уровня преступности.

Несмотря на то, что проблемы досудебного производства постоянно находятся в центре внимания законодателя, правоприменителей и ученых, в государстве так и не сложилась четкая концепция относительно перспектив его построения. Вносятся перманентные изменения в положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1], регламентирующие уголовно-процессуальную деятельность: модернизируется порядок рассмотрения сообщений о преступлениях; меняется режим дознания, внедрена его сокращенная форма; введены новые основания и процедуры для прекращения уголовно-процессуальной деятельности в досудебных стадиях процесса и др. Нет четкого представления об оптимальном составе субъектов, ответственных за ведение данного сегмента уголовного производства, об их взаимоотношениях между собой. В законе появились новые участники: руководитель

---

[1] *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газета. 2001. 22 дек.

следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь-криминалист. Компетенции этих и других субъектов досудебного производства не являются стабильной константой, содержательно модифицируются.

Преобразование законодательства заставляет по-новому оценить компетенцию субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство. Каждый аспект нормативного описания уголовно-процессуальной деятельности находится в тесной взаимосвязи со смежными положениями, зависит от них и в силу изменения общего контекста может оказаться неоптимальным и требующим совершенствования. Компетенция должностных лиц и органов предварительного расследования, с одной стороны, требует стабилизации (например, в вопросе процессуального контроля и надзора со стороны соответствующих субъектов). С другой стороны, при разграничении предмета ведения она нуждается в придании ей большей «эластичности». Так, жесткость в установлении подследственности как пределов компетенции нередко становится препятствием для быстрого и полного установления признаков преступления, возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий, предварительного расследования. В результате нарушается конституционное право заинтересованных участников процесса на судебную защиту, затрудняется доступ к правосудию.

Оперируя категорией «компетенция» и связанными с ней терминами «компетентный», «компетентность» (ст.ст. 11, 37, 38, 144, 146 УПК РФ и др.), законодатель не приводит их определения в числе основных понятий в ст. 5 УПК РФ. Подходы юристов к пониманию «компетенции» и пределов её реализации в настоящее время существенно расходятся (права и обязанности, полномочия, юрисдикция, предмет ведения, подследственность). Ситуация усугубляется неоднозначным употреблением терминов на уровне ведомственных нормативных правовых актов.

Правильность законодательного и теоретического определения компетенции имеет большое значение, в том числе при выборе актуальных направлений

совершенствования полномочий государственных органов и должностных лиц, ответственных за ведение досудебного производства. Выявление сущности категории «компетенция», определение пределов компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, ее единообразное применение в нормативных правовых актах должно способствовать рационализации и повышению эффективности деятельности указанных участников уголовного процесса.

Таким образом, исследование уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, представляется актуальным в теоретическом, правовом и организационном аспектах.

Степень разработанности темы исследования. Проблемам реализации уголовно-процессуальной компетенции в досудебном производстве посвящены работы ученых советского и современного периодов: Л.Л. Абрамовой, В.А. Азарова, Н.В. Азарёнка, А.М. Баранова, А.С. Барабаша, В.П. Божьева, Б.Б. Булатова, Б.Я. Гаврилова, С.И. Гирько, Л.В. Головко, В.Н. Григорьева, А.А. Давлетова, Ю.В. Деришева, И.С. Дикарева, В.В. Кальницкого, В.А. Лазаревой, П.А. Лупинской, П.Г. Марфицина, О.В. Мичуриной, К.В. Муравьева, В.В. Николюка, Р.Д. Рахунова, С.Б. Россинского, А.В. Смирнова, И.В. Смольковой, М.С. Строговича, В.Т. Томина, И.Я. Фойницкого, Г.П. Химичевой, А.А. Чувилева, С.А. Шейфера, С.П. Щербы, Ю.К. Якимовича и др.

На диссертационном уровне различные аспекты уголовно-процессуальной компетенции исследовали такие ученые, как А.С. Есина («Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России», 2001 г.), М.М. Кузембаева («Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России», 2006 г.), А.В. Авилов («Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве», 2011 г.), Е.Н. Карпов («Процессуально-властные субъекты уголовного процесса с недостаточно определенным процессуальным положением», 2011 г.), А.А. Крымов («Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России», 2015 г.), А.Ю. Зотов

(«Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности», 2018 г.), Е.А. Овчинникова («Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве», 2020 г.), К.А. Наумов («Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России», 2021 г.), Ю.В. Шпагина («Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика», 2021 г.), Р.Ф. Тоштемирова («Уголовно-процессуальные властеотношения на предварительном следствии», 2022 г.), О.А. Чабукиани («Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования», 2022 г.) и другие.

Вопросы ограничения уголовно-процессуальной компетенции (подследственности) рассматривались в монографических работах А.В. Селютина («Проблемы разграничения подследственности в уголовном процессе», 2000 г.), Н.В. Захарова («Теория и практика определения подследственности уголовных дел», 2009 г.), Н.В. Османовой («Институт подследственности в досудебном уголовном производстве», 2013 г.) и др.

Признавая большой вклад названных ученых в совершенствование теории и практики реализации компетенции субъектами, ведущими досудебное производство, необходимо констатировать отсутствие в данной сфере комплексных монографических исследований. Требует самостоятельного осмысления соотношение компетенции органа дознания как коллегиального субъекта уголовно-процессуальных отношений и отдельных должностных лиц, выполняющих часть его функций, разграничение компетенции должностных лиц органов предварительного расследования. Необходимо продолжить поиск новых оптимальных направлений и способов решения проблем, возникающих в связи с неполнотой и противоречивостью норм УПК РФ в части реализации компетенции субъектами, ведущими уголовное досудебное производство.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, урегулированные преимущественно нормами УПК РФ, возникающие в процессе реализации полномочий субъекта-

ми, ведущими уголовное досудебное производство, при приеме сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, его проверке и разрешении, производстве неотложных следственных действий, а также в ходе предварительного расследования.

Предметом исследования являются законы и подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность субъектов, ведущих досудебное производство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся объекта диссертации, соответствующая сфера правоприменения, научные труды в сфере уголовно-процессуального права.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в разработке комплекса теоретических положений, определяющих оптимальность уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, выработке на их основе научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Цель исследования обусловила постановку и разрешение ряда конкретных задач:

1) исследовать нормативную основу и научные позиции относительно понятий «участник уголовного процесса», «субъект уголовного процесса» и смежных категорий; выработать определение «субъектов, ведущих уголовное досудебное производство», установить их место в системе участников уголовного процесса;

2) осуществить классификацию субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, при учете их назначения, функций и полномочий в уголовном процессе;

3) уяснить сущность уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, сформулировать соответствующее понятие, определить виды компетенции, а также установить ее пределы на различных этапах уголовно-процессуальной деятельности;

4) сформулировать предложения по оптимизации компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, при рассмотрении сообщений о преступлениях;

5) обосновать комплекс мер уголовно-процессуального и организационно-правового характера, направленных на совершенствование деятельности субъектов, ведущих досудебное производство, по предварительному расследованию преступлений, в том числе – при наличии к тому условий – в упрощенном порядке;

6) определить оптимальную форму ведения досудебного производства в случаях временного отсутствия субъектов, компетентных разрешать сообщения о преступлениях;

7) сформулировать конкретные предложения по внесению в УПК РФ изменений, позволяющих повысить эффективность реализации полномочий субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

Теоретической основой исследования служат научные труды дореволюционных, советских и современных ученых по теории государства и права, уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности, административному праву и процессу. В работе анализируются комментарии к кодифицированным законам, законопроекты, зарубежное уголовно-процессуальное законодательство.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что диссертантом предложен авторский подход к соотношению категорий «участник» и «субъект» уголовного судопроизводства, иных смежных понятий; на основе элементов, отражающих создание предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде, выработано понятие субъектов, ведущих досудебное производство; с новых позиций осуществлено разграничение данных участников процесса с другими компетентными органами; в соответствии с критерием «процессуальная компетенция» разработана классификация субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство; выявлены пробелы в регламентации правового статуса отдельных субъектов, ведущих досудебное производство, и

предложения по их ликвидации; дано авторское определение понятия «уголовно-процессуальная компетенция», отвечающее современному законодательству и доктринальным взглядам на назначение и процессуальные функции субъектов досудебного производства, раскрыты виды компетенции субъектов, ведущих досудебное производство; при помощи новых аргументов обоснована необходимость разграничения понятий «компетенция» и «компетентность»; обоснована зависимость пределов компетенции от правил подследственности.

В диссертации выявлены проблемы реализации компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел, производству неотложных следственных действий, предварительному следствию и дознанию, а также дознанию в сокращенной форме; предложен оригинальный авторский подход к оптимизации компетенции на первоначальной стадии досудебного производства; предложены направления реформирования компетенции по предварительному расследованию в обычном и упрощенном порядке; доказана необходимость универсализации компетенции по проведению неотложных процессуальных действий; сформулированы предложения технико-юридического характера, связанные с необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства, позволяющие повысить эффективность реализации полномочий субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Научно обоснованные теоретические выводы и основанные на них рекомендации будут способствовать устранению выявленных пробелов и недостатков в регламентации уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство. Материалы исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также в учебном процессе образовательных организаций юридического профиля в преподавании учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Предварительное следствие в органах внутренних дел», «Дознание в органах внутренних дел», для повышения квалификации сотрудни-

ков органов предварительного расследования, при подготовке научных работ и учебно-методических материалов по данной проблематике.

Методология и методы исследования. Методологию диссертационного исследования составляет всеобщий диалектический метод, а также комплекс общенаучных и частнонаучных методов.

Диалектический метод познания позволил определить нормативные и сущностные характеристики уголовно-процессуальной деятельности субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, рассмотреть вопрос о соответствии современным потребностям компетенции и отвечающих ей процессуальных полномочий, выявить проблемы, затрудняющие процесс дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной компетенции.

Формально-логический метод обеспечил возможность формирования понятийного аппарата, используемого в исследовании, выделения направлений уголовно-процессуальной деятельности субъектов, ведущих досудебное производство, и их рассмотрения.

Широкое применение аналитического метода позволило подробно исследовать нормативное регулирование и правоприменительную практику правоохранительных органов, совокупность уголовно-процессуальных полномочий, их содержание, формы и способы реализации, направленность и характер отдельных процессуальных полномочий, выявить пробелы и иные недостатки уголовно-процессуального законодательства в части регулирования процессуального статуса в досудебном производстве.

Посредством метода синтеза сформулированы определения ряда понятий, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике, предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона и методические рекомендации.

Использовались и другие методы научного познания – анкетирование, интервьюирование, наблюдение, обобщение данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категории «субъект» и «участник» уголовного процесса (судопроизводства) не являются равнозначными. К субъектам уголовного процесса следу-

ет относить тех участников производства, которые не имеют собственного интереса в юридическом споре о преступлении, наделены государством правоприменительными властными полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств, а также по принятию решений, связанных с применением уголовно-правовых норм, отражающих начало, последующее движение, завершение производства по уголовному делу. Реализация функций данными субъектами является продуктом их деятельности в уголовном судопроизводстве, назначение которого обусловлено властным началом уголовно-процессуальных отношений.

2. Субъекты уголовного досудебного производства – уполномоченные государством органы и должностные лица, которые вступают в правоотношения с другими участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют деятельность, связанную с формированием доказательств, предварительной правовой оценкой деяния, в котором устанавливаются признаки преступления, а также созданием иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

К субъектам досудебного производства не относятся привлекаемые для оказания содействия в уголовный процесс органы и должностные лица, не уполномоченные осуществлять правовую оценку деяния. В связи с этим исполнение следователями и должностными лицами органа дознания, а также компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций письменных поручений (запросов) следователя, дознавателя о проведении отдельных следственных или иных процессуальных действий, об осуществлении мер безопасности и т.п. не предполагает наделения данных участников уголовного процесса компетенцией субъектов досудебного производства.

Субъекты досудебного производства должны быть причислены к особой группе участников процесса, не относящейся к сторонам обвинения или защиты. Представляется оптимальным перемещение ст.ст. 37–41 УПК РФ в новую главу 5^1 УПК РФ «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досу-

дебное производство».

3. Предложена классификация субъектов уголовного досудебного производства по характеру компетенции:

а) субъекты, ведущие досудебное производство (следователь, дознаватель, орган дознания, следователь-криминалист, руководитель следственной группы, руководитель группы дознавателей);

б) субъекты, осуществляющие надзорные полномочия в досудебном производстве (прокурор);

в) субъекты, осуществляющие контрольные полномочия и, при необходимости, ведущие досудебное производство (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания).

4. В уголовном процессе категория «компетенция» имеет два взаимосвязанных значения: а) совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо, для возможности участия в уголовном производстве; б) круг определенных УПК РФ полномочий конкретных участников процесса.

Уголовно-процессуальная компетенция субъекта досудебного производства – это предусмотренная УПК РФ и обусловленная процессуальной функцией совокупность полномочий, отражающая вид уголовно-процессуальной деятельности государственного органа или должностного лица.

УПК РФ закрепляет следующие виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство:

– рассмотрение сообщений о преступлениях;

– возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий;

– производство предварительного следствия;

– производство дознания;

– производство дознания в сокращенной форме.

5. Пределы компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, – это основанные на закрепленных в УПК РФ правилах подследственности ограничения полномочий соответствующих субъектов по осуществлению видов их

процессуальной деятельности. Используемое в ч. 3 ст. 11, ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ словосочетание «в пределах компетенции» носит различную смысловую нагрузку, не позволяет четко определить возможности субъектов, ведущих досудебное производство, по осуществлению полномочий и требует корректировки.

6. Уголовно-процессуальная компетенция по рассмотрению сообщений о преступлениях включает обязанность приема и проверки сообщения о каждом (любом) совершенном или готовящемся преступлении каждым (любым) субъектом, уполномоченным вести досудебное производство. Деятельность по регистрации сообщения о преступлении не является уголовно-процессуальной, в связи с чем не входит в процессуальную компетенцию субъектов, ведущих досудебное производство. Пределы компетенции (применение правил подследственности) должны устанавливаться на этапе разрешения информации о преступлении, когда деянию, о котором поступило сообщение, дается предварительная правовая оценка.

Отсутствие события преступления, по поводу которого осуществлялась проверка сообщения, означает отсутствие предпосылок для исследования вопроса о наличии состава преступления, в связи с чем принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не предполагает предварительной квалификации деяния и может быть вынесено любым субъектом, компетентным осуществлять прием и проверку сообщения о преступлении.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п.п. 2–7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ предполагает констатацию наличия или отсутствия признаков преступления в проверяемом событии и, следовательно, предварительную квалификацию деяния. Оно, как и решение о возбуждении уголовного дела, по общему правилу должно выноситься субъектом, наделенным соответствующей компетенцией в соответствии с правилами подследственности. Вместе с тем следует закрепить в законе полномочие прокурора, в порядке исключения, легитимизировать постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вы-

несенные субъектами, ведущими досудебное производство, за рамками подследственности, соответствующее ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

7. Уголовно-процессуальная компетенция по производству предварительного следствия и дознания не имеет сущностных различий, которые бы отражали процесс формирования доказательств, предварительную правовую оценку деяния, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Исторически возникшие особенности указанных досудебных форм подготовки уголовного дела к судебному разбирательству обусловлены организационными причинами и отражают разную степень процессуальной самостоятельности субъектов, ведущих досудебное производство.

Реформирование компетенции, по предварительному расследованию уголовного дела, целесообразно осуществить по следующим направлениям:

– упразднение компетенции по производству дознания;

– выделение унифицированной компетенции по предварительному расследованию, осуществляемой любыми субъектами, ведущими досудебное производство, по правилам предварительного следствия и с возможностью вынесения уведомления о подозрении в совершении преступления;

– закрепление единых правил, отражающих процессуальную самостоятельность субъектов, ведущих досудебное производство;

– расширение надзорных полномочий прокурора, в том числе в части определения по его усмотрению дискреционной подследственности;

– преобразование компетенции по производству дознания в сокращенной форме в компетенцию по предварительному расследованию в сокращенной форме, осуществляемому по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы.

8. Компетенция по проведению предварительного расследования в сокращенной форме предполагает закрепление следующих полномочий субъектов, ведущих досудебное производство:

– обязанность допроса подозреваемого и потерпевшего (при его участии в уголовном деле); назначения и производства судебной экспертизы для установ-

ления характера и степени вреда, причиненного здоровью (при наличии к тому оснований);

– обязанность выяснения при первом допросе подозреваемого его согласия с правовой оценкой деяния, с характером и размером причиненного ущерба, указанными в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении лица или в уведомлении о подозрении в совершении преступления, а также разъяснения права подозреваемого ходатайствовать о проведении предварительного расследования в сокращенной форме и особом порядке судебного разбирательства после проведения консультаций с защитником и не позднее 2 суток с момента разъяснения данного права;

– обязанность выяснения согласия потерпевшего (при его наличии) на проведение предварительного расследования в сокращенной форме и судебного разбирательства в особом порядке;

– право направления прокурору уголовного дела с обвинительным постановлением, составленным по правилам, предусмотренным в действующем УПК РФ для обвинительного акта, но без указания перечня и содержания доказательств, подтверждающих обвинение, и доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

При этом возвращение уголовного дела прокурору для организации производства предварительного расследования в общем порядке должно быть ограничено только инициативой суда в случае установления им обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого.

9. Уголовно-процессуальная компетенция, предусмотренная ст. 157 УПК РФ, предполагает проведение неотложных следственных, а также связанных с ними иных процессуальных действий удостоверительного, принудительного, правозащитного и иного характера в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Использование данной компетенции обусловлено исключительными обстоятельствами, вызывающими необходимость быстрого реагирования на совершенное преступление любым субъектом, ведущим досудебное производство. Для реализации ч. 2 ст. 21 УПК РФ, необходимо законодательно закрепить, что в случае отсутствия субъекта досудебного производства, которому подследственно уголовное дело, полномочиями возбуждать уголовное дело и проводить по нему неотложные следственные и иные связанные с ними процессуальные действия обладают орган дознания, следователь, дознаватель, которыми выявлено преступление «чужой» подследственности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Обоснованность научных положений, выводов и практических рекомендаций, полученных в диссертации, обеспечивается полнотой используемых научных и нормативных источников, репрезентативностью эмпирического материала, включающего результаты изучения и обобщения 130 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, 210 уголовных дел, находившихся в производстве у следователей и дознавателей органов внутренних дел в период с 2017 по 2023 гг.; результаты проведенного анкетирования 143 сотрудников, ведущих досудебное производство (следователей, дознавателей, руководителей следственного органа и органа дознания системы МВД России) и 52 работников прокуратуры; анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации; данные официальной статистики ГИАЦ МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2013 по 2023 гг.; результаты (итоги) эмпирических исследований, опубликованных другими авторами, а также личный пятнадцатилетний опыт работы соискателя в качестве следователя, руководителя следственного органа следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации; применением взаимодополняющих методов получения и анализа этих данных, успешным представлением основных положений работы в научном сообществе.

Репрезентативность результатов диссертационного исследования обеспечена охватом территории, категориями и количеством анкетированных, временным периодом, что служит основанием для вывода об обоснованности и достоверности исследования.

Основные результаты исследования опубликованы в 19 научных статьях общим объемом 6,2 п. л., подготовленных автором лично или в соавторстве. Из них 5 статей общим объемом 3,05 п. л. были изданы в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Теоретические и прикладные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, докладывались в выступлениях на научно-практических конференциях и семинарах, в том числе международного и всероссийского уровней: всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности» (Омск, 2019, 2020, 2021); всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления Российской государственности» (Томск, 2020, 2022); международной научной-практической конференции «Теория и практика расследования преступлений» (Краснодар, 2020); международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омск, 2020, 2021); всероссийской научно-практической конференции «Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы» (Омск, 2021); всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» (Рязань, 2020); международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов» (Минск, 2023).

Методические рекомендации, подготовленные в результате исследования, внедрены в учебный процесс Омской академии МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова и используются при

преподавании дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» и «Правоохранительные органы».

Результаты исследования внедрены в практическую деятельность Следственного управления УМВД России по городу Новосибирску, Следственного управления УМВД России по Омской области.

Структура и объем исследования обусловлены объектом, предметом, целью и задачами исследования, а также логикой изложения материала и включает введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список литературы и приложения. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

ГЛАВА 1. СУБЪЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОМПЕТЕНЦИИ

§ 1. Субъекты досудебного производства в системе участников уголовного процесса

Природа и назначение участников уголовного судопроизводства является традиционным вопросом в процессуальной доктрине. Еще с 60-х гг. прошлого столетия получила развитие оживленная научная дискуссия по проблеме определения их круга и классификации[1]. Одной из предпосылок для неё являлось то, что в ранее действовавшем УПК РСФСР[2] термин «участники уголовного судопроизводства» активно использовался, но не интерпретировался. Ученым и правоприменителю предоставлялась свобода в реализации собственного усмотрения, творческого подхода применения общей нормы права к конкретному случаю.

Приведенная в п. 58 ст. 5 УПК РФ дефиниция «участники уголовного судопроизводства», то есть лица, принимающие участие в уголовном процессе, по-прежнему не позволяет четко определить, кто выступает в качестве субъектов рассматриваемого вида деятельности, а также субъектов соответствующих правоотношений. Указанное определение не в полной мере отражает суть используемого законодателем понятия, поскольку упоминание об участниках лишь как о лицах неточно: таковыми являются любые субъекты – государственные органы, их должностные лица, юридические лица и органы их управления, физические лица, у которых возникают права и (или) обязанности в рамках уголовного

---

[1] См.: *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 160 с.; *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия. Ростов н/Д., 1966. 260 с.; *Чельцов-Бебутов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. 511 с.; *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. Минск, 1970. 176 с.; *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 172 с.

[2] *Уголовно-процессуальный* кодекс РСФСР. Утвержден ВС РСФСР 27.10.1960. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

судопроизводства. Кроме того, следует учитывать, что в раздел II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» включены: суд (гл. 5), участники со стороны обвинения (гл. 6) и со стороны защиты (гл. 7), а также иные участники (гл. 8). Одновременно в других разделах (главах) УПК РФ упоминаются и иные лица, которые могут быть вовлечены в уголовное судопроизводство (например, поручитель (ст. 103 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель (ст. 141 УПК РФ), лицо, в помещении которого производится обыск (ст. 182 УПК РФ), помощник судьи (ст. 244.1 УПК РФ)). Таким образом, дефиниция «участники уголовного процесса» до конца остается неопределенной, а вопрос о соотношении категорий «участники» и «субъекты» до настоящего времени в уголовном процессе – неразрешенным.

Один из имеющихся в доктрине подходов предполагает равнозначность категорий «участник уголовного процесса», «субъект уголовно-процессуальных отношений», «субъект уголовного судопроизводства», «субъект уголовно-процессуальной деятельности», указывает на возможность использования приведенных понятий как синонимов[1].

Например, К.В. Муравьев и А.В. Писарев отмечают, что категория «участник», используемая в п. 58 ст. 5 УПК РФ, отражает круг всех физических и юридических лиц, обладающих уголовно-процессуальным статусом. В указанном смысле дефиниция «участник» соответствует понятию «субъект», т.е. все лица, вовлеченные в процессуальную деятельность и наделенные правами и обязанностями, – это субъекты уголовного судопроизводства[2].

---

[1] См., напр.: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 60; *Советский* уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича. Л., 1989. С. 86–87; *Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: уч. пос. М., 1994. С. 5–14; *Уголовный* процесс России: учебник / Н.А. Громов, В.А. Пономаренков, Ю.В. Францифоров. М., 2001. С. 94; *Уголовный* процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 99–100; *Вандышев В.В.* Уголовный процесс. Курс лекций. СПб., 2004. С. 80; *Уголовно-процессуальное* право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2003. С. 76–78; *Уголовный* процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В Смирнова. М., 2008. С. 88.

[2] *Муравьев К.В., Писарев А.В.* Участники уголовного судопроизводства: уч. пос. Омск, 2011. С. 8.

И.В. Смолькова высказывает мнение о том, что понятие «участник уголовного судопроизводства» является собирательным, его содержательное значение состоит в том, что им обозначается определенный субъект: лицо, орган или организация, наделенные соответствующими уголовно-процессуальными правами и обязанностями, реализуя которые они вступают в уголовно-процессуальные отношения с другими субъектами уголовного судопроизводства и тем самым осуществляют уголовно-процессуальную деятельность либо в ней участвуют. А совокупность такой деятельности всех участников уголовного судопроизводства образует производство по уголовному делу[1].

Другая позиция состоит в том, что категории «участник» и «субъект» (уголовного процесса, уголовно-процессуальной деятельности, уголовно–процессуальных отношений) не отождествляются. Поскольку цели участия в уголовном процессе различных органов и лиц неоднородны, то научные подходы, в соответствии с которыми содержание указанных понятий не совпадает, вполне оправданны.

Так, М.С. Строгович придерживался мнения, что участники уголовного судопроизводства обязательно выполняют одну из трех функций (обвинения, защиты и разрешения дела). Он выступал против отнесения к таковым свидетелей, экспертов, понятых, переводчиков, которые «в уголовном процессе выполняют определённые обязанности и пользуются определенными правами, в соответствии с чем совершают отдельные процессуальные действия, но не выполняют уголовно-процессуальных функций и не занимают постоянного положения в производстве по уголовному делу»[2]. Именитый ученый считал, что такие лица не являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а могут быть лишь субъектами отдельных уголовно-процессуальных отношений. Участники же уголовного процесса отождествлялись М.С. Строговичем именно

---

[1] *Участники* современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М., 2017. С. 11.

[2] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М, 1968. С. 204–205.

с субъектами процессуальной деятельности[1].

В.Н. Шпилев отдельно выделял лиц, имеющих «уголовно-правовой или гражданско-правовой интересы в уголовном деле, отстаивающих свои или представленные им права и законные интересы, занимают устойчивое положение на всем протяжении уголовного судопроизводства, осуществляемого органами расследования, суда и прокуратуры, активно влияют на ход и исход процесса»[2], фактически выделяя «субъектов правоотношений» и «субъектов уголовно-процессуальной деятельности».

И.В. Тыричев к субъектам уголовного процесса относил органы государства, должностных лиц, граждан, юридических лиц как носителей определенных прав и обязанностей. Исходя из различных ролей участия в деле, распределял их на группы: 1) органы государства и должностные лица, которые осуществляют производство по делу, занимают в нем ведущее положение и отвечают за его правильный ход и исход; 2) участники уголовного процесса, которые отстаивают в деле охраняемый законом личный, защищаемый или предоставляемый интерес, связанный с исходом дела, а также допускаемые или привлекаемые к участию в деле особым актом государственного органа или должностного лица. Понятия субъектов и участников процесса автор соотносил между собой как род и вид, указывая на то, что «каждый участник процесса является его субъектом, но не каждый субъект процесса является его участником»[3]. По нашему мнению, такая точка зрения является дискуссионной.

В работе А.А. Чувилева и Т.Н. Добровольской изложена интересная позиция о том, что предпочтительней относить к участникам уголовного процесса только тех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, которые наделены процессуальными правами, позволяющими отстаивать охраняемый законом

---

[1] Там же.

[2] *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 5–13.

[3] *Уголовно-процессуальное* право: учебник / под общей ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 48.

личный, защищаемый или представляемый интерес, связанный с исходом дела[1]. При этом авторы считают, что объединение одним общим понятием «участники процесса» таких субъектов, как орган дознания, следователь, прокурор, суд и граждане, заинтересованные в исходе дела, вольно или невольно ставит их в один ряд[2]. Обратим внимание на то, что публичные субъекты, в отличие от частных лиц, наделяются дополнительными полномочиями для реализации возложенных на них государством функций в силу их правового статуса как представителей государства в уголовном судопроизводстве, что исключает их фактическое равенство.

А.С. Барабаш разделяет «участников» и «субъектов» уголовного процесса. Ученый обращает внимание на то, что они занимают неравное положение в уголовном судопроизводстве, что обусловлено разным отношением к познавательной деятельности. К субъектам уголовного процесса он относит только органы государства, в обязанность которых входит активная реализация целей уголовного судопроизводства. Участники процесса – лица, интересы которых затронуты совершенным преступлением и которые в силу этого для реализации их личного (частного) интереса включаются в уголовно-процессуальную деятельность субъектами процесса. При этом содержание вышеуказанных понятий поглощается термином «субъекты уголовно-процессуальных отношений»[3].

Несмотря на то, что многие процессуалисты оперируют понятием «субъект», в УПК РФ оно не используется. Однако исключать его из понятийного аппарата не следует. На это справедливо обращает внимание О.А. Зеленина, полагая, что уголовно-процессуальное право является фундаментальной

---

[1] *Чувилев А.А., Добровольская Т.Н.* Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД ССС. Вопросы методики чтения проблемных лекций по Общей части: уч. пособ. М., 1985. С. 34.

[2] *Чувилев А.А., Добровольская Т.Н.* Указ. соч. С. 35.

[3] *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 223.

наукой, которая строится на общих закономерностях теории права[1]. Закрепление понятий в законе является завершающим актом их формирования, они признаются окончательно выработанными и должны употребляться только в тех значениях, которые им придал законодатель. Приобретая силу юридических законов, такие понятия становятся обязательным для всех субъектов права. По мнению С.С. Безрукова, понятия правовой науки не обладают данной особенностью. В процессе исследования ученые вкладывают в них различный смысл, предлагая собственную трактовку содержания, что не означает общеобязательности подобной интерпретации для правоприменителей[2].

Для ответа на вопрос о соотношении категорий «участник уголовного процесса» и «субъект уголовного процесса» необходимо определить, что следует понимать под ними, так как содержание и объем понятий тесно взаимосвязаны друг с другом. Такая связь выражается в законе обратного отношения между объемом и содержанием понятия, который устанавливает, что увеличение содержания понятия ведет к образованию понятия с меньшим объемом, и наоборот[3]. Главной единицей терминологии является слово, которое обозначает предмет понятия.

В словаре русского языка «субъект» (права) – это «физическое или юридическое лицо как носитель юридических прав и обязанностей»[4]. В большом Советском энциклопедическом словаре исследуемый термин (от лат. *subjectus* – лежащий внизу, находящийся в основе) раскрывается как носитель предметно-практической деятельности и познания (индивидуальная или социальная группа), источник активности, направленный на объект[5]. Именно в таком качестве целесообразно рассматривать следователя, дознавателя, начальника органа до-

---

[1] *Зеленина О.А.* Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства: системно-правовой анализ: монография. Екатеринбург, 2014. С. 14–15.

[2] *Безруков С.С.* Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России. Омск, 2003. С. 9.

[3] *Логика*: учебник. М., 1992. С. 142.

[4] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2009. С. 779.

[5] *Советский* энциклопедический словарь. М., 1979. С. 1294.

знания, руководителя следственного органа, прокурора, которые являются источником активной деятельности, направленной на объект, круг публичных интересов. В результате своей деятельности данные субъекты вовлекают в уголовный процесс других участников. Источником их активности является реализация норм уголовного закона, а также решение задач уголовного процесса. Их статусом обуславливается объем представленных вышеперечисленным субъектам прав и возложенных обязанностей, а от их полномочий зависит мера воздействия, которую они могут реализовать в рамках уголовного судопроизводства. Для того чтобы стать субъектом уголовно-процессуальных отношений, лицо должно обладать необходимой правосубъектностью, состоящей из правоспособности и дееспособности.

В свою очередь, «участник» – это тот, кто участвует в чем-нибудь[1]. Участие в уголовном судопроизводстве может выражаться в разных формах, которые зависят от того, какая роль отведена участнику в уголовном процессе, от занимаемого им статуса. При этом лицо или орган становятся участниками процесса в тот момент, когда у них возникает хотя бы одно процессуальное право или обязанность[2]. Анализируя содержание п. 58 ст. 5 УПК РФ, формально можно заключить, что участниками уголовного судопроизводства следует считать всех субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Субъект уголовно-процессуального права не может существовать независимо от участия в производстве по уголовному делу, так как без этого невозможно иметь и осуществлять процессуальные права и обязанности[3]. Причем степень участия лиц в уголовном процессе отличается, часть из них проходят через определенные стадии процесса, участие других носит эпизодический характер. Объемы процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства неравнозначны.

В теории права «субъекты правоотношений» рассматриваются как участни-

---

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 847.

[2] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 311–312.

[3] *Курс* советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 441.

ки, обладающие взаимными правами и обязанностями. Они подразделяются на индивидуальных (граждане) и коллективных (например, государственные органы) субъектов. Возможность того или иного субъекта быть участником правоотношений определяется его правосубъектностью (то есть способностью быть субъектом права), которая включает в себя такие элементы, как правоспособность (способность иметь субъективные права и юридические обязанности), дееспособность (способность приобретать и реализовывать права и обязанности своими действиями) и деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за свои действия)[1]. Соответствующие государственные органы, в свою очередь, обязаны обеспечить каждому возможность полного и беспрепятственного осуществления прав, а также исполнение обязанностей, которые определяются правосубъектностью. Она рассматривается как специфическое субъективное право, входящее в состав общерегулятивных отношений, а также как общая предпосылка для правоотношений, наряду с нормами права. Содержание правосубъектности определяется на основе норм государственного права, что является необходимой предпосылкой материальных и процессуальных отношений[2].

Рассуждая о правосубъектности, авторы обычно имеют в виду вопросы, относящиеся к понятию субъекта права или правоотношения, его правоспособности и дееспособности, отождествляя правосубъектность с правоспособностью либо одновременно с правосубъектностью и дееспособностью, а в отношении государственных органов – с понятием компетенции. Характерной чертой уголовно-процессуальной дееспособности является максимальная формализация процедуры наделения ею: правоспособный субъект получает уголовно-процессуальный статус, который отражается в соответствующем уголовно-процессуальном решении[3].

---

[1] *Общая* теория права и государства: учебник / под. ред. В.В. Лазарева. М., 2005. С. 300–302.

[2] *Шакарян М.С.* Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация // Научные труды Московской государственной юридической академии. 2004. № 1. С. 45.

[3] *Диваев А.Б.* Уголовно-процессуальная правоспособность // Законодательство и практика. 2021. № 1. С. 31.

В сущности, вопрос о правосубъектности сводится к определению правового положения субъектов. В.П. Божьев указывал на то, что субъект уголовного процесса – это лицо, наделенное процессуальными правами и процессуальными обязанностями, вступающие в уголовно-процессуальные отношения с другими субъектами при реализации своих прав и исполнении обязанностей[1]. По мнению А.С. Бахты, «субъект права в отдельные периоды может быть субъектом правового отношения, а субъект правоотношения, являясь одновременно субъектом права, существует только как лицо, участвующее в правоотношениях»[2].

Таким образом, за основу следует взять выработанные общей теорией права понятия «субъект права» – лицо, обладающее правоспособностью и потенциально способное быть «субъектом правоотношения» – реальным участником правового отношения[3]. По мнению И.В. Смольковой, у лица, осуществляющего в уголовном судопроизводстве властные полномочия, «процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность полностью совпадает»[4].

По справедливому суждению Н.Н. Вопленко, применение права определяется как «властная организация деятельности компетентных, т.е. специально на это уполномоченных органов и должностных лиц по рассмотрению и разрешению юридических дел путем издания индивидуальных правовых предписаний на основе и во исполнение действующего законодательства»[5].

Ю.К. Якимович отмечал, что «законодатель отнес к участникам процесса, в том числе и эпизодически привлекаемых к участию к уголовно-процессуальной деятельности, субъектов: свидетелей, экспертов, специалистов и даже понятых. Таким образом, казалось бы, законодателем поставлена точка по вопросу о понятии участника уголовного процесса, участника уголовно-процессуальной деятельности, участника уголовно-процессуальных отношений

---

[1] *Вопросы* общей части уголовного процесса: по законодательству СССР и других социалистических государств: уч. пос. / В.П. Божьев, Н.Е. Павлов. М., 1986. С. 36–37.

[2] *Бахта А.С.* О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 45.

[3] *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 380.

[4] *Участники* современного российского уголовного судопроизводства. С. 14–15.

[5] *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права: монография. Волгоград, 2009. С. 401.

и о соотношении этих понятий»[1]. Критикуя законодателя, ученый был убежден в том, что к участникам уголовного процесса следует относить: 1) суд; 2) государственные органы и должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу; 3) лиц, отстаивающих в уголовном процессе свои или представляемые в уголовном процессе права и интересы. При этом иных лиц (свидетеля, понятого, переводчика, эксперта, специалиста, секретаря судебного заседания) Ю.К. Якимович к числу участников уголовного процесса не относил[2]. Данная точка зрения представляется дискуссионной, так как указанные лица участвуют в правоотношениях, они являются участниками уголовного судопроизводства.

Таким образом, анализируя приведенные точки зрения ученых, можно выделить основные позиции по вопросу о соотношении понятий «участник» и «субъект» уголовного судопроизводства: 1) они тождественны; 2) они различны и являются самостоятельными категориями; 3) понятие «участник» уголовного судопроизводства шире понятия «субъект»; 4) понятие «субъект» уголовного судопроизводства шире понятия «участник».

В рамках диссертационного исследования проведен опрос практических сотрудников правоохранительных органов. В результате установлено, что 21,6% считают, что понятия «участник» и «субъект» уголовного судопроизводства не являются равнозначными, 48,6% отметили, что понятие «участник» шире, чем «субъект», 13,5% придерживаются мнения, что данные категории являются равнозначными, 16,2% полагают, что категория «субъект» шире категории «участник»[3]. Аналогичное мнение высказали и опрошенные нами эксперты, имеющие ученые степени докторов и кандидатов юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Из 52 респондентов 29 (55,8%) считают, что понятие «участник» шире понятия «субъект», 16 (30,8%) ученых полагают, что данные категории являются самостоятельными и только 7 (13,4 %) респондентов считают их равнозначными.

---

[1] *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 10.

[2] Там же. С. 10-15.

[3] См. приложение 2.

Мы поддерживаем мнение о том, что все органы и лица, вовлечённые в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, являются его участниками. Они осуществляют присущую им деятельность, соответствующие функции или содействуют в их выполнении в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что понятие «субъект» является более узким и конкретизированным, тогда как «участник» – более общим. Должностные лица обладают в рамках уголовно-процессуальных отношений не субъективными правами и юридическими обязанностями, а полномочиями. Говоря об участниках уголовного судопроизводства, не обладающих властными полномочиями, отметим, что в ходе предварительного расследования они вправе участвовать в доказывании, однако это не указывает на наличие у них полномочий по непосредственному собиранию доказательств.

В связи с этим считаем, что к категории «субъект уголовного процесса» («субъект уголовного судопроизводства») необходимо относить лишь тех участников уголовного судопроизводства, которые являются источником активной деятельности (суд, прокурор, должностные лица органов предварительного расследования), поэтому занимают ведущее положение, отвечают за ход производства, а также итоговые решения, наделены соответствующими полномочиями. В результате их деятельности в уголовный процесс могут быть вовлечены и другие участники судопроизводства. Данные субъекты применяют нормы уголовно-процессуального права, а также меры процессуального принуждения в отношении иных участников.

Уголовно-процессуальная деятельность ведется от имени государства специально уполномоченными должностными лицами, не имеющими ни к преступлению, ни к другим связанным с ним обстоятельствам никакого личного отношения. Представители государства не имеют личного интереса, они вступают в уголовно-процессуальные отношения в связи с необходимостью вовлечения в юридический спор о наличии оснований для наказания «третьих

лиц»[1]. Как справедливо рассуждает С.Б. Россинский, в противном случае при возникновении ситуаций, исключающих объективность или беспристрастность этих лиц, они обязаны устраниться от участия в производстве по уголовному делу либо подлежат принудительному отводу в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 62 УПК РФ[2]. Указанное и является основной отличительной чертой субъектов, узнающих об обстоятельствах, связанных с предметом будущего судебного разбирательства, только при получении сообщения о совершенном или готовящемся преступлении от иных лиц, имеющих собственный интерес, отстаивавших свои права или представляющих права других субъектов.

В этом отношении справедливы выводы Л.В. Головко о том, что роль государства не может быть сведена к простому участию в уголовном судопроизводстве, оно не участвует в деле непосредственно, в качестве какого-то одного автономного субъекта. При этом все властные полномочия в уголовном процессе осуществляются государством посредством действующих от его имени публично-правовых субъектов. К примеру, функция предварительного расследования осуществляется от имени государства, причем это правило действует независимо от его формы и институциональной природы. Параллельные расследования реализовать невозможно. Именно государственный характер деятельности следователя или дознавателя придает собираемым им сведениям официальный статус, в том числе с доказательственной точки зрения[3]. Соглашаясь с приведенным суждением, отметим, что уголовное судопроизводство решает публично-правовые задачи, это принципиально отличает его от гражданского судопроизводства, где отношения между его участниками конструируются на частноправовых началах, присутствует равенство сторон, а государство в лице суда выполняет лишь роль арбитра. Иное построение уголовного

---

[1] *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 173.

[2] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 2021. С. 17.

[3] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М., 2022. С. 168–180.

процесса приводит его к совершенно другим процессуальным конструкциям, предусматривающим стадии, где должностные лица, в силу возложенных на них обязанностей, инициативно ведут производство, решая публично-правовые задачи.

Развивая мысль авторитетного ученого, полагаем, что объективная необходимость в выработке определения, которое могло бы охарактеризовать в полном объеме отмеченную группу участников – должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное производство, – обусловлена следующими обстоятельствами:

1) имеют особенное положение в уголовном процессе;

2) обладают полномочиями выносить решения о начале производства по делу;

3) обладают полномочиями осуществлять производство по делу, занимать в нём ведущее положение, нести ответственность за его ход, результаты и решения;

4) каждый из них действует в пределах своих полномочий, выполняет свои специальные задачи и использует для этого особые процессуальные средства;

5) права и обязанности, которыми они наделены как участники, имеют существенные отличия от прав и обязанностей других субъектов правоотношений.

В уголовном судопроизводстве органы и должностные лица обладают специальной правосубъектностью, то есть способностью быть участником определенного круга отношений, возникающих в результате исполнения своих должностных обязанностей, представляющей собой специфическую правовую категорию, отражающую своеобразие предмета уголовно-процессуального регулирования. Такие субъекты уголовно-процессуальных отношений не только участвуют в уголовном процессе, но и организуют, легитимируют и отвечают за его результаты.

М.Н. Кузембаева приводит аргументы о целесообразности использования в тексте уголовно-процессуального закона понятия «субъекты дознания», отно-

ся к таковым орган дознания, начальника органа дознания и дознавателя, думая, что данное понятие может использоваться в тех случаях, когда установления закона необходимо адресовать не отдельным, а всем должностным лицам органа дознания[1].

Полагаем, что более правильной является позиция, в соответствии с которой субъектов, осуществляющих уголовное производство, следует относить к особой группе, ими являются органы государства и должностные лица, определяющие ход уголовно-процессуальной деятельности и ответственные за него, они и вовлекают в уголовно-процессуальную деятельность остальных участников[2]. Существенным фактором для объединения таких субъектов в отдельную группу является то, что они наделены соответствующей компетенцией, правоприменительными властными полномочиями, правом принятия решений, осуществляют процессуальные действия в ходе уголовного судопроизводства, их познавательная деятельность существенно отличается от деятельности других участников со стороны обвинения и защиты. От деятельности данных субъектов, ее законности и обоснованности зависит начало и последующее расследование уголовного дела. Реализация уполномоченными государством субъектами своих функций является продуктом их деятельности в судопроизводстве, назначение которого состоит в прямой зависимости от властного начала уголовно-процессуальных отношений. Процессуальная форма по своей сущности должна обеспечивать интересы государства и общества в борьбе с преступностью, предоставляя уполномоченным субъектам уголовного производства соответствующие правовые процедуры.

Невозможно реализовать в полном объеме процессуальные права участников и выполнить возложенные на них обязанности без связи с соответствующими должностными лицами и органами, т.е. с «субъектами, осуществляющими уголовное производство». Кроме того, в некоторых случаях появление

---

[1] *Кузембаева М.Н.* Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 14.

[2] *Уголовный* процесс: учебник / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д., 2015. С. 59–62.

других участников инициируется такими субъектами. Указанные правоотношения объясняются ярко выраженным публично-правовым характером уголовного судопроизводства[1]. Предоставленные субъектам уголовного процесса (должностным лицам и государственным органам) полномочия носят властный характер. Участники, вступающие с ними в правоотношения, обязаны подчиниться их решениям, могут быть подвергнуты принуждению к исполнению возлагаемых на них обязанностей.

Еще одно важное уточнение. Л.В. Головко справедливо указывает на то, что уголовное преследование осуществляется от имени государства как единственного источника его легитимности. Концептуально это связано с тем, что преступление общественно опасно, т.е. по определению посягает на общий (публичный интерес), защищать который государство и призвано. Если рассматривать какое-либо деяние как посягательство исключительно на частный интерес, то оно перестает быть преступлением, становится частноправовым деликтом и переходит в плоскость гражданского судопроизводства, и уголовный процесс здесь не нужен. Поиск справедливого для общества решения, то есть наказание действительно виновных и освобождение от уголовного преследования действительно невиновных, требует от государства сложной организации уголовного судопроизводства, где разные должностные лица и органы выполняют в качестве представителей государства разные процессуальные функции. Поэтому от имени государства осуществляются и предварительное расследование, и обвинение, и правосудие[2]. С приведённым высказыванием трудно не согласиться.

Необходимо отметить, что в системе субъектов, осуществляющих уголовный процесс, первоочередная роль принадлежит суду. Только данный субъект правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ). Свое решение суд основывает на

---

[1] *Участники* современного российского уголовного судопроизводства. С. 20.

[2] *Головко Л.В.* Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

доказательствах, которые должны быть исследованы в судебном заседании. Вместе с тем рассмотрение большинства уголовных дел было бы невозможным без предварительной подготовки дела. Исходя из принципа состязательности сторон, суд не вправе возбуждать уголовное дело, выявлять совершивших преступления лиц и осуществлять их преследование. Для вынесения обоснованных и справедливых приговоров объективно необходима подготовительная деятельность, которая осуществляется субъектами досудебного производства. Принимая во внимание географические характеристики нашей страны и иные объективные препятствия к оперативности судебного разбирательства, следует признать верным, что для российского процесса досудебное производство с «консервацией» доказательств «до суда и для суда» имеет особое значение[1], а компетенция субъектов, осуществляющих досудебное производство, – важная составляющая отечественной правоохранительной деятельности.

Досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается направлением уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу (п. 9 и п. 56 ст. 5 УПК РФ). Оно является обязательным по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, а в предусмотренных законом случаях (ч. 4 ст. 20, чч. 2 и 4 ст. 147, ч. 3 ст. 318 УПК РФ) – и по делам частного обвинения.

Отечественное уголовное судопроизводство традиционно относится к «смешанной» модели, в которой досудебное производство носит преимущественно розыскной характер, а судебное производство насыщено состязательными элементами. При провозглашении состязательности сторон как принципа всего уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ) разработчики закона преследовали цели его преобразования в англосаксонскую форму уголовного производства. Однако фактически состязательность реализуется лишь в судебных стадиях, тогда как возбуждение уголовного дела и предварительное расследование по-прежнему осуществляется в розыскном порядке, что объясняется глу-

---

[1] *Дершиев Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск, 2004. С. 47.

бинными причинами, главным образом неизменностью объективной истины как цели доказывания[1]. Потребность в проведении досудебного производства обусловлена интеграцией публичного уголовного преследования с состязательным характером современного правосудия[2]. В каждом случае, предполагающем потенциальную перспективу судебного разбирательства, специально уполномоченные субъекты вынуждены осуществлять полное, всестороннее и объективное познание обстоятельств, влияющих на юридическую оценку и правовые последствия содеянного[3]. Рассматриваемая деятельность компетентных государственных органов и их должностных лиц требуется в целях обеспечения формирования обоснованной уголовно-правовой претензии и создания иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Подчиненные данной цели задачи (раскрытия преступления, изобличения виновных, принятия мер к установлению вреда причиненного преступлением и его возмещению, обеспечению участия обвиняемого в производстве по делу и другие)[4] разрешаются субъектами досудебного производства посредством осуществления облеченных в процессуальную форму решений и действий (содержание досудебного производства). А.А. Давлетов обосновывает идею о том, что «для приведения УПК РФ в соответствие с конституционным требованием состязательности судопроизводства необходимо перейти на узкую трактовку уголовного судопроизводства как уголовно-процессуальной деятельности лишь в судебных стадиях, а правило состязательности закрепить применительно только к этой части уголовного процесса»[5].

---

[1] *Азарёнок Н.В.* Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 11–12.

[2] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 15.

[3] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: учебник. М., 2022. С. 14–16.

[4] *Досудебное* производство в уголовном процессе: уч. пос. / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2017. С. 28–29.

[5] *Давлетов А.А.* О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 37–43.

Интересной позиции придерживается А.В. Авилов, выделяя «субъектов обязанности доказывания», полагая, что указанные субъекты наделены УПК РФ исключительными полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств, использованию мер процессуального принуждения[1].

В качестве отличительного признака деятельности следователя и других субъектов, участвующих на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, исследователи называют функцию доказывания (формирования доказательств)[2]. Полагаем, что наличие полномочий по собиранию, проверке и оценке доказательств является важной составляющей компетенции соответствующих субъектов. Вместе с тем основным предназначением досудебного производства является обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии, «уголовного иска») как предмета последующего судебного разбирательства. Причем выражение «обеспечить возможность» не подразумевает обязательности формирования подобной позиции, а лишь означает подведение производства к такой наивысшей точке, к такому кульминационному моменту, когда у «расследователя» появится достаточно полное понимание и осознание всех обстоятельств, влияющих на исход дела. Причем если сформировать позицию обвинения не получится и имеющиеся сведения приведут к убежденности в необходимости принятия иного решения (например, постановления о прекращении уголовного дела) – это будет законный и обоснованный результат, обусловленный сложившейся ситуацией[3]. В любом случае субъекты досудебного производства обязаны принять правоприменительный акт, связанный с применением норм материального (уголовного) права. И главная особенность, отличающая их от других участников уголовного процесса (субъектов уголовно-процессуальных правоотношений), как раз и за-

---

[1] *Авилов А.В.* Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 8.

[2] *Чабукиани О.А.* Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2023. С. 14–18.

[3] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 18–19.

ключается в обусловленной законом способности и обязанности осуществлять деятельность по применению уголовного закона.

Следует признать правильной позицию ученых-процессуалистов, считающих, что до вынесения судебного приговора уголовно-правовые нормы применяются и органом дознания, и следователем, и прокурором[1]. Дело в том, что применить уголовный закон – это не значит решить вопрос о виновности лица в совершении преступления и назначить наказание по уголовному закону. Субъекты уголовного процесса применяют уголовный закон всякий раз, когда для решения того или иного вопроса им приходится обращаться к нормам УК РФ. Обязанность возбудить уголовное дело возникает лишь при условии, если орган расследования усмотрит в деянии, о котором заявлено в сообщении, наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Это можно сделать, только руководствуясь уголовным законом. После чего еще до постановления приговора возникает целый ряд вопросов, которые разрешаются с применением уголовных, а не только уголовно-процессуальных законов[2]. В связи с этим применение норм уголовного закона является прерогативой государственных органов и должностных лиц, т.е. тех субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые наделены соответствующими полномочиями, включая и применение мер государственного принуждения[3].

В соответствии с установленной УПК РФ компетенцией именно субъекты досудебного производства осуществляют деятельность, направленную на правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления. К их исключительным полномочиям относится вынесение индивидуальных процессуальных актов предварительного применения уголовного закона (в актах о возбуждении

---

[1] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения М., 1975. С. 46–47; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 23–25; Рарог А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 2. С. 376; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 15; Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография. Хабаровск, 2010. С. 234–235.

[2] Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 259.

[3] *Наумов А.В.* Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 43.

уголовного дела, уведомлении о подозрении, привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и т.п.), а в качестве исключения – и итогового применения (решения об отказе в возбуждении/прекращении уголовного дела)[1]. Так, в 2022 году всего зарегистрировано 1 966 795 преступлений[2]. При этом сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 826,7 тыс. преступлений (–0,2%), что составляет 79,8% от всего массива деяний, сотрудниками следственных органов Следственного комитета РФ – 145,4 тыс. преступлений (+3,6%), что составляет 14,0% массива[3]. Отметим, что предварительно расследованным считается преступление, о котором вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также о котором окончено предварительное расследование и уголовное дело направлено в суд либо прекращено[4].

Действия и решения субъектов досудебного производства так или иначе связаны с необходимостью дачи правовой оценки деяния, обладающего признаками преступления, и создания предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

Обратим внимание, что участие государственных органов и должностных лиц в деятельности по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству в ряде случаев не предполагает принятия решений, основанных на применении норм уголовного закона. Так, должностные лица органа дознания обязаны исполнить письменные поручения следователя, дознавателя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и

---

[1] *Муравьев К.В.* Процессуальные акты применения уголовного закона // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 97–105.

[2] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 06.04.2023).

[3] https://media.mvd.ru/files/application/4683439 (дата обращения: 06.04.2023).

[4] *О едином* учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов»): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (пункт. 2.10). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

иных процессуальных действий, оказывать содействие при их осуществлении и др. (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 6 ч. 1 ст. 40.2, п. 1^1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). Кроме того, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны исполнять поручение о производстве следственных или розыскных действий при необходимости их проведения вне места предварительного расследования (ч. 1 ст. 152 УПК РФ), а также в случае организации следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 189^1 УПК РФ).

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий давались следователями и дознавателями по 93% уголовных дел, и в 6% случаев проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ[1]. Это демонстрирует активное использование данного полномочия преимущественно в стадии расследования.

Объемы организации следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи при проведении предварительного расследования пока не являются значительными, но имеется тенденция к расширению применения ст. 189^1 УПК РФ.

Вместе с тем следователь, дознаватель или орган дознания по месту нахождения лица, которым направленно письменное поручение об организации проведения следственного действия в порядке ст. 189^1 УПК РФ, не могут принимать правоприменительные решения, связанные с нормами уголовного закона. Они выполняют обеспечительную функцию, оказывают содействие, технически организуют участие в следственном действии соответствующих лиц и т.п.[2] Таким образом, письменное поручение, направляемое следователю, дознавателю или в орган дознания для организации проведения следственных дей-

---

[1] Указанные факты выявлены при изучении материалов уголовных дел и материалов об отказе в возбуждения уголовного дела в соответствии с разработанной примерной программой.

[2] *Мерлаков Д.С.* Компетенция органов предварительного расследования по проведению следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1. С. 109–115.

ствий в порядке ст. 189[1] УПК РФ, существенно отличается от классического понимания поручения, которое можно сформулировать как письменное обращение к другому органу расследования или дознания с просьбой провести процессуальные или следственные действия по уголовному делу. Учитывая сказанное, отметим, что УПК РФ предусмотрены четыре вида поручений: 1) поручение следователя органу дознания по месту производства предварительного следствия в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ; 2) поручение органу дознания или следователю, направляемое в другое место (ч. 1 ст. 152 УПК РФ); 3) письменное поручение органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий при рассмотрении сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 144 УПК РФ; 4) письменное поручение, направляемое в порядке ч. 2 ст. 189[1] УПК РФ по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым.

И.С. Дикарев придерживается точки зрения, согласно которой процессуальная функция органа дознания при исполнении поручения полностью исчерпывается в том момент, когда оно исполнено, функцию такого участника уголовного процесса следует определять, как содействие уголовному судопроизводству[1].

В связи с этим будет неправильно относить к субъектам досудебного производства привлекаемых для оказания содействия в уголовный процесс органов и должностных лиц, когда они не уполномочены осуществлять правовую оценку деяния (следователей и должностных лиц органа дознания, компетентные органы и должностные лица иностранных государств и международных организаций при исполнении письменных поручений (запросов) следователя, дознавателя о проведении отдельных следственных или иных процессуальных действий, об осуществлении мер безопасности и т.п.). Осуществляя содействие субъектам досудебного производства, участники процесса, которым поручено исполнение соответствующих поручений, по своей сути реализуют вспомогательную деятельность, соответственно субъектами, ведущими досудебное про-

[1] *Дикарев И.С.* Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 101.

изводство, не являются. Принимать процессуальные решения, выходить в результате своей деятельности за рамки поручения отдельных следственных действий, исполнения постановления о приводе, заключении под стражу, производстве иных процессуальных действий, не указанных в письменном поручении следователя и дознавателя, не допускается.

Деятельность субъектов уголовного процесса (компетентных государственных органов и должностных лиц) порождает совокупность урегулированных законом публичных правоотношений с другими участниками, вовлекаемыми в уголовное судопроизводство (лицами, которые содействуют уголовному преследованию (заявитель, потерпевший, а также исполняющий поручение следователь, орган дознания, дознаватель) или защищаются от него (подозреваемый, обвиняемый, защитник), способствуют установлению имеющих значение обстоятельств (свидетель, специалист, эксперт) и т.п.). Каждый из участников досудебного производства реализует свое назначение, для чего наделен соответствующими правами и обязанностями, позволяющими выполнять собственную роль в уголовно-процессуальных правоотношениях.

В завершение данного параграфа, сформулируем следующие выводы:

1. Категории «участник» и «субъект» уголовного судопроизводства не являются равнозначными. К субъектам уголовного процесса следует относить тех участников производства, которые: 1) не имеют собственного интереса в юридическом споре о преступлении; 2) наделены государством правоприменительными властными полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств; 3) уполномочены принимать решения, связанные с применением уголовно-правовых норм, отражающих начало, последующее движение, завершение производства по уголовному делу.

Реализация функций данных субъектов является продуктом их деятельности в судопроизводстве, назначение которого состоит в прямой зависимости от властного начала уголовно-процессуальных отношений.

2. Субъекты досудебного производства – уполномоченные государством органы и должностные лица, которые вступают в правоотношения с другими

участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют деятельность, связанную с формированием доказательств, предварительной правовой оценкой деяния, обладающего признаками преступления, а также созданием иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

3. К субъектам досудебного производства не относятся привлекаемые для оказания содействия в уголовный процесс органы и должностные лица, не уполномоченные осуществлять правовую оценку деяния. В связи с этим исполнение следователями и должностными лицами органа дознания, а также компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций письменных поручений (запросов) следователя, дознавателя о проведении отдельных следственных или иных процессуальных действий, об осуществлении мер безопасности и т.п. не предполагает наделения данных участников уголовного процесса компетенцией субъектов досудебного производства.

Детальное изучение правового положения субъектов, осуществляющих уголовное производство, оснований вовлечения в уголовный процесс, их классификации позволит определить особенности, характеризующие данную деятельность, что, в свою очередь, будет способствовать разграничению их компетенции, установлению четких критериев эффективности и определению конкретных направлений совершенствования.

§ 2. Классификация субъектов досудебного производства, ее значение при определении компетенции

Для решения задач исследования под классификацией нами понимается общенаучный метод систематизации знания, направленный на организацию совокупности изучаемых объектов различных областей действительности, знания и деятельности, в систему соподчинённых групп (классов), по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определённых сущностных

свойствах. Цель классификации – определение места объекта в системе и установление наличия связей между ними[1].

Определение признаков и свойств, характерных для субъектов досудебного производства, позволит выявить их сущность, которая будет способствовать единообразному пониманию рассматриваемой процессуальной категории. Это позволит определить их связи и пределы компетенции.

При классификации участников уголовного судопроизводства следует исходить из общего подхода, рассматривать систему группировки объектов исследования в соответствии с их общими признаками и их деятельностью.

Субъектов, осуществляющих досудебное производство, необходимо классифицировать по содержанию совершаемых ими действий, по стадиям, в которых они принимают участие, так как все эти признаки связаны между собой и не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Значение такой классификации состоит в том, что она формирует более четкое представление о месте и роли субъектов досудебного производства, объеме их прав и обязанностей, позволяет определить приоритет направления совершенствования уголовно-процессуального закона в соответствующей части.

Подходы к классификации участников уголовного судопроизводства в науке уголовного процесса разнообразны. В их основу положены критерии, определяющие роль в осуществлении задач уголовного судопроизводства, объем прав и обязанностей, участие в доказывании, активность познавательной деятельности и другие[2].

Так, М.С. Строгович общим признаком для субъектов уголовно-

---

[1] *Шорохова С.П.* Логика и методология научного исследования: уч. пос. М., 2022. С. 113.

[2] *Павлов Н.Е.* Субъекты уголовного процесса. М., 1997. С. 6-7; *Рыжаков А.П., Сергеев А.И.* Субъекты уголовного процесса. Тула, 1996. С. 6; *Михайлов В.А.* Понятие и классификация участников уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 44–64; *Уголовный* процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С. 151; *Колесников О.В., Макаренко М.А.* Участники уголовного судопроизводства: лекция // Мир политики и социологии. 2017. № 5. С. 140–178; *Калиновский К.Б.* Систематизация участников уголовного процесса в современном российском уголовном процессе // Проблемы совершенствования правовой системы в России: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2004. С. 145–146.

процессуальной деятельности выделял то, что их участие выражается в отношении таких процессуальных действий, совокупность которых образует производство по уголовному делу. Прежде всего, выделяются государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и наделённые законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения. Он относил их к «ведущим производство по уголовному делу» органам государства[1].

В.Н. Шпилев классифицировал участников уголовного процесса на лиц, ведущих уголовный процесс; лиц, защищающих свой личный интерес; иных участников, оказывающих содействие органу, ведущему уголовный процесс, и при этом не имеющих личного интереса[2]. Особенность приведенной классификации заключается в том, что государственные органы и должностные лица, которые осуществляют уголовный процесс, рассматриваются в отдельной группе, как субъекты, наделенные властными полномочиями.

Применительно к советскому уголовному процессу Н.С. Алексеевым, В.Г. Даевым, Л.Д. Кокоревым приводилась классификация участников уголовного процесса, содержащая в себе пять групп: 1) органы государственной власти, осуществляющие расследование преступлений, рассмотрение и разрешение уголовных дел, – органы дознания, следователь прокурор, суд; 2) участники уголовного процесса, имеющие личный интерес, – обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданские истец и ответчик; 3) лица, представляющие в уголовном процессе интересы других субъектов, – защитник обвиняемого, представители потерпевших, гражданского истца, ответчика; 4) представители общественных организаций и коллективов трудящихся – общественные обвинители, общественные защитники; 5) лица, содействующие государственным органам в осуществлении судопроизводства, – свидетели, эксперты, специалисты, понятые, переводчик и т.д.[3] Такая классификация

---

[1] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 203–206.

[2] *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. М., 1970. С. 13–15.

[3] *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерки развития науки советского уголовного процесса: монография. Воронеж, 1980. С. 112.

участников представляется интересной, однако нуждается в конкретизации, о чем речь пойдет далее.

Приведенные научные точки зрения были высказаны более 40 лет назад, однако не теряют своей актуальности и сегодня. В соответствии со ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. задачами советского уголовного судопроизводства считались быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы ни один виновный не избежал ответственности и наказания и ни один невиновный не был необоснованно привлечен к уголовной ответственности и осужден. Необходимо учитывать, что соблюдение и защита прав участников уголовного процесса рассматривалась не в качестве самостоятельной задачи, а лишь как условие, обеспечивающее ее решение.

В связи с принятием УПК РФ, дальнейшим развитием уголовно-процессуального законодательства и расширением состязательных начал возникла необходимость переосмысления целей и задач уголовного процесса. Уголовное судопроизводство стало иметь назначение охранительного типа – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Это обусловило появление новых классификаций участников судопроизводства. Однако идея выделения таких субъектов уголовного процесса, как «органы государственной власти, осуществляющие расследование преступлений, рассмотрение и разрешения уголовных дел» или «лица, ведущие уголовный процесс» (рассматриваемых в советском уголовном процессе), законодателем не воспринята.

В проекте УПК РФ № 97700236-2, принятом в июне 1997 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, дознаватель были объединены в гл. 5 «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие функцию уголовного преследования» и не отнесены к стороне обвинения. В свою очередь, в ст. 5 данного документа уголовное преследование рассмат-

ривалось как деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления[1].

Проект УПК РФ был направлен в Совет Европы для экспертной оценки. В результате его исследования было обращено внимание на то, что он придерживается прежней, советской модели уголовного процесса, это проявляется в чрезвычайно детализированной регламентации досудебного производства, а также в широком объеме процессуальных прав следователя. Документ содержит множество правил, которые в большей степени должны содержаться в практических пособиях для дознавателей, следователей, прокуроров и судей[2]. В результате дальнейшей правотворческой работы текст УПК РФ 2001 г. в части регламентации правового статуса участников и их классификации стал существенно отличаться от указанного проекта.

В действующем УПК РФ все участники уголовного судопроизводства классифицированы в зависимости от выполняемой процессуальной функции в рамках принципа состязательности. Кроме того, в п. 45 ст. 5 УПК РФ используется понятие «стороны», определенное законом как «участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения или защиты от обвинения». По нашему мнению, деление участников уголовного процесса, предложенное законодателем, не отражает совокупности существенных признаков, которые выражаются в процессе взаимоотношения при производстве по делу. В качестве дополнительного аргумента приведем суждение Л.В. Головко, согласно которому «государство присутствует в уголовном процессе постоянно, имея монополию на производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в лице представляющих его органов и должностных лиц, но в качестве «стороны» делегирует только прокуро-

---

[1] *Проект* № 97700236-2 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 06.06.1997). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2021).

[2] *Уроки* реформы уголовного правосудия России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и мат. М., 2007. С. 395.

ра – государственного обвинителя в судебном производстве, поручая при этом другому своему представителю – суду – разрешить дело»[1]. Приведенное суждение считаем правильным.

В гл. 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» упомянуты прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель[2]. Наравне с должностными лицами в данную главу включены участники, которые вовлекаются в уголовный процесс в результате защиты личных интересов в судопроизводстве или представления интересов других лиц, – потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, их представители.

Данный подход подвергли критике В.Т. Томин и Е.Н. Карпов. Они отметили, что в одной классификационной группе оказались участники с различными целями и интересами, хотя значимым основанием для классификации участников следует считать вид функции, преобладающей в их характере[3]. В учебнике под редакцией Б.Б. Булатова и А.М. Баранова указывается, что при классическом подходе классификация участников осуществляется по цели их участия в процессе, направлению деятельности, связи с задачами уголовного процесса, отношению к результатам производства по уголовному делу[4]. Соглашаясь с приведенными мнениями, считаем, что основой классификации участников уголовного судопроизводства является характер осуществления ими процессуальной деятельности.

В свое время И.Я. Фойницкий отмечал, что «лицами, участвующими

---

[1] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М., 2022. С. 342.

[2] После принятия УПК РФ система субъектов досудебного производства расширена новыми должностными лицами, которые не были включены в раздел II УПК РФ, например, следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ) и должностное лицо органа дознания (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). См.: *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ; *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Уголовный* процесс: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. С. 302.

[4] *Уголовный* процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. В 2 ч. М., 2017. Ч. 1. С. 72.

в предварительном следствии, считаются все так или иначе соприкасающиеся с его производством, так или иначе заинтересованные в тех действиях, из которых оно слагается, или постановлениях и распоряжениях, сделанных в течение его»[1]. При этом уважаемый ученый указывал, что положение таких лиц в уголовном процессе, их процессуальные права и обязанности не одинаковы, и только некоторым принадлежат права, свойственные сторонам[2]. Справедлив, на наш взгляд, и подход А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, которые считают, что классификация участников состязательного процесса в зависимости от выполняемых ими функций не универсальна и не может их охарактеризовать всесторонне. По критерию отношения к властным полномочиям эти авторы разграничивают субъектов на государственные органы, ведущие процесс и имеющие полномочия принимать решения по делу (суд, прокурор, органы предварительного расследования), и лиц, участвующих в судопроизводстве, – в частности, потерпевшего, гражданского истца, их представителей и т.д., которые не имеют властных полномочий и не вправе принимать официальных решений по делу[3]. Взяв за основу функции, преобладающие в уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства, В.Т. Томин и Е.Н. Карпов предложили классификацию, в которой отдельное место занимают: государственные органы и должностные лица, ведущие процесс, и физические и юридические лица, имеющие в деле признаваемый законом интерес[4]. Ю.К. Якимович в числе участников предлагал выделять государственные органы и должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу, а также лиц, отстаивавших в уголовном процессе свои или представляемые права и интересы[5].

Многие авторитетные ученые придерживаются точки зрения, согласно

---

[1] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 394.

[2] Там же.

[3] *Уголовный* процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 91.

[4] *Уголовный* процесс: проблемные лекции. С. 302.

[5] *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 15.

которой приведенная законодателем классификация с отнесением следователя и дознавателя к стороне обвинения не является обоснованной. Указанные субъекты в силу исполнения своих прав и обязанностей устанавливают обстоятельства, как обвиняющие, так и исключающие преступность и наказуемость деяния, что вытекает из ст. ст. 73, 85 и 86 УПК РФ[1]. В этой связи предлагается законодательно (предпочтительнее – на конституционном уровне) закрепить самостоятельность и автономность функции предварительного расследования, наряду с функциями обвинения (уголовного преследования), защиты и рассмотрения дела по существу[2].

По мнению С.Б. Россинского, разработчики УПК РФ, поддавшись известным псевдолиберальным веяниям и настоятельным советам американских «гуру», допустили непростительную ошибку – отнесли должностных лиц, ведущих предварительное расследование, к стороне обвинения. Вместе с тем досудебное производство фактически продолжает сохранять приверженность национальным традициям, а в действительности важно руководствоваться принципом полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела, текстуально не отраженным в принятом УПК РФ[3]. Ю.К. Якимович отмечал, что действующее конституционное и уголовно-процессуальное законодательство устанавливает состязательность только как принцип судебного производства, поэтому дознаватель, следователь в досудебном производстве не должны быть участниками обвинения, они осуществляют функцию объективного, всестороннего и полного расследования[4]. Схожую по-

---

[1] *Азаров А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2003. Вып. 6. С. 83; *Деришев Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск, 2004. С. 60.

[2] *Деришев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 11.

[3] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 2021. С. 19.

[4] *Якимович Ю.К.* Избранные труды. СПб., 2011. С. 526–528; *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса. С. 61.

зицию занимают Н.И. Ревенко[1], Р.Ф. Тоштемирова[2], В.С. Шадрин[3] и другие исследователи.

Отметим, что в свое время в заключении на Проект № 97700236-2 также были высказаны сомнения относительно включения следователя в число лиц, представляющих сторону обвинения: «Исходя из своего процессуального статуса при осуществлении предварительного следствия следователь должен быть также объективен и беспристрастен, как и суд»[4].

Л.В. Головко отмечает, что ни прокурор, ни следователь, ни дознаватель стороной обвинения, вопреки тексту УПК РФ, не являются. К таковой может относиться государственный обвинитель, т.е. прокурор, но только тогда, когда он утвердил обвинительное заключение, и дело поступило в суд[5]. И.С. Дикарев считает, что на протяжении всего расследования прокурор непричастен к осуществлению уголовного преследования, его функции сводятся к надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Подобное положение, по мнению ученного, не противоречит законодательному определению прокурора, который осуществляет от имени государства уголовное преследование, но не в досудебном производстве, а в судебных стадиях[6].

При проведении опроса правоприменителей установлено: 44,6% респондентов считают, что должностные лица органов предварительного расследования являются стороной обвинения в уголовном процессе. При этом 55,4% опрошенных отметили, что нормы, закрепляющие правовой статус руководите-

---

[1] *Ревенко Н.И.* Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 15–17.

[2] *Тоштемирова Р.Ф.* Уголовно-процессуальные властеотношения на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 100.

[3] *Шадрин В.С.* Следователь как участник уголовного процесса на рубеже третьего десятилетия применения УПК РФ // Российский следователь. 2023. № 4. С. 29.

[4] *Заключение* ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 09.11.2001 № 2.2-1/3362 «По проекту № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и проектам связанных с ним постановлений Государственной Думы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2021).

[5] *Головко Л.В.* Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.

[6] *Дикарев И.С.* Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 78.

ля следственного органа, следователя, начальников органа и подразделения дознания, а также дознавателя, должны регламентироваться отдельно от участников со стороны обвинения[1].

Обратим внимание, что в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран при характеристике субъектного состава используются подходы, в соответствии с которыми государственные органы (их должностные лица), ответственные за ведение производства, и участники, имеющие личный интерес, разграничиваются. Так в УПК Эстонии[2] в гл. 2 («Субъекты уголовного процесса») отдельно упомянуты лица, ведущие производство, и участники процесса (ст. 16). Лицами, ведущими производство, здесь названы суд, прокуратура и следственный орган. Участники процесса представлены подозреваемым, обвиняемым и их защитниками, потерпевшим и гражданским ответчиком.

В законах иных государств также используются формулировки, позволяющие отграничить от названных субъектов иных участников, – «органы, ведущие (осуществляющие) уголовный процесс», «лица, уполномоченные на ведение уголовного процесса» и т.п.

Так, в ст. 7 УПК Республики Азербайджан дается понятие «органов, осуществляющих уголовный процесс». Это органы дознания, следствия, прокуратуры или суды, в производстве которых находятся уголовное дело или иные материалы, связанные с уголовным преследованием»[3].

В п. 26 ст. 7 УПК Республики Казахстан приведено понятие органа, ведущего уголовный процесс, – суд, а также при досудебном расследовании прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель[4].

---

[1] См. Приложение 2.

[2] *Уголовно-процессуальный* кодекс Эстонии. URL: https:// legislationline.org/sites/ default/files/documents/85/Estonia_CPC_as_of_2019_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[3] *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Азербайджан. URL: https:// www.migration.gov.az/content/pdf/ f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[4] *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Казахстан. URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/d3/KAZ_CPC%20as%20of%_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

В соответствии с п. 34 ст. 6 УПК Туркменистана органами и лицами, ведущими уголовный процесс, являются суд, судья, а также органы уголовного преследования и лица, осуществляющие уголовное преследование при досудебном производстве по уголовному делу[1].

В ст.ст. 6 и 9 УПК Латвии отмечаются обязанности должностных лиц, уполномоченных на ведение уголовного процесса. А в ст. 26 УПК данной страны закрепляется, что полномочия на ведение уголовного процесса от имени государства имеют только должностные лица установленных настоящим законом учреждений, которым эти полномочия предоставлены согласно занимаемой этими лицами должности, распоряжению руководителя учреждения или постановлению направляющего уголовный процесс лица. В конкретном уголовном процессе полномочия имеют, в частности, направляющее процесс лицо; участники следственной группы; надзирающий прокурор; уполномоченное на ведение уголовного процесса должностное лицо, выполняющее поручение направляющего процесс лица, участника следственной группы или суда на производство процессуальных действий (исполнитель процессуальных поручений); прямой начальник следователя; вышестоящий прокурор; следственный судья поддерживающий обвинение. Причем в соответствии со ст. 27 УПК Латвии субъектом, именуемым «направляющее процесс лицо», является должностное лицо или суд, которые в конкретный момент ведут уголовный процесс[2].

УПК Беларуси в зависимости от осуществляемых функций и процессуального положения в отдельную группу выделяет государственные органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс, к которым относит судью, прокурора, государственного обвинителя, начальника следственного подразделения, следователя, начальника органа дознания, лицо, проводящее дознание[3].

---

[1] *Уголовно-процессуальный* кодекс Республики Туркменистан. URL: https:// legislationline.org/sites/default/files/documents/5a/Criminal%20Code_rus.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[2] *Уголовно-процессуальный* кодекс Латвии. URL: https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/upz-latvii-prava-i-objazannosti-uchastnikov-ugolovnogo-processa-v-latvii.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

[3] *Уголовный* процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. М., 2018. С. 538–542.

Учитывая доктринальные позиции и опыт зарубежного законодательства, считаем, что к особой группе участников, не относящихся ни к стороне обвинению, ни к стороне защиты, могут быть причислены ***государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовный процесс.***

Среди субъектов уголовного процесса суд занимает ведущее положение. Конституция РФ (ч. 1 ст. 118) провозглашает, что правосудие осуществляется только судом, который не является органом преследования, не выступает стороной обвинения или защиты. Данный орган создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и реализации представленных им прав. Несмотря на то, что только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание, а также применить другие меры уголовно-правового воздействия (п. 1–3 ч. 1 ст. 29 УПК РФ), компетенция данного субъекта не ограничивается судебными стадиями. Конечно, основная функция суда предполагает разрешение дела по существу, а также осуществление пересмотра судебных решений (п. 4 ч. 1 ст. 29, разд. XIII, XV УПК РФ), их исполнение, разрешение вопросов, возникающих при этом (разд. XIV УПК РФ). Вместе с тем суд является активным участником досудебного производства. Ему предоставлены значительные полномочия по решению важнейших вопросов, связанных с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Относительно новая функция суда (судебный контроль) состоит в предварительном (рассмотрение ходатайств о даче разрешения на применение мер принуждения или производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан) и последующем (проверка законности и обоснования решений и действий, проведенных в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без получения разрешение суда, а также по жалобам участников процесса) контроле за действиями и решениями органов расследования[1]. Кроме того, суд правомочен рассматривать в досудебном производстве жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и прокурора

[1] *Судопроизводство,* организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: уч. пос. / под общ. ред. А.Н. Артамонова. Омск, 2020. С. 48–106.

(ч. 3 ст. 29 УПК РФ). По мнению Л.В. Головко, «именно через участие в уголовном судопроизводстве суда государство создает абсолютную и полноценную процессуальность, т.е. надлежащую легитимность деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел»[1].

Суд в досудебных стадиях обладает широким кругом правомочий, перечень которых приводится законодателем в ст. ст. 105[1], 106, 107, 108, 109, 117, 118, 125, 125[1], 165 УПК РФ и др.

Вместе с тем Е.А. Овчинникова справедливо указывает на то, что в досудебном уголовном производстве суд действует не для установления фактических обстоятельств уголовного дела, а проверяет законность и обоснованность решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора. Судом учитываются доводы, изложенные в жалобе, проверяется законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения, путем исследования в судебном заседании имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах преступления[2]. Соответственно, *субъектом, ведущим досудебное производство, суд не является*, так как он не выполняет на этом этапе процесса доказательственную деятельность. В рамках контроля он осуществляет проверку представленных материалов на предмет их соответствия требованиям, установленным уголовно-процессуальным законом.

В.Ю. Стельмах пишет, что суд, «вклиниваясь» в процессуальную деятельность на досудебных стадиях, когда дело не находится в его производстве, создает предпосылки для успешного проведения судебных стадий, предотвращая нарушения со стороны органов предварительного следствия и обеспечивает защиту конституционных прав участников уголовного процесса[3]. В соответ-

---

[1] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство. С. 186–187.

[2] *Овчинникова Е.А.* Компетенция и полномочия суда (судьи) в Российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 146-147.

[3] *Стельмах В.Ю.* Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 29.

ствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ суд рассматривает правомерность ограничений конституционных прав участников досудебного производства.

Участие суда в стадии возбуждения уголовного дела связано с рассмотрением жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Указанная деятельность обоснованно воспринимается Верховным Судом РФ как форма осуществления правосудия. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 судам разъясняется, что, помимо постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела, судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат и иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях[1].

По мнению В.В. Николюка и В.В. Волынского, суды, безусловно, относят к категории приемлемых для рассмотрения жалобы на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Они наиболее распространены в судебной практике, чему есть свое объяснение. Данный вид процессуальных решений прямо назван в ч. 1 ст. 125 УПК РФ в числе тех, которые могут быть обжалованы заинтересованными лицами. Они чаще других встречаются среди итоговых решений, которые могут быть приняты по результатам проверки сообщений о преступлении, и непосредственно затрагивают права и законные интересы заявителей, поскольку блокируют доступ к правосудию[2].

В последнее десятилетие получила развитие научная полемика о введении в Российской Федерации института следственных судей. При этом предложено несколько моделей их существования: передача специализированным судьям функции предварительного расследования (в этом случае уместнее говорить о

---

[1] *О практике* рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Николюк В.В., Волынский В.В.* Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела: монография. Орел, 2013. С. 106.

судебном следователе[1]); активный судебный контроль, включающий комплекс полномочий, в том числе проверку и оценку сведений, представленных сторонами, по назначению на стадии расследования судебных экспертиз, по принятию итогового для стадии предварительного расследования решения о передаче дела с обвинительным заключением в суд и т.п.[2]; субъект, который компетентен санкционировать все меры пресечения, касающиеся ограничения конституционных свобод и имущественных прав граждан (судья по принуждению)[3]. Возможность причисления следственного судьи к субъектам, ведущим досудебное производство, может появиться только в случаях реализации тех предложений, при которых, в числе прочего, данное должностное лицо будет формировать доказательства и принимать решения о правовой оценке деяния, т.е. создавать правовые условия для рассмотрения уголовного дела в суде по существу.

В настоящий момент основополагающим для правового статуса суда является положение о его самостоятельности и независимости, в связи с чем в гл. 5 УПК РФ суд обоснованно выделен как отдельный субъект.

Полагаем, что субъекты досудебного производства должны быть причислены к особой группе участников процесса, не относящейся к сторонам обвинения или защиты[4]. Представляется оптимальным перемещение ст. ст. 37–41 УПК РФ в новую главу 5^1 УПК РФ «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство», расположенную после главы 5 УПК РФ «Суд»,

---

[1] Напр.: *Химичева О.В.* Судебный следователь или следственный судья? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. М., 2015. С. 398.

[2] *Морщакова Т.Г.* О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. URL: http://www.iuaj.net/node/1718 (дата обращения: 12.06.2021).

[3] *Рудич В.В.* К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 158; *Замуруева Е.Ю.* Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Орел, 2023. С. 187–190.

[4] *Мерлаков Д.С.* Соотношение понятий «участник» и «субъект» в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1. С. 166-167.

регламентирующей статус субъекта судебного производства[1].

Обратим внимание, что в классификациях, которые приводят процессуалисты, не всегда учитывается, что субъекты досудебного производства участвуют не только в производстве по уголовному делу, но уже на этапе рассмотрения сообщений о преступлении. Так, в Курсе уголовного процесса под редакцией профессора Л.В. Головко используется термин «лицо, ведущее производство по уголовному делу» с учетом того, что взаимосвязь уголовного дела и такого лица возникает с момента возбуждения дела и принятия его конкретным следователем или дознавателем к своему производству[2].

Вместе с тем УПК РФ структурно делит досудебное производство на возбуждение уголовного дела (раздел VII) и предварительное расследование (раздел VIII), а в соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. Поскольку УПК РФ формально выделяет два режима досудебного производства (уголовно-процессуальную деятельность при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и предварительное расследование, осуществляемое в виде дознания и предварительного следствия)[3], то процессуальную деятельность в досудебном производстве правильно понимать как «урегулированную уголовно-процессуальным законом систему процессуальных действий и процессуальных решений по рассмотрению сообщений о преступлении и предварительному расследованию уголовных дел»[4].

Для обозначения уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела еще в условиях действия предшествующего УПК

---

[1] При этом государственный обвинитель должен быть отдельным участником, его правой статус может быть закреплен в ст. 42.1 УПК РФ.

[2] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 78–79.

[3] *Дершиев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 19.

[4] *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 15.

широкое применение получил термин «предварительная проверка»[1]. В последнее время в ведомственных нормативных правовых актах[2] употребляется иной термин – «доследственная проверка»; он стал активно использоваться правоприменителями и в научной литературе[3]. Например, А.С. Лизунов под ней понимает регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность компетентных государственных органов, должностных лиц, в ходе которой проверяется поступившее в правоохранительный орган сообщение о совершенном либо готовящемся преступлении, определяется квалификация совершенного деяния, а также предпринимаются неотложные меры к установлению лица или лиц, совершивших преступление[4]. Отдельные процессуалисты используют как равнозначную «досудебному производству в форме предварительной проверки сообщений о преступлении» категорию «доследственное производство»[5]. Вместе с тем, полагаем, использование прилагательного «доследственная», то есть проводимая до осуществления следствия, является не совсем правильным: по результатам проверки может состояться производство дознания либо вовсе может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а значит, предварительное следствие не состоится. На наш взгляд, правильнее употреблять дефиницию «предварительная проверка», то есть проверка, предваряющая итоговое решение стадии возбуждения уго-

---

[1] *Степанов В.В.* Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. 142 с.; *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г.* Стадия возбуждения уголовного дела (В вопросах и ответах): уч. пос. Омск, 1995. С. 3; и др.

[2] *Об организации* взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью: приказ Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 г. № 127; *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры России от 26 января 2017 г. № 33; *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры России от 19 января 2022 г. № 1; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Миллер В.Ю.* Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: автореф. дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2019. С. 3, 4, 15, 16; *Филимоненко И.А.* Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид наук. Омск, 2021. С. 9, 10; и др.

[4] *Лизунов А.С.* Доследственная проверка как часть досудебного производства: автореф. дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2017. С. 10.

[5] *Наумов К.А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид наук. Омск, 2021. С. 7.

ловного дела, либо словосочетание «рассмотрение сообщения о преступлении» (оно используется в ст. 144 УПК РФ). Таким образом, категория «досудебное производство в форме рассмотрения сообщений о преступлении» наиболее правильно отражает сущность и характер указанной деятельности.

Рассмотрение сообщений о преступлении занимает сравнительно небольшое место в объеме задач, стоящих перед субъектами уголовного процесса, однако является неотъемлемой частью досудебного судопроизводства, а с учетом требований, предъявляемых надзорными органами к обоснованности принятия решений о начале предварительного расследования, приобретает особое значение. Границы предварительной проверки информации о преступлении не определены, с учетом возможности проведения ряда следственных действий и тенденции, направленной на их увеличение, необоснованно расширяются[1]. В связи с этим при определении компетенции субъектов досудебного производства, осуществляющих процессуальную деятельность, про данную часть досудебного производства забывать не стоит.

Таким образом, при классификации субъектов уголовного процесса вместо категории «осуществляющие производство по уголовному делу», ограничивающей компетенцию субъектов этапом предварительного расследования, целесообразно использовать словосочетание «осуществляющие уголовное досудебное производство», предполагающее деятельность компетентных субъектов уже на стадии возбуждения уголовного дела (при приеме сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, его проверке, вынесении решения, соответствующего установленным обстоятельствам (разд. VII УПК РФ)). Реализация полномочий данных субъектов продолжается в стадии предварительного расследования (разд. VIII УПК РФ).

Сфера отношений в уголовном процессе упорядочивается через регламентацию правового положения участников в форме законодательного закрепления их прав и обязанностей. Считаем, что классификацию субъектов, осу-

---

[1] *Абрамова Л.Л.* Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 87.

ществляющих уголовное досудебное производство, необходимо рассматривать через уголовно-процессуальные функции, то есть главные, основные направления уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемые субъектами на данном этапе.

Непосредственно в ч. 2 ст. 15 УПК РФ обозначены три уголовно-процессуальные функции: разрешение дела, обвинение, защита. В научной литературе число функций значительно расширяется, предлагается также выделить в качестве отдельных функций предварительное расследование, надзор и контроль за расследованием[1].

Стоит обратить внимание на то, что в юридической литературе нет единого мнения о том, что представляют собой процессуальные функции. М.С. Строгович под ними понимал «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности»[2]. В.М. Савицкий указывал, что «функция характеризуется именно направлением деятельности»[3]. Как направление уголовно-процессуальной деятельности определяют функцию и другие ученые[4].

Несколько иначе к понятию уголовно-процессуальных функций подходит Г.Н. Королев. Он представляет их как осуществляемую участниками уголовного процесса деятельность, характер и содержание которой установлены законом в зависимости от процессуального положения участников (их роли и назначения) в процессе, направленную на решение стоящих перед ними задач уголовного судопроизводства, отстаивание процессуальных интересов или вы-

---

[1] *Воробьева Ю.Ю.* К вопросу о видах и назначении уголовно-процессуальных функций // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 5. С. 11–14.

[2] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 188–189.

[3] *Савицкий В.М.* Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 42.

[4] *Гуляев А.П.* Процессуальные функции следователя. М., 1981. С. 7; *Ларин А.М.* Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 75; *Уголовный* процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2004. С. 28.

полнение процессуальных обязанностей[1]. П.С. Элькинд считала, что уголовно-процессуальные функции – это определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников. Вся уголовно-процессуальная деятельность складывается из определенных функций; у каждого субъекта уголовного процесса своя функция, которая и есть специальное назначение и роль участников процесса. Она выделяла следующие самостоятельные функции: 1) установление, проверка данных относительно преступления, их расследование; 2) функция обвинения; 3) функция защиты; 4) функция судебного рассмотрения и разрешения дела; 5) вспомогательные функции (переводчик, секретарь и т. д.); 6) побочные функции (поддержание гражданского иска, защита от гражданского иска)[2].

Определяя место субъектов в классификации, необходимо не только учитывать их обвинительную деятельность, но и рассматривать их участие в уголовно-процессуальных правоотношениях, которые, по мнению В.П. Божьева, следует воспринимать как возникающие на основе закона конкретные связи между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, характеризующиеся наличием субъективных уголовно-процессуальных прав и обязанностей[3]. Уголовно-процессуальные отношения порождаются действиями, осуществляемыми должностными лицами или государственными органами при наличии оснований, закрепленных в процессуальном законодательстве.

Н.А. Колоколов к предварительному расследованию относит деятельность всех органов государственной власти, независимо от уровня их самостоятельности и ведомственной принадлежности, осуществляющих: выявление преступной деятельности в целом; регистрацию конкретных преступлений; установление всех значимых обстоятельств совершения преступлений (сбор,

---

[1] *Королев Г.Н.* Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.

[2] *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 51, 66.

[3] *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1976. С. 85–87.

закрепление доказательств); выявление лиц, совершивших преступления; применение мер процессуального принуждения, включая заключение подозреваемых, обвиняемых под стражу, изъятие похищенного ими имущества; предъявление этим лицам конкретного обвинения. Данные виды деятельности могут выходить далеко за рамки полномочий следственных аппаратов, действующих строго на основе УПК РФ[1].

С учетом изложенного резюмируем, что под субъектами, осуществляющими досудебное производство, следует понимать таких участников, в производстве которых могут находиться материалы проверок сообщений о преступлениях или уголовные дела, а также участников уголовного судопроизводства, выполняющих контрольно-надзорные полномочия. Анализ обусловленных процессуальными функциями полномочий субъектов, осуществляющих досудебное производство, позволяет, в свою очередь, классифицировать их на отдельные группы:

А) субъектов, ведущих уголовное досудебное производство;

Б) субъектов, выполняющих надзорные полномочия в досудебном производстве;

В) субъектов, выполняющих контрольные полномочия и, при необходимости, ведущих уголовное досудебное производство.

Под субъектами, ведущими досудебное производство, мы понимаем должностных лиц государственных органов, уполномоченных в пределах своей компетенции реализовывать комплекс мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законом: рассматривать сообщения о преступлении, принимать процессуальные решения, в том числе о начале расследования уголовного дела, производить следственные и иные процессуальные действия.

Ведение производства предполагает связь между субъектом процесса и материалами производства. По общему правилу, требуется принятие уголовного дела к производству и проведение по нему предварительного расследования

---

[1] *Следственная* деятельность. Книга I. Anchetator: монография / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2021. С. 56.

(ч. 1 ст. 156 УПК РФ). При этом законодатель не определяет, каким способом устанавливается связь между материалом проверки сообщения о преступлении и компетентным субъектом досудебного производства. Данный вопрос регламентируется ведомственными нормативными актами. В частности, в соответствии с п. 40 и п. 41 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях[1] проверку зарегистрированного заявления (сообщения) осуществляет сотрудник органов внутренних дел только после оформления резолюции (с указанием исполнителя, срока проверки и порядка) поручения руководителя территориального органа МВД России (других уполномоченных лиц).

К субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, следует относить, в первую очередь, следователя и дознавателя. Именно данные должностные лица и государственные органы обозначены в ст. 144, 145 УПК РФ как уполномоченные принять, проверить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, а по результатам рассмотрения сообщения о преступлении составить итоговое решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. К их же компетенции отнесено принятие дела к производству, направление хода расследования, принятие решений о проведении следственных и иных процессуальных действий, мер процессуального принуждения (за исключением случаев, требующих судебного контроля), составление итоговых документов предварительного расследования (ст. ст. 38, 41, 91, 220, 225, 226^7 УПК РФ и др.).

Обратим внимание, что дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также имеющее иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7 ст. 5 УПК РФ). Таким обра-

---

[1] *Об утверждении* Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

зом, дознаватель – это процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, которым наделяется должностное лицо, состоящее в штате соответствующего государственного органа. Руководитель (начальник органа дознания) делегирует ему часть своих полномочий посредством назначения на должность своим приказом либо путем дачи разового поручения, оформленного распоряжением или постановлением. В первом случае лицо управомочивается осуществлять процессуальную деятельность на постоянной основе (как правило, на штатной должности в специализированном отделе дознания), при этом для осуществления проверки конкретного сообщения о преступлении, проведения дознания по определенному уголовному делу дополнительно требуется поручение начальника органа дознания или начальника подразделения дознания. Применительно ко второй ситуации начальник органа дознания уполномочивает осуществлять процессуальную деятельность в конкретном случае. Причем адресатом поручения может стать любое подчиненное лицо (например, в органах внутренних дел это могут быть оперуполномоченный отдела уголовного розыска полиции, участковый уполномоченный полиции и т.п.).

Законодатель наделяет компетенцией ведения уголовного досудебного производства и сам орган дознания (ст. 144, 145, 146, 148, 149, 156, 157 УПК РФ и другие). В соответствии с п. 24 ст. 5 УПК РФ органы дознания – это государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с Кодексом осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Их перечень закреплен в ч. 1 ст. 40 УПК РФ.

Участвуя в уголовно-процессуальных правоотношениях, органы дознания, являющиеся государственными органами, представляют собой систему, которая не может функционировать без начальника и подчиненных ему сотрудников. Орган дознания представляет собой автономный коллективный процессуальный статус. При этом Л.В. Головко обращает внимание на то, что

данный статус становится все более общим и мало определенным, а вся его конкретизация переходит на фигуру начальника органа дознания[1].

Ответственность за организацию и порядок процессуальной деятельности возлагается на руководителя данного учреждения. Он (начальник органа дознания) сосредотачивает в своих руках соответствующие полномочия, вправе лично их осуществлять или делегировать своим подчиненным[2]. Однако в ситуации делегирования полномочий подчиненным дознавателям (посредством уполномочивания на конкретный вид процессуальной деятельности) начальник органа дознания осуществляет контрольную функцию, и все процессуальные решения, принимаемые органом дознания, подлежат утверждению начальником (его заместителем). Только в случае, когда в качестве этого органа выступает должностное лицо (например, командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения или гарнизона), делегирования подчиненным своей компетенции (и осуществления контроля) законом не предусмотрено. Такая же ситуация соответствует правовому статусу должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Они не являются органами дознания, а в определенных обстоятельствах осуществляют процессуальные действия и принимают процессуальные решения, аналогичные действиям и решениям таких органов. На это указывает формулировка ч. 3 ст. 40 УПК РФ, которая предоставляет право возбуждения уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, выполнения неотложных следственных действий, не называя перечисленных должностных лиц органом дознания. О.Л. Васильев справедливо указывает на то, что «они не отнесены законодателем к органам дознания, иначе их бы перечислили в ч. 1 ст. 40 УПК РФ»[3]. Полагаем, что их процессуальный статус не определен. Наделены они такими полномочиями законодателем вынужденно, так как в некоторых ситуациях на подведомственных им территориях орган дознания может отсутствовать. Учитывая сказанное, УПК РФ наделяет данных должностных лиц

---

[1] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство. С. 297.

[2] *Уголовный* процесс: учебник / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2019. С. 91–92.

[3] *Судоустройство* и правоохранительные органы: учебник / под ред. Л.В. Головко. М., 2022. С. 647.

правом осуществлять деятельность, связанную с формированием доказательств и осуществлением правовой оценки деяния, обладающего признаками преступления, созданием иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде, а это означает, что возможно отнесение должностных лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, к субъектам, ведущим уголовное досудебное производство.

Что касается фигуры следователя (ст. 38 УПК РФ), то это субъект, ведущий уголовное досудебное производство, на которого законом возложено непосредственное осуществление полномочий органа предварительного следствия. Он обладает всей полнотой государственной власти и независимостью в принимаемых решений, в части тех полномочий, которые не требуют процессуального и судебного контроля, а также утверждения обвинительного заключения, постановления о направлении уголовного дела для применения принудительных мер медицинского характера, которые являются компетенцией прокурора. При этом А.Ю. Зотовым выделено шесть основных функций следователя в досудебном производстве: 1) принятие решения по рассмотренному заявлению или сообщению о преступлении; 2) исследование обстоятельств дела; 3) обеспечение защиты граждан от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности; 4) обвинение; 5) осуществление мер по возмещению вреда, причиненного преступлением; 6) разрешение уголовного дела[1].

Кроме того, к субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, следует относить следователя-криминалиста – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или осуществлять отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (п. 40^1 ст. 5 УПК РФ). В.М. Быков обоснованно критикует подход законодателя к закреплению такого субъекта в УПК РФ[2].

---

[1] *Зотов А.Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2021. С. 75.

[2] *Быков В.М.* Следователь в уголовном процессе России: монография. М., 2014. С. 41–44.

Проблема заключается в том, что процессуальный статус данного субъекта недостаточно определен. Только следователю и дознавателю уголовно-процессуальным законом предоставлены властные полномочия на производство следственных действий, которые нередко носят принудительный характер, а также на избрание мер пресечения и принятие других важных решений по уголовному делу.

Роль указанного должностного лица наиболее ярко выражена в приказе Следственного комитета РФ от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации»[1]. В целях определения компетенции следователей-криминалистов закреплены основные направления их деятельности: 1) криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета РФ; 2) производство предварительного расследования; 3) выполнение отдельных функций процессуального контроля; 4) дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений. Таким образом, наряду с функциями оказания содействия следователям при расследовании уголовных дел и производству следственных действий закреплена функция производства предварительного расследования. А.Ю. Зотов указывает на то, что следователь-криминалист в ходе реализации своих полномочий должен осуществлять криминалистическое сопровождение расследования преступления, то есть оказывать содействие в проведении или проводить самостоятельно только те следственные и иные процессуальные действия, которые требуют наличия глубоких знаний в области криминалистики и иных отраслях, не относящихся к правовым[2].

---

[1] *Об организации* работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета РФ от 8 августа 2013 г. № 53. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Зотов А.Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 22.

И.П. Пилюшин полагает, что данный участник уголовного судопроизводства призван заполнить вакуум в сфере контроля за исполнением законов на стадии предварительного следствия и процессуального контроля за расследованием уголовных дел[1]. Однако с указанной позицией трудно согласиться. В УПК РФ такие полномочия не закреплены, а приведенный выше ведомственный нормативный акт наделяет следователя-криминалиста полномочиями изучать материалы проверки сообщений о преступлениях, уголовные дела, вносить предложения об отмене необоснованных решений, даче письменных указаний, которые в большей степени носят рекомендательный характер для руководителя следственного органа, а данная деятельность больше соответствует организационной или административной. На основании представленной информации руководитель следственного органа может принять процессуальное решение об отмене постановления следователя или даче указаний в порядке ст. 39 УПК РФ. В связи с этим считаем, что функции процессуального контроля относятся к исключительной компетенции руководителя следственного органа.

А.В. Миликовой высказана позиция относительно того, что «в части реализации государственно-властных полномочий по вынесению процессуальных актов, статус следователя-криминалиста полностью приравнивается к статусу следователя»[2]. Считаем данную позицию спорной. УПК РФ не наделяет следователя-криминалиста полномочиями по проведению проверки сообщения о преступлении. «Предварительное следствие», «производство по уголовному делу» – это характеристики процессуальной деятельности, предполагающие этап предварительного расследования, который в силу положения ст. 156 УПК РФ начинается с момента возбуждения дела.

Вместе с тем п. «в» ч. 2 приказа СК России от 11 октября 2012 г. № 72[3]

---

[1] *Пилюшин И.П.* Процессуальное положение следователя-криминалиста // Российский следователь. 2010. № 8. С. 8–10.

[2] *Миликова А.В.* Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. С. 74.

[3] *Об организации* приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации (вместе с Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки со-

предписывает следователю-криминалисту при наличии поручения руководителя производить прием, регистрацию и проверку сообщения. Полагаем, что указанный ведомственный нормативный акт расширяет полномочия данного субъекта. Фактически компетенция следователя-криминалиста имеет двухступенчатое регулирование (в УПК РФ и в приведенном нормативном акте).

Считаем целесообразным в УПК РФ внести изменения, регламентирующие статус следователя-криминалиста, в том числе конкретизировать его полномочия относительно участия в проведении проверки сообщения о преступлении, а также принятия решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Следует обратить внимание и на таких субъектов, ведущих досудебное производство, как руководитель следственной группы (ч. 3 ст. 163 УПК РФ) и руководитель группы дознавателей (ч. 3 ст. 223^2 УПК РФ), обладающих схожими полномочиями. По своей природе они являются организаторами расследования, за которыми закон закрепил принятие основных процессуальных решений по уголовному делу. При этом процессуальными начальниками следователей или дознавателей, входящих в группу, они не являются, так как не наделены правом отмены решений следователей, дознавателей входящих в состав группы, отстранения их от дальнейшего расследования – это является исключительной компетенцией руководителя следственного органа. В ряде случаев руководители групп самостоятельно проводят следственные действия. Основная их задача заключается в эффективной организации работы включенных в ее состав субъектов.

Важным признаком приведенной классификации является юридическая связь между соответствующим субъектом и юридическим делом (производством).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41[1], указано, что если уголовное дело возбуждено одним должностным ли-

---

общений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации): приказ Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[1] *О практике* применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановле-

цом, а ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого под стражей внесено другим, судье следует проверить, принято ли последним уголовное дело к своему производству. При производстве предварительного следствия следственной группой (дознания – группой дознавателей) необходимо учитывать положения п. 7 ч. 4 ст. 163 и п. 8 ч. 4 ст. 232^2 УПК РФ, о том, что решение о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения может быть принято только руководителем следственной группы и руководителем группы дознавателей.

У дознавателя «процессуальными начальниками» являются начальник подразделения дознания и начальник органа дознания. Их следует относить к субъектам, осуществляющим контрольные функции. Руководитель органа дознания обладает объемом полномочий наравне с органом дознания, но не следует отождествлять их. Основные процессуальные полномочия данного субъекта связаны с организацией работы органа дознания и его должностных лиц. Однако если начальник органа дознания производит дознание лично, то он выступает в качестве органа дознания, а не дознавателя[1]. То есть указанных субъектов согласно приведенной нами классификации следует относить к субъектам, выполняющим контрольные полномочия и, при необходимости, ведущим досудебное производство.

Руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ) – это субъект, наделенный широкой компетенцией комплексной правовой природы, выраженной в сочетании административных, организационно-распорядительных полномочий с полномочиями по обеспечению качества предварительного следствия и законности в деятельности подчинённых ему следователей[2]. Его целесообразно отнести к субъекту, осуществляющему контрольные функции в досудебном производстве.

ние Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[1] *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2006. С. 354–355.

[2] *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 138.

Процессуальный контроль является регламентированной уголовно-процессуальным законом системой процессуальных действий и решений руководителя следственного органа, связанной с наблюдением и проверкой процессуальной деятельности следователя. Он осуществляется руководителем следственного органа в порядке реализации полномочий, установленных ст. 39 и рядом других статей УПК РФ. Однако в ситуации, когда руководитель следственного органа принимает уголовное дело к своему производству, в процессуальном смысле он становится следователем, ведущим уголовное досудебное производство.

Отметим, что производство предварительного следствия не является основной функцией руководителя следственного органа, такой функцией он наделяется в результате трансформации процессуального статуса при определенных условиях. О.В. Химичева, на наш взгляд, справедливо выделяет основную и дополнительную функции руководителя следственного органа. Она относит к первой – функцию процессуального контроля, а ко второй – исследование обстоятельств уголовного дела в случае принятия уголовного дела к своему производству[1].

Осуществление процессуального контроля за деятельностью руководителя следственного органа, принявшего к своему производству уголовное дело, уголовно-процессуальным законодательством не регламентировано, в связи с чем остается неразрешенным вопрос принятия самостоятельных решений, требующих получения согласия руководителя следственного органа.

Важно отметить, что в соответствии со ст. 37 УПК РФ и рядом других норм прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия. Формулировка законодателя, указывающая на возможность реализации указанным должностным лицом различных функций в ходе уголовного судопроизводства, не позволяет однозначно определить его место в классификации субъектов уголовного процесса.

Отдельного внимания заслуживает компетенция прокурора в части реали-

---

[1] *Химичева О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М., 2004. С. 45.

зации полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 21 УПК РФ, относительно принятия мер, предусмотренных УПК РФ, по установлению события преступления, изобличению лиц или лица, виновных в совершении преступления, в каждом случае обнаружения признаков преступления. В результате проведенного реформирования, в соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ[1] прокурор лишился полномочий проводить проверку сообщений о преступлениях и принимать соответствующие решения в порядке ст. 145 УПК РФ. Указанные сообщения, поступившие в органы прокуратуры, в соответствии с п. 1.2 приказа от 27 декабря 2007 г. № 212[2] незамедлительно фиксируются в Книге учета сообщений о преступлениях, а сами сообщения безотлагательно передаются в орган, уполномоченный рассматривать их в соответствии со ст. ст. 144, 151 УПК РФ. В связи с этим закономерно возникает вопрос: какие меры по установлению события преступления и изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, вправе принимать прокурор в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 21 УПК РФ, на стадии возбуждения уголовного дела?

Т.Н. Самойлова справедливо отмечает, что при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в современных условиях от прокурора требуется использование в большей мере общенадзорных полномочий для защиты прав и законных интересов граждан[3]. Стоит отметить, что компетенция прокурора по надзору за законностью деятельности органов предварительного расследования реализуется преимущественно на завершающем этапе стадии возбуждения уголовного дела. Так, он уведомляется о принятом итоговом процессуальном решении субъектом, проводящим проверку сообщения о преступлении. Несмотря на отсутствие у прокурора компетенции по проверке сообщения, он уполномочен оценивать ее правомерность при принятии по нему про-

---

[1] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *О порядке* учета и рассмотрения в органах прокуратуры сообщений о преступлениях: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Самойлова Т.Н.* Проблемные аспекты правозащитной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. С. 18.

цессуального решения, а также рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования. Кроме того, процессуальный статус прокурора характеризуется наличием полномочий по продлению сроков рассмотрения сообщений о преступлениях.

Приказ Генеральной прокуратуры от 19 января 2022 г. № 11[1] вводит в действие общие инструкции и функциональные обязанности, целью которых является обеспечение единого подхода к осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания независимо от их ведомственной принадлежности. Пунктом 10 данного приказа прокурорам предписано выносить постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ только по результатам полной и всесторонне проведенной прокурорской проверки, содержащей достаточные данные о наличии признаков преступления. В иных случаях материалы должны направляться для организации проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

Относительно направлений деятельности и задач прокурора в различных стадиях уголовного судопроизводства учеными высказаны многообразные позиции. Так, В.А. Лазарева указывает, что предварительное расследование, надзор за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия и дознания, а также поддержание государственного обвинения в судебных стадиях являются формами реализации обвинительной власти[2]. А.С. Александров и Д.В. Потапов допускают, что за прокурором в досудебном производстве осталась единственная функция, которая представляет собой оценку доказательств, обосновывающих выводы и решения следователя для принятия решения о возможном поддержании обвинения в суде. По сути, прокурор надзирает за процессуальной деятельностью органа предварительного

---

[1] *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Уголовно-процессуальное* право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник / под. ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 152.

следствия как бы со стороны[1].

По мнению Б.Я. Гаврилова, особенность прокурорского надзора в досудебном судопроизводстве заключается в том, что он, с одной стороны, является органической частью уголовного процесса, а с другой – стоит как бы над процессуальной деятельностью следователя, дознавателя и руководителей органов предварительного расследования[2]. Полномочия, представленные прокурору, позволяют своевременно и полно выявить, предупредить нарушения закона, а также принять меры к устранению таких нарушений. Учитывая приведенные суждения и тот факт, что уголовно-процессуальная деятельность прокурора существенно отличается от деятельности, осуществляемой следователем, дознавателем, органом дознания, такого участника необходимо относить к группе субъектов, осуществляющих контрольно-надзорные функции.

При этом следует учитывать состоявшуюся в 2007 году передачу законодателем ряда полномочий прокурора руководителю следственного органа[3] (частично скорректированную в 2010 году[4]). В связи с этим Н.В. Азарёнок отмечает, что освобождение от вмешательства в ход и содержание предварительного следствия было верным решением, позволившим сосредоточить деятельность прокурора на реализации его предназначения – осуществлять надзор за законностью. Исключительно в этих пределах прокурору следует контролировать уголовно-процессуальную деятельность органов дознания (по принципу «один субъект – одна функция»)[5].

---

[1] *Александров А.С., Потапов Д.В.* О некоторых проблемах выстраивания отношений между участниками предварительного следствия по уголовному делу // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 12. С. 20.

[2] *Гаврилов Б.Я.* Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28.

[3] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] *Азарёнок Н.В.* Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 15, 26.

Вместе с тем большинство процессуалистов, напротив, считают, что компетенцию прокурора целесообразно расширить, ему следует вернуть полномочия, связанные с осуществлением уголовного преследования[1]. Отмечается, в частности, что данный субъект должен иметь право отказывать в возбуждении уголовного дела, разрешать вопрос о целесообразности уголовного преследования, а в случае выявления необоснованности и незаконности решения об отказе в возбуждении дела – самостоятельно возбуждать уголовное дело и поручать расследование по нему любым уполномоченным органам[2].

Приведенная классификация субъектов, осуществляющих досудебное производство, не может предусмотреть все возможные ситуации, возникающие в процессе взаимодействия субъектов уголовного процесса, однако она позволит определить и разграничить их компетенцию. Исследование проблем совершенствования процедурного и организационно-правового построения досудебного производства, классификации его субъектов требуют, в свою очередь, изучения точного понятия и содержания данной составляющей уголовного судопроизводства, соотношения с иными, принципиально соприкасающимися категориями и правовыми институтами.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Субъекты досудебного производства должны быть причислены к особой группе участников процесса, не относящейся к сторонам обвинения или защиты. Представляется оптимальным перемещение ст. ст. 37–41 УПК РФ в новую главу 5^1 УПК РФ «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство», расположенную после главы 5 УПК РФ «Суд», регла-

---

[1] *Махов В.* Роль прокурора и органов дознания в уголовном преследовании // Законность. 2008. № 7. С. 30; *Гаджиев Я.А.* Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 14; *Шадрин В.С.* Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистъ. 2015. № 1. С. 25; и др.

[2] *Буланова Н. В.* Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография. М., 2015. С. 98–99; *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 51; *Таболина К.А.* Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13, 28–29; *Климова Я.А.* Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 13; и др.

ментирующей статус субъекта судебного производства.

2. Субъекты досудебного производства по характеру компетенции могут быть классифицированы на:

а) ведущие уголовное досудебное производство (следователь, дознаватель, орган дознания, следователь-криминалист, руководитель следственной группы, руководитель группы дознавателей);

б) выполняющие надзорные полномочия в досудебном уголовном производстве (прокурор);

в) выполняющие контрольные полномочия, и, при необходимости, ведущие досудебное уголовное производство (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания).

3. Для обеспечения системного подхода к регулированию досудебного производства требуется расширить понятие «следователь-криминалист», содержащееся в п. 40^1 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также прием, проверку и разрешение сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных действий, иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

§ 3. Понятие, сущность и виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, регламентация её пределов

При характеристике правового статуса участников уголовного процесса законодатель употребляет термин «компетенция», а также однокоренные слова «компетентный», «компетентность».

При этом рассматриваемая категория неоднократно используется при описании полномочий субъектов досудебного уголовного производства.

Например, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ отмечается, что при наличии оснований полагать, что в отношении потерпевшего, свидетеля, иных участников процесса, их близких родственников, родственников, близких лиц имеется угроза противоправных действий, суд, прокурор, органы предварительного расследования принимают в пределах своей ***компетенции*** меры безопасности, предусмотренные УПК РФ или иными законами РФ. В ч. 1 ст. 37 УПК РФ закреплено, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах ***компетенции,*** предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. В соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах ***компетенции,*** предусмотренной УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Кроме того, действующий порядок реализации полномочий субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, предполагает, что принятие ими решений осуществляется в пределах ***компетенции*** (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ).

Рассматриваемый термин используется в значительной части норм УПК РФ, посвященных деятельности субъектов, привлекаемых в уголовный процесс для реализации своих профессиональных знаний. Так, в п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ указывается, что эксперт вправе давать заключение в пределах своей ***компетенции***, а в соответствии с ч. 2 ст. 283 УПК РФ суд может отклонить вопросы сторон, которые не относятся к ***компетенции*** эксперта. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ в определении назначения специалиста отмечается, что его специальные знания могут быть востребованы при привлечении данного субъекта в процессуальные действия и при разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную ***компетенцию***. Причем перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его ***компетентности*** (ч. 2 ст. 168 УПК РФ). Удостоверение в ***компетентности*** требуется и при привлечении к участию в следственном действии переводчика (ч. 2 ст. 169 УПК РФ).

Наконец, следует обратить внимание на наличие в УПК РФ раздела XVIII, которым регламентируется порядок взаимодействия российских судов, прокуроров и органов предварительного расследования с ***компетентными*** органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями. В ряде норм уголовно-процессуального закона, составляющих соответствующий институт (ч. 2 ст. 160.1, ч. 1 ст. 453, ч. 5 ст. 456, чч. 1 и 4 ст. 457, ст. 458, чч. 1 и 2 ст. 459, ч. 3 ст. 460, ч. 3 ст. 462.1, ч. 3 ст. 464, ч. 3 ст. 466, ч. 1 ст. 468, ст. 469, чч. 1 и 2 ст. 470, п. «б», «в» ч. 2 ст. 471, ч. 2 ст. 473.1, п.п. 1 и 4 ч. 1 ст. 473.2, чч. 2 и 3 ст. 473.2, ст. 473.3, чч. 1–3, 5–7 ст. 473.4, чч. 7, 9–11 ст. 473.5, чч. 1 и 4 ст. 473.6 УПК РФ), используется словосочетание «***компетентный*** орган».

Таким образом, не возникает сомнений в том, что категория «компетенция» (связанные с ней термины «компетентный», «компетентность») относится к числу уголовно-процессуальных. Вместе с тем, оперируя данными понятиями в значительной степени, законодатель не приводит их определения в ст. 5 УПК РФ.

Обращение к справочной литературе дает основание констатировать, что слово «компетенция» используется в двух основных смысловых значениях.

Так, в толковом словаре русского языка данный термин раскрывается следующим образом: а) круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен; б) круг чьих-нибудь полномочий, прав[1]. Схожее понимание содержится в толковом словаре иноязычных слов: а) осведомленность в каком-нибудь круге вопросов; б) круг чьих-нибудь полномочий, прав[2]. При этом однокоренное слово «компетентность» означает: «а) знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области; б) обладающий кругом полномочий, прав»[3].

Не многим отличается трактовка «компетенции» и в энциклопедическом словаре: а) знание или опыт в той или иной области; б) круг полномочий, предоставленный законом, уставом или иным актом конкретному органу или

---

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2009. С. 288.

[2] *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 342.

[3] Там же.

должностному лицу[1]. Обратим внимание на буквальный перевод с латинского языка: *competentia* (лат.) – принадлежность по праву; *compete* (лат.) – добиваюсь, соответствую, подхожу.

При этом в словаре терминов можно встретить следующее значение: компетентный – субъект знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области[2]. В логическом словаре-справочнике отмечается, что компетенция – это область знания или практики, в которой данное (компетентное) лицо обладает обширными, точными знаниями и опытом практической деятельности[3]. Указанные источники позволяют разграничивать категории «компетенция» и «компетентность» (от слова «компетентный»). При характеристике «компетентность» следует обращаться к профессиональной компетенции, под которой понимается система специальных знаний, умений и навыков, опыт выполнения профессиональных действий, а также личные качества, определяющие способы выполнения профессиональных функций[4].

Отметим, что в педагогике компетенция определена как «интегрированный набор знаний, умений, навыков и личностных качеств»[5]. Используя термин «компетенция», О.М. Косянова имеет в виду заданное требование (норму) к подготовке специалиста, которому необходимо следовать, совокупность качеств личности, формируемых в процессе обучения, а компетентность – уже состоявшийся результат по формированию заданных требованием качеств и минимальный опыт применения компетенции[6].

Профессиональная компетентность являются первоочередной, базовой

---

[1] *Советский* энциклопедический словарь. М., 1980. С. 621.

[2] *Багмет А.М., Бычков В.В.* Уголовно-процессуальное право. Словарь терминов. М., 2017 / Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: http://www.iprbookshop.ru/72437.html (дата обращения: 26.03.2021).

[3] *Логический* словарь-справочник / сост. Н.И. Кондаков. М., 1975. С. 254.

[4] *Косянова О.М.* О разграничении понятий «компетенция» и «компетентность» в научной литературе // Вестник ОГПУ. 2006. № 2. С. 129.

[5] *Дорохин Ю.С.* Формирование технологической компетентности будущих учителей при изучении дисциплин профильной подготовки (на примере направления «Технологическое образование» и специальности «Технология и предпринимательство»): автореф. дис. … канд. пед. наук. Тула, 2010. С. 8.

[6] *Косянова О.М.* Указ. соч. С. 128–133.

характеристикой для различных субъектов, принимающих участие в уголовном производстве. Например, для возможности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в качестве прокурора, следователя, следователя-криминалиста и прочих необходимо удовлетворение требованиям к образованию и обучению, наличие необходимых знаний, умений и навыков для выполнения профессиональных действий[1]. В связи с этим без наличия профессиональной «компетентности» субъект не может обладать «компетенцией» (быть носителем полномочий, закрепленных законом). Вместе с тем наличие соответствующих качеств позволяет сначала лишь претендовать на назначение на соответствующую должность (например, следователя) и лишь после поручения руководителя следственного органа о производстве предварительного расследования по конкретному делу осуществлять полномочия, предусмотренные ст. 38 УПК РФ. Аналогичным образом следует рассуждать о компетентности органов и должностных лиц иностранных государств (раздел XVIII УПК РФ), разумеется, с учетом специфики.

Обладать компетентностью, то есть знанием вопросов, входящих в профессиональную деятельность, для решения поставленных задач, должны и те участники, которые вовлекаются в уголовный процесс субъектами, ведущими уголовное досудебное производство, посредством принятия властных решений. В уголовно-процессуальном законе речь ведется именно о «компетентности» применительно к характеристике правового статуса эксперта (п. 4 ч. 3 ст. 57, ч. 2 ст. 283 УПК РФ), специалиста (ч. 1, 2^1 ст. 58, ч. 2 ст. 168 УПК РФ), переводчика (ч. 2 ст. 169 УПК РФ).

Применительно к компетенции (в смысле «компетентности») эксперта принято различать объективно-научный или предметный уровень. Это объем специальных знаний по определенному кругу вопросов, которыми в той или

---

[1] См.: напр.: *О прокуратуре* Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1; *О Следственном* комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ; *Об утверждении* профессионального стандарта «Следователь-криминалист»: приказ Минтруда России от 23 марта 2015 г. № 183н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

иной степени должен обладать любой специалист данного рода, вида или подвида судебной экспертизы, а также субъективный уровень компетенции, представляющий собой степень владения теорией и методикой проведения экспертизы, предмет которой определяется соответствующими знаниями. Причем, по мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, субъективный уровень компетенции не всегда может в полном объеме и степени соответствовать предметному уровню компетенции эксперта. Это необходимо учитывать дознавателю, следователю, суду при поручении экспертизы конкретному эксперту, так как закон не позволяет поручать ее лицу, если вопросы, по которым оно должно дать заключение, выходят за пределы его специальных познаний[1].

Наличие у данных участников процесса компетенции в смысле определенных полномочий также нельзя отрицать. В связи с этим Е.Р. Россинская справедливо отмечает, что компетенция эксперта должна рассматриваться и как комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы, которыми должен владеть эксперт, и как круг полномочий (прав и обязанностей) эксперта, которые определены уголовно-процессуальным законодательством[2].

Так, в чч. 3–6 ст. 57 УПК РФ закреплены права, обязанности и ответственность лица, обладающего специальными знаниями и назначенного в установленном порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Например, эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов и т.д. Однако при формулировании права эксперта «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования» (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ) категория «компетенция» используется не в смысле «в пределах прав, полномочий» (это

---

[1] *Уголовный* процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 155.

[2] *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2011. С. 96.

бы являлось тавтологичным), а именно в значении «обладание знаниями в области судебной экспертизы».

Таким образом, можно сделать следующие промежуточные выводы:

1. В уголовном процессе категория «компетенция» имеет два взаимосвязанных значения: а) совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо, для возможности участия в уголовном производстве; б) круг определенных УПК РФ полномочий конкретного участника процесса.

2. При характеристике таких участников уголовного производства, как эксперт, специалист и переводчик, в УПК РФ активно используется категория «компетенция» (от слова «компетентность»). Она предполагает наличие у соответствующих лиц совокупности знаний, умений, навыков и личных качеств, позволяющих осуществлять уголовно-процессуальные функции, выступает условием возможности привлечения данных лиц к уголовно-процессуальной деятельности с наделением их правами и обязанностями (компетенцией) властными субъектами уголовного досудебного производства.

Поскольку «компетентность» не является предметом нашего исследования, в дальнейшем мы будем рассматривать «компетенцию» только в смысле категории, которая характеризует правовой статус участников правоприменительной деятельности. При этом содержание компетенции рассматриваемых нами государственных органов и должностных лиц состоит в наличии у них определенных возможностей порождать, изменять и прекращать права и обязанности для других лиц и организаций и включает возможность осуществлять все способы руководства обществом в общеобязательных формах[1].

Большое внимание понятию «компетенция» (в рассматриваемом значении) уделяется в исследованиях по теории государства и права, конституционному, административному праву.

Так, В.А. Власов и С.С. Студеникин определяли компетенцию как круг

---

[1] *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М., 1962. С. 124–125.

обязанностей, полномочий и ответственности различных государственных органов, осуществляющих исполнительную и распорядительную деятельность[1]. Л.П. Волкова под компетенцией понимает «полномочия органа по осуществлению возложенных на него функций для достижения стоящих перед ним задач и целей в установленных организационных и правовых формах с применением определенных методов воздействия на участников правовых отношений»[2].

В приведенных определениях используется термин «полномочия» как основная составляющая исследуемого понятия. Это свидетельствует о том, что в разных отраслевых науках определяющим критерием компетенции являются именно полномочия должностного лица по осуществлению присущей им деятельности. Такие полномочия обладают признаком властности, который заключается в возможности требовать от невластного субъекта определенного поведения и выполнения установленных обязанностей[3]. Если субъект полномочиями не наделен, то отсутствует и компетенция. Исключительно в данном значении «компетенция» определена в Большом юридическом словаре: совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа (органа местного самоуправления) или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления)[4].

В работах иных авторов категория «компетенция» не ограничивается значением «полномочия».

Так, Ю.А. Тихомиров придерживается мнения, что компетенция – это комплекс легально установленных способов осуществления публичных функций, состоящий из элементов, к которым относятся предметы в*е*дения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, властные полномочия,

---

[1] *Советское* административное право / под ред. В.А. Власова, С.С. Студеникина. М., 1959. С. 145.

[2] *Волкова Л.П.* Правовые основы разграничения полномочий между органами исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления: автореф. дис… д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. С. 21.

[3] *Мельников А.В.* Правовой статус субъектов принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 110.

[4] *Большой* юридический словарь. 3-е изд. / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2007. С. 319.

как гарантированная законом мера принятия решения[1]. По его мнению, в традиционном плане компетенция остается понятием публичного права, выражающим властные действия субъектов по отношению друг к другу. Она осуществляется в силу предписаний закона и подзаконных актов, причем по усмотрению субъекта, у которого есть право выбора момента для решения, действий и их вариантов[2]. При этом, по мнению Ю.А. Тихомирова, такой элемент компетенции, как «предметы ведения», представляет собой юридически определенные сферы и объекты воздействия[3]. Обратим внимание, что категория «ведать» рассматривается в значении «знать, управлять, заведовать». Термин «в*е*дение» трактуется как сфера деятельности, управления[4]. Такое объяснение соответствует содержанию, которое придается понятию «ведение» в правовом смысле. Понятие термина «предмет ведения» – это объекты, на которые распространяется ведение.

По мнению В.А. Кирина, «компетенция – это право (обязанность) решения, принятия к рассмотрению с целью решения, право управлять, распоряжаться»[5]. Ученый соглашается с точкой зрения С.С. Алексеева, который под компетенцией понимает разновидность правосубъектности, объясняя последнюю как способность обладать правами и обязанностями и самостоятельно их осуществлять[6].

О.Е. Кутафин указывал, что компетенцию представляет юридически закрепленное за органами государства право и одновременно обязанность на осуществление властных мер, направленных на решение конкретных задач. Реализация компетенции может быть рассмотрена как правомерное действие субъекта в форме использования принадлежащих им прав, исполнения обязан-

---

[1] *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 24.

[2] *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. 2 изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 194.

[3] *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции. М., 2001. С. 55.

[4] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2009. С. 71.

[5] *Кирин В.А.* Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М., 1978. С. 13.

[6] Там же. С. 13.

ностей и соблюдения законодательных запретов. В свою очередь, «предметы ве*е*дения» – обобщённое, но юридически значимое указание той области общественных отношений, в которой надлежит действовать государственному органу, выполнять свои функции[1]. С.В. Воробьева указывает, что компетенция – это совокупность властных полномочий и обязанностей государственного органа по реализации их функций и целей в пределах предмета ве*е*дения. Обязанность же ею рассматривается как содержание деятельности государственного органа, а его права – как средства ее осуществления[2]. В.Э. Волков также отмечает, что «теоретическое осмысление научных подходов к определению термина «компетенция» приводит к осознанию того, что «наиболее оптимальным является включение в ее структуру полномочий (прав и обязанностей) в пределах установленных предметов ве*е*дения»[3]. По мнению Т.М. Бялкиной, сущность компетенции как правовой категории заключается в том, что она выступает в качестве правового средства, позволяющего определить роль и место конкретного субъекта в управленческом процессе путем законодательного закрепления за ним определенного объема публичных дел. При этом предметы ве*е*дения и полномочия являются составными частями понятия «компетенция»[4].

Анализ указанных доктринальных позиций по смежным отраслям права позволяет заключить, что в большинстве случаев компетенция государственного органа определяется двумя ее элементами: предметом ве*е*дения и полномочиями.

В.В. Эмих выделяет основные способы установления компетенции государственных органов: 1) через перечисление полномочий государственного органа (такой способ соответствует традиционному пониманию компетенции государственного органа как совокупности закрепленных за ним полномочий); 2) как перечня вопросов, решаемых государственным органом (при таком под-

---

[1] *Кутафин О.Е.* Компетенция местных Советов: уч. пос. М., 1986. С. 23.

[2] *Воробьева С.В.* Компетенция как инструмент государственно-правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 8–10.

[3] *Волков В.Э.* Местное самоуправление: Конституционные основания правового регулирования компетенции муниципальных образований: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 17.

[4] *Белякин Т.М.* Компетенция местного самоуправления: проблемы теории правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. С. 13–14.

ходе полномочия определяются в пределах установленной компетенции); 3) через подведомственность и подсудность (в нашем случае через подследственность – *М.Д.*). По мнению ученого, подведомственность и подсудность выступают в качестве юридических свойств дела и имеют к компетенции лишь опосредованное отношение, а использование такого способа установления компетенции представляется оправданным в отношении юрисдикционных органов, то есть уполномоченных на рассмотрение юридических дел и вынесение по ним юридических решений; 4) через определение его целей и полномочий, причем цели, задачи и функции государственного органа не могут быть элементами его компетенции, она представляет собой своего рода юридическую гарантию выполнения соответствующих целей, задач и функций; 5) посредством регламентации широкого круга вопросов, в том числе полномочий государственного органа, порядка его деятельности, вопросов ответственности за воспрепятствование его деятельности (как правило, это процессуальные нормы права, устанавливающие определенные процедуры)[1].

Таким образом, анализ приведенных мнений позволяет сделать вывод о том, что «компетенция» в разных отраслях права рассматривается как: 1) совокупность прав и обязанностей; 2) совокупность полномочий и прав; 3) совокупность функций органа, его прав и обязанностей, основных форм и методов работы; 4) категория, включающая в себя право, обязанность и предмет в*е*дения.

В научных работах, относящихся к уголовному процессу, категория «компетенция» также рассматривается в разных смысловых значениях.

В большинстве источников термин «компетенция» используется в значении «полномочия, права и обязанности»[2].

В частности, П.С. Элькинд рассматривала компетенцию как совокупность полномочий органов или должностных лиц в сфере их деятельности при

---

[1] *Эмих В.В.* Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 379–382.

[2] *Чистякова В.С.* Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1964. С. 11.

исполнении своих функций. При этом отмечала, что компетенция – это необходимая предпосылка осуществления деятельности, однако сама по себе деятельностью не является[1]. С.В. Бородин указывал, что под компетенцией органа дознания, следователя, прокурора и суда понимается совокупность полномочий каждого из них[2].

В исследованиях С.И. Гирько, Ю.Н. Зеленова, И.В. Воеводиной, Н.Г. Шурухнова и других авторов, посвященных уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, определения «компетенции» («уголовно-процессуальной компетенции») не содержится, однако имеются рассуждения именно о полномочиях органов и учреждений исполнения наказаний в сфере уголовного судопроизводства[3].

Такой подход объясним следующим. В качестве основного признака компетенции может быть рассмотрено наличие у государственного органа совокупности дискреционных, властных полномочий. И хотя применительно к государственным органам уголовно-процессуальный закон часто использует такие категории, как «право» и «обязанность», следует согласиться

---

[1] *Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 154.

[2] *Бородин С.В.* Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970. С. 12.

[3] *Гирько С.И., Зеленов Ю.Н., Белоконь А.В.* Эволюция процессуальной компетенции органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 20–25; *Гирько С.И., Зеленов Ю.Н.* Уголовно-процессуальная компетенция учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 61–67; *Воеводина И.В., Шурухнов Н.Г.* Еще раз об уголовно-процессуальной компетенции начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С. 112–116; *Назаров С.В.* К вопросу о предварительном расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 4. С. 71–79; *Гирько С.И.* Проблемные вопросы развития уголовно-процессуальной компетенции уголовно-исполнительной системы и ее субъектов в формате концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тезисов выступлений и докладов участников (20–22 ноября 2019 г.): в 10 т. Рязань, 2019. Т. 1. 2019. С. 47–51; *Мороз А.Д.* О роли исправительных учреждений в уголовном процессе России // Научный взгляд современной молодежи на актуальные проблемы права: сб. мат-лов комплекса научных мероприятий обучающихся. Вологда, 2020. С. 151–155; и др.

с Л.В. Головко, что должностные лица обладают в рамках уголовно-процессуальных отношений не субъективными правами и юридическими обязанностями, а полномочиями. В тех случаях, когда законодатель предоставляет должностному лицу или государственному органу при реализации его полномочий возможность дискреционного усмотрения для учета конкретных обстоятельств дела, он использует понятие «право», а в случаях, когда он такую возможность не предоставляет, он оперирует категорией «обязанность»[1]. То есть полномочия – это права, которыми наделен властный субъект для выполнения возложенных на него функций, но одновременно это и обязанность субъекта. Таким образом, полномочия представляют собой права, совмещенные с обязанностями.

При этом, анализируя уголовно-процессуальную компетенцию, авторы, как правило, не ограничиваются понятием «полномочия», а вкладывают в нее более широкое содержание, используют для ее характеристики категории «подследственность», «юрисдикция» и др. В ряде доктринальных источников эти категории отождествляются.

В.М. Савицкий понятия «компетенция» и «подследственность» отождествлял, выделяя универсальную, исключительную и ограниченную компетенцию как виды подследственности[2].

По мнению А.С. Есиной, «компетенция» представляет собой сложное многоаспектное понятие, которое следует раскрывать с учетом характеризующих его элементов. Под компетенцией органа дознания она понимает «установленные законодателем пределы уголовно-процессуальной деятельности, характеризующиеся совокупностью процессуальных полномочий, подследственностью уголовных дел и юрисдикцией этих органов в сфере уголовного судопроизводства»[3].

Н.П. Ефремова пишет, что принимать решения по сообщению о пре-

---

[1] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 108.

[2] *Савицкий В.М.* Очерки теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 190.

[3] *Есина А.С.* Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 21.

ступлении в пределах компетенции значит действовать согласно правилам подследственности, т.е. фактически отождествляет данные понятия[1]. Как синонимичные данные категории употребляются в учебном пособии, которое посвящено организации органов предварительного расследования[2]. С.И. Гирько и А.А. Ширманов отмечают то, что подследственность является неотъемлемым компонентом уголовно-процессуальной компетенции[3]. В.С. Чистякова компетенцию органов дознания и предварительного следствия определяла как «весь объем их полномочий, весь круг их прав и обязанностей»; однако, проводя различия между понятиями «компетенция» и «подследственность», она ссылалась на то, что под подследственностью следует понимать лишь часть компетенции, состоящую в праве и обязанности расследовать определенную категорию дел о преступлениях[4].

Опрос правоприменителей показал, что большинство из них (66,5%) считают, что категории «компетенция» и «подследственность» не следует отождествлять, 23,3% – что это равнозначные категории, 10,2% респондентов затруднились с ответом[5].

Обратим внимание, что термин «подследственность» определяется в различных аспектах. В числе прочих под ним понимается система установленных законом полномочий органов расследования по ведению круга уголовных дел в зависимости от их юридических свойств в целях достижения четкости и оперативности при производстве предварительного расследования[6]. При таком понимании подследственности допустимо рассмотрение её как составной

---

[1] *Ефремова Н.П.* Вопросы определения подследственности в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 58–59.

[2] *Судоустройство*, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: уч. пос. для вузов / под общ. ред. В.В. Кальницкого. Омск, 2015. С. 173.

[3] *Гирько С.И., Ширманов А.А.* Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тезисов выступ. и докл. участников. В 8 т. Т. 2. Рязань, 2017. С. 29–36.

[4] *Чистякова В.С.* Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1964. С. 11.

[5] См.: Приложение 1.

[6] *Уголовный* процесс: учебник / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2019. С. 227.

части компетенции, однако не шире, чем в значении «полномочия».

Вместе с тем в большей степени нам импонирует другое определение подследственности – совокупность признаков уголовного дела, в зависимости от которых закон относит его к компетенции того или иного органа предварительного следствия или дознания[1]. Схожее определение подследственности содержатся в ряде доктринальных источников. Так, М.С. Строгович под «подследственностью» понимал свойство дела, состоящее в том, что оно относится к в*е*дению того или иного следователя или категории следователей[2]. Н.В. Османова рассматривает подследственность в качестве «установленного уголовно-процессуальным законом условия, определяющего в зависимости от признаков уголовного дела форму и орган предварительного расследования и выполняющего в досудебном производстве функцию связующего звена между органом предварительного расследования и его полномочиями по расследованию уголовного дела»[3]. В Курсе уголовного процесса под редакцией Л.В. Головко подследственность рассматривается как свойство уголовного дела, в соответствии с которым оно относится к компетенции того или иного органа расследования[4]. Ю.В. Францифоров под подследственностью понимает объем установленных в уголовно-процессуальном законе юридических правил, признаков, позволяющих определить тот орган, который обязан расследовать конкретное уголовное дело[5]. А.В. Селютин рассматривает подследственность как «отнесение законом уголовного дела (а также в ряде случаев и материалов предварительной проверки) к ведению определенного органа предварительного расследования на основе специально установленных с этой целью признаков конкретного преступления (вид преступления, район его совершения, особенности субъекта преступления), факт совершения которого усмотрен полномочным

---

[1] Там же. С. 227; *Артамонов А.Н., Сафронов Д.М.* Общие условия предварительного расследования: уч. пос. Омск, 2009. С. 15; и др.

[2] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 41.

[3] *Османова Н.В.* Институт подследственности в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

[4] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 652.

[5] *Уголовный* процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова. М., 2015 С. 161.

(ведущим производство) субъектом (следователем, органом дознания и т.д.) на различных этапах производства по уголовному делу, а также рассмотрения материалов предварительной проверки»[1]. В своем определении А.В. Селютин распространяет действие признаков подследственности на материалы проверки сообщений о преступлениях.

В Большом юридическом словаре отмечается, что подследственность в уголовном судопроизводстве – это категория, посредством которой происходит разграничение компетенции между органами, осуществляющими расследование уголовных дел[2].

Совокупность видов подследственности (территориальная, предметная, персональная, альтернативная) определяет отнесение уголовного дела к подследственности конкретного органа предварительного расследования. Причем в уголовно-процессуальном законе говорится о подследственности как уголовных дел (ч. 7 ст. 151, ч. 5 ст. 152, ч. 2 ст. 226^2 УПК РФ), преступлений (ч. 6 ст. 151, ч. 3 ст. 153 УПК РФ), так и сообщений о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Обратим внимание на позицию А.А. Чувилева, который рассматривал содержание понятия «компетенция» во взаимосвязи таких категорий, как «подследственность» и «процессуальные полномочия». По его мнению, все органы дознания обладают равными процессуальными полномочиями, но действуют в пределах своей компетенции[3]. Можно сделать вывод о том, что компетенция ограничена правильным определением подследственности и может быть рассмотрена в качестве ее пределов.

В толковом словаре русского языка «предел» обозначен как «пространственная или временная граница чего-нибудь, то, что ограничивает собой что-

---

[1] *Селютин А.В.* Проблемы разграничения подследственности в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 10.

[2] Большой юридический словарь. URL: // https://internet-law.ru/dic/bolshoj-yuridicheskij-slovar.php?dic_tid=4739.

[3] *Дознание* в органах внутренних дел: уч. пос. / под ред. А.А. Чувилева. М., 1986. С. 22.

нибудь»[1]. Учитывая предмет нашего исследования, категория «предел» представляет собой «периметр», в рамках которых осуществляется правовое регулирование рассматриваемой уголовно-процессуальной деятельности. Выход за пределы компетенции следует рассматривать как нарушение требований УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ предусматривается обязанность субъектов досудебного производства принять, проверить сообщение о преступлении и в пределах установленной компетенции разрешить его (при наличии основания – возбудить уголовное дело). Поскольку, например, следователь уполномочен возбуждать уголовное дело (п. 1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), то формулировка «следователь в пределах компетенции возбуждает уголовное дело» (ст. 146 УПК РФ) может указывать на возможность реализации рассматриваемого полномочия в определенных рамках, границах. Такими пределами реализации полномочия по возбуждению уголовного дела являются правила подследственности.

Подследственность выполняет специфическую функцию при определении компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, которые обязаны действовать исключительно в рамках полномочий, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Выход за пределы компетенции, а в данном случае нарушение признаков подследственности, влечет за собой негативные результаты как организационного, так и правового характера. Большинство противоречий, возникающих при реализации компетенции, по нашему мнению, происходит в результате неконкретного обозначения границ осуществления полномочий субъектов расследования. Системный подход к компетенции выражается в таком понимании ее субъектов, когда они взаимодействуют между собой в процессе выполнения возложенных задач.

Для того чтобы регламентацию полномочий субъектов досудебного производства сделать более определенной, считаем целесообразным внести изменения в положения УПК РФ, которые содержат словосочетание «в пределах

---

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2009. С. 580.

компетенции». Так, при закреплении прав и обязанностей следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания в ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ слова «в пределах компетенции» следует изменить на словосочетание «в соответствии с подследственностью». При определении статуса прокурора в ч. 1 ст. 37 УПК РФ слова «в пределах компетенции» – заменить словосочетанием «в соответствии с компетенцией», не содержащим ограничения полномочий. Кроме того, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ при указании на возможность и обязанность при наличии к тому оснований применения судом, прокурором, должностными лицами органов предварительного расследования мер безопасности слова «в пределах компетенции» исключить, поскольку они не несут какой-либо дополнительной смысловой нагрузки.

Обратим внимание еще на один аспект. В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева наравне с категорией «компетенция» рассматривают термин «правосубъектность», в смысл которого вкладывают способность субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, быть носителем юридических прав и обязанностей. Раскрывая суть данного понятия, они полагают, что правосубъектность носит активный, конкретизированный по содержанию характер, включает в себя круг властных прав, неразрывно связанных с ними обязанностей, которыми они обладают в целях выполнения задач уголовного судопроизводства. В функциональном аспекте правосубъектность – это понятие, тождественное компетенции. По мнению указанных ученых, используя термин «компетенция», законодатель подразумевает именно правосубъектность[1].

Соглашаясь в целом с мнением указанных авторов, еще раз обратим внимание на разграничение понятий «правосубъектность» и «правоспособность» (в первом параграфе исследования мы останавливались на соотношении категорий). Так, в Юридическом энциклопедическом словаре под «правосубъектностью» понимается способность иметь и осуществлять своими действиями

---

[1] *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2006. С. 347–348.

гражданские права и обязанности. В качестве её составляющих элементов выделяется «правоспособность» и «дееспособность». При этом правоспособность – это установленная законом способность лица быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей[1]. В Юридическом энциклопедическом словаре под ред. А.Я. Суханова дается иное определение правоспособности – это способность лица иметь права и обязанности. Здесь говорится, что правоспособность входит в более широкую категорию правосубъектности[2]. Последний подход, на наш взгляд, представляется более удачным. С учетом ранее выявленных смыслов категорий «компетенция» и «компетентность» полагаем, что «компетентность» может являться категорией, тождественной «правоспособности», а «компетенция» (в смысле совокупности полномочий) может быть юридически равна «правосубъектности».

Что касается разграничения категорий «компетенция» и «юрисдикция», то важно отметить, что в Советском энциклопедическом словаре «юрисдикция» (от лат. *jurisdictio* – суд, судопроизводство) раскрывается как круг полномочий суда или административных органов по правовой оценке конкретных фактов, в том числе по разрешению споров и применению предусмотренных законом санкций[3]. В общей теории права и государства юрисдикция рассматривается как «право провозглашать истину от имени права в случаях спора о праве»[4]. С.С. Алексеев считает, что юрисдикция представляет собой «…деятельность компетентных органов, управомоченных на рассмотрение юридических дел и на вынесение по ним юридически обязательных решений»[5]. В учебнике под ред. Д.Н. Бахраха в понятие компетенции включаются властные полномочия, права и обязанности, подведомственность, а для судебных органов более характерным признается понятие «юрисдикция»[6]. По мнению С.И. Гирько, юрисдик-

---

[1] *Юридический* энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 538, 540.

[2] *Юридический* энциклопедический словарь / отв. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С. 279.

[3] *Советский* энциклопедический словарь. М., 1979. С. 1583.

[4] *Общая* теория права и государства: учебник / под. ред. В.В. Лазарева. М., 2005. С. 46.

[5] *Алексеев С.С.* Государство и право: Начальный курс. М., 1994. С. 148.

[6] *Бахрах Д.Н.* Административное право России. М., 2000. С. 177.

ция по своему содержанию поглощает полномочия[1].

Таким образом, юрисдикция представляет собой полномочие субъектов уголовного производства принимать юридические решения. Поскольку отличительным признаком субъектов, ведущих производство, является их способность принимать властные решения, полагаем, что «юрисдикция» – это установленная уголовно-процессуальным законодательством для субъектов, осуществляющих уголовное производство, совокупность полномочий по принятию решений, позволяющих реализовать их специфические задачи и функции.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что юрисдикцию формирует совокупность признаков, определяющих пределы деятельности субъектов в решении правовых вопросов в сфере уголовного судопроизводства. Юрисдикция непосредственно связана с термином «полномочия», который рассматривается как составная и главная часть компетенции. Однако в большей степени данный термин применяется к судебным органам, а не к субъектам, ведущим досудебное производство.

Проанализировав приведенные точки зрения, полагаем, что «компетенция» – основополагающее, системообразующее понятие, является ключевым по отношению к рассмотренным терминам.

Сравнение вышеизложенных категорий, анализ доктринальных источников позволяет согласиться с позицией О.В. Мичуриной о том, что под уголовно-процессуальной компетенцией следует понимать совокупность полномочий субъектов уголовного производства (суда /судьи, прокурора, следователя и органа дознания), определяющих характер и степень участия в уголовно-процессуальной деятельности при исполнении своих функций[2]. При этом важно отметить правильность позиции автора о том, что недопустимо отождествление компетенции и самой деятельности, поскольку стирается грань между

---

[1] *Гирько С.И.* Уголовно-процессуальные проблемы деятельности милиции. М., 2004. С. 102.

[2] *Мичурина О.В.* Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно-трудовых профилакториев функций органов дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 11.

фактической деятельностью и той, которая определена законом. В связи с этим компетенция представляет собой именно правовую характеристику деятельности должностного лица или государственного органа – его задач, содержания и пределов[1].

Развивая представленную мысль уважаемого ученого, отметим, что *уголовно-процессуальная компетенция – это предусмотренная УПК РФ и обусловленная процессуальной функцией совокупность полномочий, отражающая вид уголовно-процессуальной деятельности субъекта уголовного судопроизводства.*

При этом компетенция предполагает закрепление в законе определенного вида уголовно-процессуальной деятельности, содержанием которой и является соответствующая совокупность полномочий, предполагающая решение задач уголовного судопроизводства.

Субъекты, ведущие досудебное производство, имеют схожие полномочия (права и обязанности), позволяющие им достичь цели – сформировать доказательственную базу, дать правовую оценку деянию, обладающему признаками преступления, и создать иные предпосылки для рассмотрения уголовного дела в суде, а также разрешить подчиненные задачи. Вместе с тем совокупность их полномочий предполагает осуществление различных видов уголовно-процессуальной деятельности.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Этот вид уголовно-процессуальной деятельности для органов предварительного следствия является основным. Ряд полномочий следователя, предусмотренных ч. 2 данной статьи (п.п. 2–5), дает возможность эффективно осуществлять предварительное следствие. Вместе с тем в этой же норме указываются полномочия следователя, которые не охватываются рассматриваемым видом уголовно-процессуальной деятельности.

---

[1] *Мичурина О.В.* Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 35.

Например, в п. 1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ закреплено полномочие возбуждать уголовное дело в порядке, установленном Кодексом, а в п. 6 – «осуществлять иные полномочия, предусмотренные Кодексом». Порядок возбуждения уголовного дела предусмотрен гл. 20 УПК РФ. Он предполагает, в частности, вынесение соответствующего постановления, направление его копии прокурору, уведомление о принятом решении заявителя и лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ст. 146 УПК РФ). Таким образом, полномочие следователя «возбуждать уголовное дело» выходит за рамки уголовно-процессуальной деятельности по предварительному следствию. Расследование предполагает наличие уже возбужденного дела, оно осуществляется в том случае, если сообщение о преступлении принято, рассмотрено и разрешено. В связи с этим самостоятельным видом уголовно-процессуальной деятельности следователя является *рассмотрение сообщений о преступлениях*. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь, как и иные субъекты, ведущие досудебное производство, обязан принять, проверить сообщение о преступлении, используя значительный процессуальный инструментарий, и принять по нему соответствующее решение.

О наличии вида уголовно-процессуальной деятельности, предшествующего предварительному следствию, свидетельствуют и положения ч. 1 ст. 156, ч. 1 ст. 162 УПК РФ. При этом обратим внимание на то, что в постановлении о возбуждении уголовного дела возможно оформление решения не только о наличии признаков преступления, но и иных, например, о субъекте, который будет осуществлять производство предварительного следствия. Но последнее волеизъявление должностного лица уже условно относится к этапу предварительного расследования, так как этому всегда предшествует выполнение задачи по возбуждению дела. Таким образом, виды уголовно-процессуальной деятельности разграничивает решение, а не постановление, в котором возможно формулирование решений различных стадий уголовного судопроизводства, на это

неоднократно обращалось внимание в юридической литературе[1].

В качестве иного вида уголовно-процессуальной деятельности следователя предусмотрено производство дознания. В п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ закреплена возможность осуществления расследования в этой форме следователем Следственного комитета РФ по уголовным делам о преступлениях, по которым производится дознание, при совершении преступных посягательств лицами, указанными в ст. 447 УПК РФ, а также должностными лицами Следственного комитета РФ, органов Федеральной службы безопасности, органов внутренних дел РФ и др. (пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

В связи с этим обратим внимание на формулировку п. 41 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которой следователь уполномочен осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Кодексом. Она прямо предусматривает, что компетенция следователя не ограничивается производством предварительного следствия.

Что касается компетенции органов дознания, то она закреплена в ч. 2 ст. 40 УПК РФ. На должностных лиц данных органов возлагаются: дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно; выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно; осуществление иных полномочий.

Анализ норм уголовно-процессуального закона позволил процессуалистам обособить следующие виды уголовно-процессуальной деятельности органов дознания:

– рассмотрение сообщений о преступлении (гл. 19 и 20 УПК РФ);

– производство дознания (гл. 32 и 32.1 УПК РФ);

– возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ);

---

[1] *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 38; *Рыжаков А.П.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 372–374; *Муравьев К.В.* Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 108.

– оказание содействия следователю, дознавателю, суду (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 152 и др. статьи УПК РФ)[1].

В целом поддерживая данный подход, обратим внимание на следующие аспекты:

1. На наш взгляд, дознание (гл. 32 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) следует выделять в качестве отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности. Компетенция субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, при «сокращенном» дознании во многом отличается от общего производства. В частности, дознаватель уполномочен: рассматривать поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, в случае его удовлетворения уведомить о своем решении прокурора и потерпевшего (ст. 226^4 УПК РФ); собирать доказательства по уголовному делу с учетом особенностей, предусмотренных ст. 226^5 УПК РФ; по окончании соответствующего производства составлять обвинительное постановление, с которым знакомить заинтересованных участников досудебного производства (ст. 226^7 УПК РФ), и т.д. Полагаем, что совокупность полномочий (компетенция) при производстве дознания и дознания в сокращенной форме отличается.

2. Оказание содействия следователю, дознавателю предполагает деятельное участие должностных лиц органов дознания, оказание ими помощи лицам, ведущим уголовно-процессуальную деятельность. При этом такой вид уголовно-процессуальной деятельности не предполагает принятия субъектами досудебного производства уголовных дел (материалов предварительной проверки) к своему производству, с наделением ответственностью за результаты. Учитывая сказанное, рассмотрение указанной компетенции выходит за предмет нашего исследования.

Таким образом, по результатам данного параграфа сделаем следующие выводы:

---

[1] *Судоустройство*, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: уч. пос. / под общ. ред. В.В. Кальницкого. Омск, 2015. С. 187.

1. В уголовном процессе категория «компетенция» имеет два взаимосвязанных значения: а) совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо, для возможности участия в уголовном производстве; б) круг определенных УПК РФ полномочий конкретного участника процесса.

2. Уголовно-процессуальная компетенция субъекта досудебного производства – это предусмотренная УПК РФ и обусловленная процессуальной функцией совокупность полномочий, отражающая вид уголовно-процессуальной деятельности государственного органа или должностного лица по формированию доказательств, предварительной правовой оценке деяния, обладающего признаками преступления, а также созданию иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

3. Пределы компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, – это основанные на закрепленных в УПК РФ правилах подследственности ограничения полномочий соответствующих субъектов по осуществлению видов их процессуальной деятельности.

4. Целесообразно внести изменения в отдельные положения УПК РФ, которые содержат словосочетание «в пределах компетенции»:

а) в ч. 3 ст. 11 УПК РФ слова «в пределах компетенции» исключить, поскольку они не несут какой-либо дополнительной смысловой нагрузки;

б) в ч. 1 ст. 37 УПК РФ слова «в пределах компетенции» заменить словосочетанием «в соответствии с компетенцией», не содержащим ограничение полномочий;

в) в ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ слова «в пределах компетенции» изменить на слова «в соответствии с подследственностью», тем самым сделать более определенными полномочия субъектов, ведущих досудебное производство.

5. УПК РФ закрепляет следующие виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство:

– рассмотрение сообщений о преступлениях;

– производство предварительного следствия;

– производство дознания;

– производство дознания в сокращенной форме;

– возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий.

Проблемам оптимизации отдельных видов уголовно-процессуальной компетенции будет посвящена вторая глава нашего исследования.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ, ВЕДУЩИХ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Закрепление в УПК РФ эффективной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, является неотъемлемым компонентом достижения назначения уголовного процесса. В связи с этим поиск и оформление оптимального правового регулирования полномочий органов, осуществляющих подготовку к суду, а также правильное практическое применение данных полномочий, является важным направлением отечественной уголовно-процессуальной политики.

Ежегодно в УПК РФ вносится значительное количество корректировок, он изменялся более 320 раз с момента принятия (с декабря 2001 г. по август 2023 г.), в результате чего можно констатировать, что в настоящее время действует принципиально другой закон, коренным образом отличающийся от принятого. При этом значительное число изменений касается именно досудебного этапа уголовного процесса. В частности, в 2002 г. принято 5 законов, каждый из которых так или иначе касался изменений компетенции рассматриваемых нами субъектов, в 2003 г. – 5 законов (из них 4 связаны с корректированием соответствующей компетенции), в 2004 г. – 4 (3), в 2005 г. – 1 (0), в 2006 г. – 7 (4), в 2007 г. – 11 (11), в 2008 г. – 6 (3). Далее количество изменений продолжало расти: в 2009 г. было 13 корректировок (из них 8 касались досудебного производства), в 2010 г. – 25 (19), в 2011 г. – 21 (12), в 2012 г. – 18 (14), в 2013 г. – 27 (24), в 2014 г. – 31 (25). После некоторой стабилизации процесса внесения в УПК РФ изменений в последнее время вновь обнаруживается тенденция к его росту: в 2015 г. внесено 17 изменений (в том числе 14 – в нормы, регламентирующие досудебную деятельность), в 2016 г. – 19 (15), в 2017 г. – 18 (11), в 2018 г. – 20 (13), в 2019 г. – 11 (11), в 2020 г. – 12 (9), в 2021 г. – 15 (9), в 2022 г. – 23 (17), за 8 мес. 2023 г. – 17 (13). Таким образом, около 73% от числа законов, корректирующих УПК РФ, связаны в том числе с изменением досу-

дебного производства, а следовательно, и компетенции государственных органов и должностных лиц, его осуществляющих.

Определенная доля вносимых в УПК РФ изменений вызвана появлением новых (или упразднением декриминализированных, в меньшей степени) статей УК РФ, т.е. отдельные поправки носят технический характер, предполагают корректирование пределов компетенции (ст. ст. 150, 151 УПК РФ). Вместе с тем имеются и концептуальные преобразования. Так, в УПК РФ появились новые субъекты: в 2007 г. – руководитель следственного органа[1] и начальник подразделения дознания[2], в 2008 г. – следователь-криминалист[3]. В 2015 г. скорректировано понятие «начальник органа дознания», появилась ст. 41^2 УПК РФ, закрепляющая его правовой статус[4]. Принципиально новыми стали взаимоотношения между органами предварительного расследования и прокурором; модернизируется порядок рассмотрения сообщений о преступлениях; меняется режим дознания, внедрена его сокращенная форма и др.

Устойчивое ежегодное реформирование закона имеет целью, в числе прочего, повышение эффективности компетенции субъектов досудебного производства. Другой же стороной медали является нестабильность законодательства, отрицательно влияющая на правоприменение, обучение, издание учебной литературы. Введение статей, корректирующих компетенцию субъектов досудебного производства, а затем появление новых норм, отменяющих предыдущие инициативы, во многом свидетельствует о хаотичности и бессистемности в законотворческом процессе. В настоящий момент практически невозможно найти правоприменителя, который уверенно знает УПК РФ[5].

---

[1] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] *Белоносов В.О.* Современное состояние уголовно-процессуального законотворчества в России // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 2. С. 141–142.

Несмотря на перманентное реформирование законодательства, кризисные явления в правоприменительной деятельности не сокращаются. Уровень преступности в нашей стране остается высоким. Так, в 2022 г. на территории России всего зарегистрировано 1 966 795 посягательств. Это немногим меньше (–1,8%), чем в 2021 г., когда было поставлено на учет 2 004 404 преступлений. Вместе с тем в предыдущие годы количество зарегистрированных посягательств постоянно увеличивалось (в 2020 г. учтено 2 044 221 деяний, в 2019 г. – 2 024 337, в 2018 г. – 1 991 532). Раскрываемость преступлений ежегодно составляет чуть более половины от числа регистрируемых: в 2022 г. – 1 062 286 посягательств (54,0%), в 2021 г. – 1 071 096 (53,0%,) в 2020 г. – 1 080 469 (52,9%), в 2019 г. – 1 109 133 (54,8%), в 2018 г. – 1 076 328 (56,8%). При этом в 2022 году не раскрыто 52 7942 (42,3%) из 124 779 особо тяжких и 218 477 (53,0%) из 412 218 тяжких преступлений[1]. На необходимость кардинального повышения раскрываемости преступлений обратил внимание Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении на расширенной коллегии МВД России 17 февраля 2022 г.[2] Остается высоким количество нарушений законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства, в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, значительным является уровень отмены прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, увеличивается количество отмененных постановлений о прекращении уголовных дел (уголовного преследования) и постановлений о приостановлении предварительного расследования, как результат, – растет количество должностных лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности[3]. При значительном уровне нарушений вряд ли можно констатиро-

---

[1] *Состояние* преступности в России за январь – декабрь 2018–2022 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 20.07.2023 г.).

[2] *Путин* потребовал добиться кардинального повышения раскрываемости преступлений. URL: https://www.m24.ru/news/vlast/17022022/431835?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 20.07.2023 г.).

[3] *Результаты* деятельности органов прокуратуры Российской Федерации / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/ activity/statistics/office/result (дата обращения: 20.07.2023 г.).

вать, что досудебное уголовное судопроизводство в полной мере выполняет свое предназначение.

Таким образом, следует констатировать организационно-процессуальную проблему ненадлежащей регламентации компетенции субъектов, ведущих досудебное производство. Для ее решения требуется оптимизация, т.е. реализация комплекса правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности и рациональности деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц[1]. В этой связи созидательная научная деятельность исследователя заключается в том, чтобы, с одной стороны, спроектировать новые, более совершенные и рациональные процедуры деятельности, изучаемой в целях оптимизации, а с другой – разработать новые подходы к формированию системы, её обновлению или, в случае объективной необходимости, полной замене[2].

Оптимизация уголовно-процессуальной компетенции, на наш взгляд, предполагает изучение сформировавшихся в исторических условиях полномочий субъектов, ведущих досудебное производство, отражающих соответствующие виды уголовно-процессуальной деятельности. При этом основные «точки роста» эффективности и рациональности должны быть связаны с полномочиями по формированию доказательств и предварительной правовой оценке деяния, обладающего признаками преступления, а при необходимости – по созданию и иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Кроме того, с учетом того, что в настоящее время имеет место излишнее размежевание компетенций должностных лиц, сдерживающее досудебное производство, одним из направлений оптимизации компетенции должно стать совершенствование ее пределов. Для этого важно найти подходы к повышению рациональной правовой регламентации правил подследственности, а также предложить меры по повышению эффективности деятельности тех субъектов, которые, выполняя надзорные и контрольные полномочия, определяют разум-

---

[1] *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 12, 128.

[2] *Дерюшев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. …канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 15.

ные возможности реализации полномочий субъектов, ведущих досудебное производство.

§ 1. Оптимизация компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях

Необходимость рационализации досудебного производства с очевидностью требует научного исследования реализации компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях. От того, насколько быстро и вместе с тем полно будет установлено наличие основания для возбуждения уголовного дела (или его отсутствие), во многом зависит успех дальнейшего расследования и обеспечение доступа к правосудию, гарантированного ст. 52 Конституции РФ.

По справедливому суждению А.С. Александрова и С.А. Грачева, этап возбуждения уголовного дела является в нормативном плане самым проблемным из стадий уголовного процесса. Ученые связывают это с особенностями регулирования порядка рассмотрения сообщений о преступлениях не только УПК РФ, но и другими законами и ведомственными нормативными актами правоохранительных органов[1]. Последние[2] отчасти дублируют нормы уголовно-процессуального законодательства, определяя сроки, последовательность действий при реализации полномочий по приему, регистрации и разрешению информации о противоправных посягательствах, носят универсальный характер. Однако они не являются источниками уголовно-процессуального права и не регулируют непосредственно вопросы уголовного досудебного производства. Предметом таких нормативных правовых актов являются сообщения,

---

[1] *Уголовный* процесс современной России. Проблемные лекции. В 2 т. Т. 2. Досудебное и судебное производство: уч. пос. / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2017. С. 13–14.

[2] *О едином* учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 102, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г.; *Об организации* приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72; *Об утверждении* Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в том числе не связанные с совершением преступлений[1]. Деятельность субъектов, ведущих производство по рассмотрению сообщений о преступных посягательствах, должна проходить в строго установленном УПК РФ порядке, соответственно их компетенция должна быть четко регламентирована и не допускать расширенного толкования.

Как пишет профессор Л.В. Головко, «уголовно-полицейская деятельность несовместима по своей природе с юридической оценкой (квалификацией) преступного деяния и применением иных мер процессуального принуждения. Иначе говоря, представитель полиции не может принимать никаких процессуальных решений, связанных с официальной уголовно-правовой квалификацией преступного деяния»[2]. Однако в силу сложившихся традиций отечественное уголовно-процессуальное законодательство наделило полицейский орган возможностью давать юридическую оценку, принимать решения о движении уголовного дела.

Указанную компетенцию по отношению к производству предварительного расследования следует рассматривать как фильтр, позволяющий установить основание для возбуждения уголовного дела и создать предпосылки для его расследования, обеспечить баланс сил и средств, затрачиваемых на дальнейший процесс. Сущность данной деятельности состоит в выявлении наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Решение о возбуждении уголовного дела служит правовым основанием для всех последующих процессуальных действий при его расследовании и разрешении.

---

[1] *Об оставлении* без удовлетворения заявления о признании недействующими пунктов 22.6, 64, 93.3 и 101 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденного приказом МВД России от 1 марта 2012 г. № 140: решение Верховного Суда РФ от 25 июня 2014 г. № АКПИ14-581. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Головко Л.В.* Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в Российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: избр. мат-лы междунар. науч. конф. М., 2012. С. 26.

В ст. 144 УПК РФ закрепляется обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение.

По мнению В.С. Мичурина, данная процессуальная деятельность включает в себя: 1) прием и регистрацию сообщения о преступлении; 2) его предварительную проверку; 3) принятие процессуального решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении[1]. М.О. Румянцева предлагает наиболее подробный подход к данной деятельности. К задачам, решаемым в стадии возбуждения уголовного дела, она относит: 1) принятие и регистрацию сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении; 2) установление соответствия поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении требованиям, предъявляемым ст. ст. 141–143, а также ст. 20 УПК РФ; 3) установление достаточности данных, указывающих на признаки какого-либо преступления; 4) выявление оснований для отказа в возбуждении производства; 5) вынесение итогового процессуального решения; 6) оповещение о принятом решении необходимых участников[2]. А.В. Ендольцева полагает, что в ходе рассмотрения сообщений о преступлении осуществляется: 1) реагирование компетентных государственных органов и должностных лиц на сообщение о совершенном или готовящемся преступлении; 2) установление повода и основания для возбуждения уголовного дела; 3) первоначальная квалификация деяния, содержащего признаки преступления; 4) закрепление следов преступления; 5) предотвращение расследования фактов, не содержащих в себе признаки преступления; 6) определение органа государства или должностного лица, полномочного осуществлять производство по уголовному делу, если такое будет воз-

---

[1] *Мичурин В.С.* Нарушение уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

[2] *Румянцева М.О.* Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М., 2019. С. 13.

буждено[1]. Однако, по нашему мнению, задача по предотвращению расследования фактов, не содержащих в себе признаков преступления, поглощается установлением основания для возбуждения уголовного дела, которым является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

К.В. Муравьев в качестве задач, разрешаемых при рассмотрении сообщения о преступлении, выделяет: 1) закрепление полученных сведений о происшедшем, прием сообщения и его процессуальное оформление; 2) выяснение истинного события и установление в нем признаков преступления; 3) принятие мер к предотвращению или пресечению преступления и сохранению его следов; 4) систематизацию и анализ собранных материалов; 5) принятие и оформление решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела либо о направлении сообщения по подследственности; 6) уведомление заявителя, иных заинтересованных лиц о принятом решении[2]. Указанные задачи так или иначе поглощаются тремя видами полномочий: 1) прием и регистрация сообщения о преступлении; 2) его предварительная проверка; 3) разрешение сообщения о преступлении.

В контексте исследуемых проблем особое значение имеет то, что обязанность принять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении возложена на органы следствия, а также государственные органы, наделенные полномочиями органа дознания (а также их должностных лиц). Однако компетенцией по его рассмотрению (проверке) и разрешению по существу в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством наделены только дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, соответственно иные субъекты реализовывать данную компетенцию не уполномочены. Множественность органов дознания можно объяснить их профессиональной специализацией. Они ввиду близости к населению, как правило, первые получают информацию о преступлении, имеют возможность быстро от-

---

[1] *Ендольцева А.В.* Стадии уголовного судопроизводства (уголовного процесса): уч. пос. М., 2009. С. 8.

[2] *Уголовный* процесс: учебник / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. В 2 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 16.

реагировать на нее. При этом деятельность органов дознания и следствия при приеме сообщения о преступлении и проведении его проверки практически ничем не отличается, за исключением возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Учитывая сказанное, прием сообщения о преступлении — это не просто получение документа органом расследования. Данная процедура предусматривает: 1) оформление сообщения о преступлении; 2) предупреждение об уголовной ответственности заявителя за заведомо ложный донос; 3) при необходимости оформление рапорта об обнаружении признаков преступления в порядке, установленном ст. 143 УПК РФ, когда заявитель лично не присутствует.

Деятельность органов дознания в досудебном производстве рассматривается как фундаментальная закономерность полицейской деятельности, которая, с одной стороны, всегда административная и подлежит процессуализации лишь в весьма ограниченном объеме, а с другой – крайне важна для эффективности уголовной юстиции. Такая деятельность многосубъектна (орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель), однако в большей мере на техническом, нежели на строго процессуальном уровне[1], в связи с чем особое значение имеет распределение компетенции между указанными субъектами.

Стоит обратить внимание на то, что регистрация поступившего сообщения о преступлении в качестве отдельного процессуального действия УПК РФ не предусмотрена, данная процедура регламентирована иными нормативными актами. Так, п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»[2] закреплена обязанность полиции принимать и регистрировать заявления и сообщения о преступлениях. По мнению В.В. Николюка, отдельные нормы данного закона, в том числе регулирующие проверку зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях, недостаточно согласованы с соответствующими норма-

---

[1] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М., 2022. С. 292–299.

[2] *О полиции*: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тивными положениями УПК РФ, между ними имеются определенные противоречия, которые надлежит устранить в ходе дальнейшего совершенствования полицейского законодательства[1].

В.В. Артемова справедливо указывает на то, что «порядок регистрации сообщений, закрепленный в отдельных инструкциях для каждого ведомства, которые имеют компетенцию по рассмотрению поступающей информацию о преступлении, не является единым и обязателен лишь для тех органов, на которые распространяется действие соответствующей инструкции согласно ведомственной принадлежности»[2]. Данный подход порождает неоднозначную правоприменительную практику.

При этом необходимо учитывать, что принятие сообщения о преступлении не является исключительной компетенцией субъектов, ведущих досудебное производство, а может быть выполнено иными сотрудниками правоохранительных органов.

Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 предписывает принимать сообщения, регистрировать их и проводить проверку. Данный акт определяет сроки, последовательность действий (административных процедур) при осуществлении полномочий компетентных органов. В соответствии с п. 9 Инструкции, утвержденной вышеназванным приказом, круглосуточный прием заявлений и сообщений о преступлениях осуществляется оперативными дежурными, к которым относятся: начальник дежурной части, начальник дежурной смены, старший оперативный дежурный, оперативный дежурный, помощник оперативного дежурного. Указанные должностные лица не относятся к субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, в связи с чем рассматриваемый нормативный акт в некотором смысле противоречит ч. 1 ст. 144 УПК РФ, определяющей субъектов (дознаватель, орган дознания, следователь, руководи-

---

[1] *Николюк В.В.* Закон «О полиции»: проблемы соотношения и согласования с уголовно-процессуальным законодательством // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск, 2011. С. 84–87.

[2] *Артемова В.В.* Правовое регулирование порядка приема сообщений о преступлениях в органах внутренних дел // Научный портал МВД России. 2017. № 1. С. 15.

тель следственного органа), которые обязаны принимать сообщение о преступлении.

В структуре Следственного комитета РФ должности оперативного дежурного не предусмотрены. Прием и регистрацию сообщений о преступлении в соответствии с Инструкцией, утвержденной приказом СК России от 11 октября 2012 г. № 72, осуществляют должностные лица следственного комитета, включая следователей-криминалистов, при наличии поручения руководителя следственного органа производить прием, регистрацию и проверку сообщения о преступлении[1].

Можно утверждать, что деятельность по регистрации сообщения о преступлении относится в большей степени к административно-правовой. Однако с учетом важности прав и интересов лиц и организаций, вовлекаемых в процесс проверки сообщений о преступлениях, правовых последствий их ограничения, ряд ученых регистрацию сообщения относят к уголовно-процессуальной деятельности. Так, Д.П. Чекулаев полагает, что в силу публичности уголовного процесса любое сообщение о преступлении должно быть зарегистрировано. Ученый считает, что первым этапом стадии возбуждения уголовного дела является прием и регистрация полномочным органом (должностным лицом) сообщения о преступлении[2], и, таким образом, относит порядок регистрации сообщения о преступлении к уголовно-процессуальной деятельности. Прием и регистрацию как взаимосвязанные процедуры рассматривает Г.П. Химичева. Она полагает, что в понятие «прием» входит не только принятие заявления, но и деятельность по оформлению сообщения, а также деятельность по обеспечению достоверности сообщаемых сведений[3].

А.С. Александров и С.А. Грачев отмечают, что именно с момента реги-

---

[1] *Об организации* приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации): приказ Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72 // Российская газета. 2013. 6 марта.

[2] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 585.

[3] *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 115.

страции сообщения в книге учета сообщений о преступлении (далее – КУСП) начинают течь предусмотренные законом сроки стадии возбуждения уголовного дела, поэтому она имеет столь же важное значение, что и прием[1]. С указанным суждением можно согласиться лишь отчасти. Сроки рассмотрения сообщения о преступлении фактически исчисляются с момента поступления сообщения, его приема, но не регистрации. Можно рассуждать лишь о статистическом учете сроков и принятых по ним решений. При этом такое действие не влечет возникновения каких-либо уголовно-процессуальных отношений. Сообщение может быть зарегистрировано несколько позже, в неотложных случаях назначению судопроизводства будет соответствовать незамедлительное осуществление проверочных действий. Но при этом регистрация должна будет состояться, как только будет к этому возможность. И конечно, этот неразрывно связанный элемент должен регламентироваться процессуальным законом.

Основные свойства уголовно-процессуальной деятельности исследовала П.С. Элькинд. Она относила к ним следующее: 1) правовой характер этой деятельности, то есть точная регламентация нормами уголовно-процессуального права; 2) участники данной деятельности являются субъектами процессуальных прав и обязанностей; 3) деятельность указанных субъектов представляет собой средство осуществления их процессуальных прав и обязанностей; 4) будучи юридически значимой, она влечет (или может повлечь) возникновение новых, изменение или прекращение ранее возникших отношений[2]. Как мы видим, деятельность по регистрации сообщения о преступлении в настоящий момент не соответствует приведенным свойствам.

Аргументом «за» отнесение регистрации сообщения о преступлении к уголовно-процессуальной деятельности может выступать то, что положения уголовно-процессуального закона наделяют прокурора полномочиями по проверке исполнения федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Однако не совсем понят-

---

[1] *Уголовный* процесс современной России. Проблемные лекции. В 2 т. Т. 2. Досудебное и судебное производство: уч. пос. / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2017. С. 37.

[2] *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 20.

но, о каком федеральном законе в данной норме ведется речь, не исключено, что о Федеральном законе «О полиции», предусматривающем в п. 1 ч. 1 ст. 12 обязанности полиции принимать и регистрировать заявления о преступлениях.

Обратим внимание на то, что в юридической литературе было высказано противоположное мнение, согласно которому регистрация сообщения о преступлении не является процессуальным действием, поскольку не предусмотрена и не урегулирована УПК, и, как следствие, нарушение предусмотренного порядка регистрации сообщений о преступлениях не является нарушением уголовно-процессуального закона[1]. Заявителю важно, чтобы сообщение о преступлении было принято, проведена его проверка и вынесено законное и обоснованное решение. Существенной гарантией реализации обязанности дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа служит предусмотренное ч. 5 ст. 144 УПК РФ право обжаловать отказ в приеме сообщения о преступлении прокурору или в суд в порядке, установленном ст. ст. 124, 125 УПК РФ.

Л.В. Головко отмечает, что должен соблюдаться баланс между юстицией как деятельностью органов, применяющих право в рамках разрешения правовых споров о гипотетических нарушениях уголовного закона, и полицией как деятельностью органов, обеспечивающих уголовное судопроизводство[2]. Полагаем, что регистрацию сообщений о преступлении надлежит рассматривать как обеспечительную деятельность законности приема такого сообщения, его учет для последующего ведомственного контроля.

В п. 14.1 Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736, закреплен порядок передачи информации по существу принятого заявления (сообщения) сотрудником органов внутренних дел в дежурную часть, оперативному дежурному. Обязанность по ведению КУСП и регистрации в ней заявлений и сообщений возложена в соответствии с п. 26 Инструкции на

---

[1] *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учебник. М., 2008. С. 337.

[2] *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М., 2022. С. 183–197.

оперативного дежурного. В связи с этим можно констатировать, что прием и регистрация сообщения о преступлении – это две самостоятельные процедуры. Каждая из них предполагает определенные действия и выполняется, как правило, разными должностными лицами.

В действующем правовом поле регистрация[1] сообщения о преступлении является самостоятельным элементом порядка его рассмотрения, который не является уголовно-процессуальным. Регистрация не порождает возникновения взаимных прав и обязанностей участников процессуальных отношений, выступает в качестве элемента ведомственного контроля, является оценочным показателем статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотрена ведомственными нормативными актами. Она относится исключительно к компетенции органа дознания и иных лиц государственных органов, которые не являются субъектами уголовного досудебного производства, но наделены соответствующими подзаконными актами полномочиями по регистрации сообщений о преступлениях. Поэтому дознаватель, следователь при принятии информации о любом совершенном или готовящемся преступлении обязан оповестить орган внутренних дел или иной орган, наделённый полномочиями ставить такие сообщения на учет.

Уголовно-процессуальные отношения появляются в результате принятия сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа. УПК РФ предусмотрены гарантии приема сообщения о преступлении, предполагающие обжалование такого отказа прокурору или в суд.

Обратим внимание на то, что уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Казахстана, Молдовы, Эстонии не предусматривает рассмотрение сообщений о преступлении в традиционном для российской правовой действительности понимании. Началом досудебного расследования в ряде бывших государств СССР признаётся именно регистрация заявления, сообщения об уго-

---

[1] «Зарегистрировать» – «взять на учет». Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1985. С. 565.

ловном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие.

Так, указание на необходимость регистрации «сообщения об уголовном правонарушении» и порядок реализации данной деятельности указаны в ч. 5 ст. 32, ч. 1 ст. 179, ч. 1 ст. 185, ст. 186 УПК Республики Казахстан[1]. На органы уголовного преследования Республики Беларусь возлагается обязанность не только принять и рассмотреть заявление, сообщение о преступлении, но и зарегистрировать его в соответствии с ч. 1 ст. 172 УПК Республики Беларусь[2]. Справедливости ради отметим, что правоприменительная практика государств на постсоветском пространстве показывает, что проведенные реформы уголовного судопроизводства, в результате которых произошла ликвидация стадии возбуждения уголовного дела и введена необходимость использования Единого реестра досудебных расследований, полностью не решили вопросов сокрытия от регистрации заявлений и сообщений, принятия незаконных и необоснованных решений о прекращении производства.

Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров придерживаются точки зрения, согласно которой закрепление в уголовно-процессуальном законе порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях не только повысит гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступлений, но и оградит интересы государства от преступных действий недобросовестных должностных лиц, наделенных компетенцией по рассмотрению сообщения о преступлении[3].

Таким образом, мы считаем целесообразным скорректировать ч. 1 ст. 144 УПК РФ с целью придать нормативное значение регистрации. Вместе с тем полагаем, что порядок регистрации сообщения о преступлении должен регламентироваться ведомственными нормативными актами, на что следует четко указать в уголовно-процессуальном законе. Оптимально разработать единую элек-

---

[1] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения 14.11.2022).

[2] URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (дата обращения 14.11.2022).

[3] *Манова Н. С., Францифоров Ю. В.* Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ // Российский судья. 2003. № 5. С. 21–25.

тронную систему регистрации сообщений о преступлениях (использовать опыт республик Беларусь, Казахстана и др.), чтобы вносимые в нее сведения отражались органами, уполномоченными регистрировать сообщения о преступлении, и у надзирающего прокурора для осуществления качественного ведомственного контроля и прокурорского надзора.

В отличие от регистрации сообщения о преступлении, его проверка в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ является прямой обязанностью дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. При этом следует отметить, что к данной уголовно-процессуальной деятельности в ряде случаев привлекаются должностные лица органа дознания.

Излишняя заформализованность порядка рассмотрения сообщения о преступлении, его усложнение порождает активное обсуждение в научных кругах вопроса о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе[1]. Концепция судебной реформы в РСФСР предполагала отказ от данной стадии[2]. При этом многие представители научного сообщества высказываются в пользу ее сохранения, предлагая различные варианты ее преобразования[3].

По нашему мнению, наиболее перспективным вектором развития стадии возбуждения уголовного дела, содержанием которой является проверка сообщения о преступлении, будет не ее формальное упразднение, а изменение от-

---

[1] *Вицин С.Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; *Усачев А.А.* Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72; *Гаврилов Б.Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18; *Кругликов А П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 58; *Дершиев Ю.В.* Стадия возбуждения уголовного дела – реликт социалистической законности // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36; и др.

[2] *Концепция* судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 88–90.

[3] *Азаров В.А.* О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 20–21; *Быков В.М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 54; *Горлов В.М.* Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9; *Шадрин В.С.* Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 717-724; и др.

ношения субъектов досудебного производства к ее реальному назначению, анализу достаточности установленных законом процессуальных средств для своевременной и качественной проверки сообщения о преступлении. В этом отношении считаем целесообразным поддержать ученых, выступающих за сохранение в системе досудебного производства такого вида уголовно-процессуальной компетенции, как рассмотрение сообщений о преступлении[1].

Особое значение порядку рассмотрения сообщения о преступлении придал Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ[2], который существенно расширил объем полномочий субъектов, ведущих досудебное производство. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении последние вправе «получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». При этом ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ определяет, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статьи 75 и 89 настоящего Кодекса». Наделение результатов проверки доказательственным статусом сформировало новое отношение к компетенции по рассмотрению сообщений о преступ-

---

[1] *Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю.* К вопросу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в фокусе обеспечения прав личности // Российский следователь. 2019. № 11. С. 40–44; *Власова, Н.А., Мусеибов А.Г.* Правовая регламентация возбуждения уголовного дела: состояние, проблемы и перспективы // Научный портал МВД России. 2021. № 1. С. 65–72.

[2] *О внесении* изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лениях со стороны правоприменителей: в ходе рассмотрения сообщений о преступлении собираются доказательства, а не материалы, которые впоследствии обретают доказательственное значение. Это привело к тому, что в ходе проверки сообщений о преступлениях субъектами, ведущими уголовное досудебное производство, устанавливаются обстоятельства, в том числе и посредством следственных действий, что существенно размывает грань между компетенцией по рассмотрению сообщений о преступлении и производством предварительного расследования.

В ходе рассмотрения сообщения о преступлении реализуются разные функции. Наряду с уголовно-процессуальной деятельностью может осуществляться и оперативно-розыскная. Следователь и дознаватель не наделены компетенцией проводить мероприятия, содержащиеся в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1]. К субъектам производства оперативно-розыскных мероприятий относятся оперативные подразделения государственных органов. Однако уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена возможность давать органу дознания письменные поручения о производстве таких действий.

Стоит обратить внимание на то, что ч. 2 ст. 41 УПК РФ предусматривает запрет возложения полномочий *по проведению дознания* на то лицо, которое проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Относительно рассмотрения сообщения о преступлении такой запрет прямо не закреплен в УПК РФ. Полагаем, что деятельность субъектов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, предусматривает совмещение компетенции по производству проверки сообщения о преступлении, принятия по нему процессуального решения и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, при проверке сообщения о преступлении допустимо проводить комплекс гласных и негласных мероприятий.

---

[1] *Об оперативно-розыскной* деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ к субъектам, которые уполномочены проводить проверку сообщения о преступлении, отнесены: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа[1]. При этом их компетенции в законе четко не определены, не разграничены и, как правило, пересекаются. В некоторых случаях компетенция органа дознания (его должностных лиц) по производству проверки сообщений может быть ограничена в результате формального отсутствия поручения начальника органа дознания о её производстве. О.В. Качалова приводит пример получения доказательств ненадлежащим субъектом, ссылаясь на апелляционное постановление Челябинского областного суда от 15 сентября 2017 г. Данным решением суд исключил акт получения образцов для сравнительного исследования из числа доказательств, ссылаясь на то, что данный акт составлен старшим оперуполномоченным в ходе проверки сообщения о преступлении без соответствующего поручения руководителя органа дознания или следователя[2]. Таким образом, компетенция органа дознания по проведению проверки ограничена полномочием начальника органа дознания поручать проверку сообщения о преступлении подчиненному должностному лицу. При этом в УПК РФ не указано, каким образом данное поручение должно быть оформлено. Недостаточно определен и процессуальный статус должностного лица органа дознания, о котором упомянуто в п. 6 ч. 1 ст. 40^2 УПК РФ.

Обращаем внимание и на то, что в числе субъектов, уполномоченных на проведение проверки сообщения о преступлении, в УПК РФ не указаны начальник органа дознания, начальник подразделения дознания. На данную проблему указывают Я.А. Шараева и В.Н. Тангриева и предлагают включить указанных субъектов в ч. 1 ст. 144 УПК РФ как должностных лиц, уполномо-

---

[1] Также мы считаем необходимым наделение данной компетенцией следователя-криминалиста (о чем мы писали в § 2 главы 1).

[2] *Качалова О.В.* Когда доказательства получено ненадлежащим субъектом // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 9.

ченных рассматривать сообщения о преступлении[1]. Однако мы полагаем, что формулировка закона не ограничивает такие полномочия начальника органа дознания: данный субъект может действовать и от имени органа дознания[2], и как самостоятельная процессуальная фигура, если речь идет о внутренних правоотношениях в органе дознания (например, реализация полномочий в рамках ст. 41^2, ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Отдельно необходимо остановится на характеристике полномочия следователя давать органу дознания письменные поручения при проверке сообщения о преступлении. Оно традиционно рассматривается в качестве формы взаимодействия между следователем и органом дознания. А.Ю. Зотов определяет его следующим образом: «основанная на законе и иных нормативных правовых актов согласованная совместная деятельность организационно-независимых друг от друга предварительного следствия и органа дознания, осуществляемая с целью раскрытия и расследования преступлений, направленная на достижение целей уголовного судопроизводства»[3]. Специфика взаимодействия следователя и дознавателя с органом дознания при проверке сообщения о преступлении в связи со сложившейся правоприменительной практикой мало чем отличается от взаимодействия в рамках расследования преступления. Его сущность состоит в оказании следователю, дознавателю необходимой помощи в достижении целей и решении задач предварительной проверки и реализуется путем дачи поручений.

Однако делегировать свои полномочия по производству процессуальных действий при рассмотрении сообщения о преступлении следователь и дознаватель не уполномочены. На это указывает ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ограничивающая взаимодействие правом «давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

---

[1] *Шараева Я.А., Тангриева В.Н.* Процессуальный статус дознавателя: мифы и реальность // Философия права. 2021. № 3. С. 127–131.

[2] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 330.

[3] *Зотов А.Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2021. С. 88.

Расширенному толкованию данная норма не подлежит, так как является специальной нормой, регулирующей конкретные отношения в ходе проверки сообщения о преступлении.

Изучение проверочных материалов, подготовленных сотрудниками органов внутренних дел на территории Омской, Новосибирской, Томской областей, показывает, что в правоприменении используется общая норма, уполномочивающая следователя, дознавателя давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1^1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ. По отдельным поручениям в рамках проверки сообщения о преступлении проводятся осмотры мест происшествий, в результате которых изымаются предметы, документы, производится изъятие образцов для сравнительного исследования и др.[1] Стоит обратить внимание на то, что 62,7% опрошенных следователей и дознавателей считают возможным проведение органом дознания по поручению в стадии возбуждения уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, 37,3% – проведение лишь оперативно-розыскных мероприятий[2].

М.Ю. Терехов и О.В. Химичева справедливо указывают на то, что «неурегулированность правоотношений по даче поручений в ходе проверки сообщения о преступлении на законодательном уровне приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике»[3]. Считаем, что необходимо согласовать нормы уголовно-процессуального законодательства (п. 4 ст. 38, п. 1^1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ), регламентирующие деятельность следователя, дознавателя по даче письменного поручения органу дознания: предоставить право субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, самостоятельно определять объем делегированных полномочий органу дознания.

---

[1] Указанные факты выявлены при изучении материалов уголовных дел и материалов об отказе в возбуждения уголовного дела в соответствии с разработанной примерной программой.

[2] См. приложение 2

[3] *Терехов М.Ю., Химичева О.В.* Некоторые проблемные вопросы производства проверки сообщения о преступлении // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 97–102.

Констатируем, что не урегулирован в УПК РФ и порядок, в том числе сроки, исполнения письменных поручений органом дознания при рассмотрении сообщения о преступлении. Положения, закреплённые в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, регламентирующие исполнение поручения в срок не позднее 10 суток, не могут быть распространены на стадию возбуждения уголовного дела, поскольку данная норма является общим условием предварительного расследования. Указанный срок установлен исключительно для производства следственных действий и розыскных мероприятий, если они проводятся вне места производства. Временной промежуток исполнения не должен превышать срока проверки сообщения о преступлении (составляющего, по общему правилу, 3 суток). При этом следователь или дознаватель должен обладать правом самостоятельно устанавливать срок исполнения органом дознания письменного поручения.

В целом полагаем, что временные границы стадии возбуждения уголовного дела, в отличие от наметившихся законодательных тенденций к расширению, должны быть сокращены. К сожалению, объемы проверки нередко определяются правоприменителем под влиянием ведомственных показателей и распоряжений надзирающего прокурора, завышенными требованиями к рассмотрению сообщений о преступлении, попытками субъектов, ведущих досудебное производство, решить задачи, не свойственные первоначальному этапу уголовного процесса. Это негативно влияет на реализацию компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях.

Изучение материалов следственной практики, а также результаты анкетирования показало, что особую сложность вызывает установление пределов компетенции органа дознания при отказе в возбуждении уголовного дела. От правильного разрешения указанного вопроса зависит выбор конкретного субъекта, уполномоченного принимать соответствующее решение по сообщениям о преступлениях.

В практической деятельности сложился подход, согласно которому каждый орган предварительного расследования наделен полномочиями не только возбуждать уголовное дело, но и принимать решения об отказе в возбуждении

уголовного дела в пределах своей подследственности. Так, свыше 60% опрошенных сотрудников органов предварительного расследования отметили, что сталкивались с практикой отмены прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что оно вынесено неуполномоченным должностным лицом[1]. Прокуратура настаивает на их принятии только следователями и дознавателями по подследственности. Такое решение вопроса во многом понятно, однако не является бесспорным. При этом 61,6% проанкетированных разделяют мнение, что для повышения эффективности следует освободить следователя, дознавателя от производства проверок сообщений о преступлениях с возложением данной обязанности на органы дознания[2].

Надлежит учитывать, что УПК РФ не содержит запрета на принятие органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, им не подследственным. На это указывает формулировка ст. 148 УПК РФ, где, в отличие от ст. 146 УПК РФ, нет указания на то, что данное решение принимается «в пределах компетенции».

К.В. Муравьев полагает, что при регламентации вопроса о принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела законодателем каких-либо ограничений не установлено, и если в ходе проверки сообщения о преступлении «чужой» подследственности достаточные данные, указывающие на признаки преступления, не выявлены, то решение об отказе в возбуждении уголовного дела будет соответствовать закону[3]. Схожей позиции придерживается А.Б. Судницын, обозначая, что институт предметной подследственности в уголовном судопроизводстве должен действовать при наличии в материалах предварительной проверки признаков преступления. По его мнению, сотрудник органа дознания имеет полномочия по принятию решения об отказе в возбуждении дела по сообщениям, ему не подследственным, при достаточном уровне

---

[1] См. приложение 1.

[2] См. приложение 1.

[3] *Муравьев К.В.* Соблюдение правил подследственности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 85.

юридической подготовки такого сотрудника[1].

Интересным представляется мнение А.А. Рытькова и И.О. Воскобойник, которые в целом отрицают влияние подследственности уголовных дел на полномочия сотрудников органа дознания по принятию решения, препятствующего дальнейшему производству по итогам первоначальной стадии уголовного процесса, обосновывая это прямым толкованием уголовно-процессуального закона. Авторы полагают, что поскольку в ст. 151 УПК РФ говорится лишь о предварительном расследовании, то на стадию возбуждения уголовного дела признаки подследственности не распространяются, а должностные лица органа дознания являются полноценными субъектами проверки сообщения о преступлении и принятия по ее итогам соответствующих решений[2]. Следовательно, уполномочен на это и тот орган, которому, в случае возбуждения дела по соответствующей норме УК РФ, оно не было бы подследственно.

Данные суждения отчасти соответствуют правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «пункт 3 части второй статьи 151 УПК РФ в рамках установления правил определения подследственности лишь перечисляет виды преступлений, уголовные дела о которых подлежат расследованию следователями органов внутренних дел Российской Федерации, и не регламентирует порядок проведения доследственной проверки по сообщению о преступлении»[3]. Акцентируем внимание на том, что данная позиция высказана лишь относительно рассмотрения сообщения о преступлении, не затрагивая вопрос о решениях, принимаемых по результатам их проверки.

Вместе с тем практика осуществления прокурорского надзора за законно-

---

[1] *Судницын А.Б.* Отказ в возбуждении уголовного дела органом дознания по итогу проверки сообщения о преступлении, подследственному следователю (в контексте их взаимодействия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4. С. 224–226.

[2] *Воскобойник И.О., Рытьков А.А.* Неполнота уголовно-процессуального регулирования и «недостатки» прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 17–19.

[3] *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Н. Стурова на нарушения его конституционных прав пункта 6 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1179-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

стью деятельности органов дознания и предварительного следствия предлагает несколько иной вариант. В некоторых субъектах Российской Федерации решения об отказе в возбуждении уголовного дела по преступлениям, отнесенным к подследственности следователей, принятые органом дознания, признаются незаконными. Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 в целях формирования единого подхода выработана позиция, согласно которой прокурорам предписывалось следить за строгим соблюдением органами дознания, дознавателями подследственности, установленной в ст. 151 УПК РФ, не только при расследовании, но и при рассмотрении, разрешении сообщений о преступлениях[1].

В науке высказываются позиции, частично совпадающие по содержанию с обозначенными требованиями. Например, В.Ю. Стельмах считает, что проводить первоначальные проверочные действия после принятия сообщения о преступлении вправе любой орган дознания или предварительного следствия, однако процессуальные решения, как о возбуждении, так и об отказе в возбуждении уголовного дела, должны приниматься тем органом, к предметной подследственности которого относится расследование дел данной категории[2]. А.П. Рыжаков полагает, что если орган, получивший заявление (сообщение) о преступлении, не вправе согласно закону возбуждать по данной категории преступлений уголовные дела, то он не может и отказать в этом[3]. В свою очередь, Н.П. Ефремова также рассматривает выражение «решения в пределах компетенции» как решения, принимаемые согласно правилам о подследственности, предусмотренные ст. 151 УПК РФ. При этом она допускает их принятие органом дознания, если нет сложности в оценке данных, служащих основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. В иных случаях решение должно

---

[1] *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Стельмах В.Ю.* Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 80.

[3] *Рыжаков А.П.* Передача сообщения по подследственности как способ сокрытия нарушения законности (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

приниматься следователем[1].

Изучение материалов об отказе в возбуждении уголовных дел показало, что часть соответствующих постановлений отменялись прокурорами, поскольку были вынесены, по их мнению, неуполномоченными на это должностными лицами органа дознания, констатировался факт нарушения подследственности.

Так, 16 июня 2023 г. заместителем прокурора Ленинского административного округа г. Омска вынесено постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного инспектором РДН ОП № 5 УМВД России по г. Омску, и направлении материалов для проведения дополнительной проверки. Основанием для отмены явилось то, что в нарушение ст. ст. 150–151 УПК РФ органом дознания принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела из-за отсутствия состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ, хотя, согласно положению ст. 151 УПК РФ, предварительное расследование по преступлениям, предусмотренным ч.ч. 2–4 ст. 158 УК РФ, проводится следователями органов внутренних дел. Иных оснований в постановлении не указано[2].

Считаем, что такой подход является формальным. В настоящее время издан Приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11[3], в котором, в отличие от прежнего, отсутствует предписание следить за строгим соблюдением органами дознания, дознавателями подследственности при рассмотрении, разрешении сообщений о преступлении. В связи с этим вопрос о необходимости соблюдать правила подследственности при принятии итогового решения на начальной стадии уголовного процесса получил новую актуальность.

Полагаем, что в случае отсутствия события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и установления данного факта в ходе проверки, когда нет необходи-

---

[1] *Ефремова Н.П.* Вопросы определения подследственности в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 58–59.

[2] *Материалы* предварительной проверки № 17149/4118 // ОП № 5 УМВД России по г. Омску.

[3] *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мости определять предусмотренную УК РФ квалификацию такого события, решение об отказе в возбуждении дела может быть принято органом дознания или иным субъектом без учета подследственности.

Считаем бессмысленным, противоречащим логике нормативного регулирования направление в органы следствия для принятия решения материалов по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, заведомо не содержащих достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Кроме того, это создает дополнительную нагрузку на следователей. В соответствии со ст. 148 УПК РФ при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, орган дознания наделен правом вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В таких случаях должностное лицо органа дознания должно действовать на основании строго установленных законом полномочий.

Вместе с тем считаем, что правила подследственности должны применяться на этапе принятия решения, когда деянию, о котором поступило сообщение, дается предварительная правовая оценка. Это касается как случаев возбуждения уголовного дела, так и ситуаций, когда определенное криминальное событие имело место, но имеются основания для отказа в возбуждении уголовного дела (п.п. 2–7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

При отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ субъект, ведущий досудебное производство, констатирует наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, однако уголовное преследование не осуществляется по причине смерти лица. На стадии возбуждения уголовного дела, когда решается лишь вопрос о поводах и основании для этого процессуального решения, а именно о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, проведение всего комплекса следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств виновности не представляется возможным, а значит, недопустимо вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи со смертью лица без предоставления близким родственникам умершего права добиваться его возможной реабилитации.

По сути, это решение ничем не отличается от решения о прекращении уголовного дела (основания для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела, установленные в ст. 24 УПК РФ, едины). В связи с этим полномочия принятия решения, связанного с применением уголовно-правовой нормы, не должны зависеть от этапа уголовного судопроизводства.

Безусловно, требования, предъявляемые к любому процессуальному решению, определены ч. 4 ст. 7 УПК РФ (законность, обоснованность, мотивированность). Данные, содержащиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, должны быть достоверными и указывать на отсутствие основания для возбуждения уголовного дела, наличие основания для отказа в возбуждении дела. Думается, что при должной степени организации прокурорского надзора, ведомственного процессуального контроля и судебного контроля задача по обеспечению принятия законных и обоснованных решений, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела, органом дознания является выполнимой.

Стоит обратить внимание на то, что в 2022 году в УМВД России по Омской области в срок свыше года со дня регистрации первоначального заявления, после неоднократной отмены постановлений об отказе, возбуждено 114 уголовных дел (из них одно – спустя больше шести лет после первоначальной регистрации). В 2021 году в срок свыше года – 225 дел (из них одно – спустя больше пяти лет). В 2020 году в срок свыше года возбуждено 198 дел (из них одно дело – спустя 8 лет)[1].

На подобного рода нарушения уже обращалось внимание Конституционным Судом РФ[2], в соответствии с правовой позицией которого должностные лица органов предварительного следствия не вправе повторно отказывать в возбуждении уголовного дела на основании тех же фактических обстоятельств, с опорой на те же материалы проверки сообщения о преступлении. Законом не

---

[1] *Обзор* о нарушениях по линии учетно-регистрационной дисциплины, выявленных сотрудниками МВД России в ходе инспектирования в 2022 году. Документ не опубликован.

[2] *По жалобе* гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 г. № 578-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

регламентировано максимальное число отмен решений об отказе в возбуждении уголовного дела и не предусмотрен предельный срок дополнительных проверок, проводимых в связи с такой отменой. Следовательно, не исключено неоднократное вынесение решений об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же сообщению о преступлении даже в тех случаях, когда неправомерность аналогичных решений уже констатирована прокурором или судом. Указанные ситуации следует рассматривать как невыполнение или ненадлежащие выполнение субъектами, ведущими досудебное производство, своей процессуальной обязанности по проверке сообщения о преступлении, нарушение права на судопроизводство в разумный срок, а также эффективную судебную защиту.

Например, по сообщению о совершенном преступлении от 16 апреля 2012 г. (КУСП № 1513) по факту хищения имущества стоимостью 840 000 рублей путем обмана в д. Решетниково Большереченского района Омской области постановления об отказе в возбуждении уголовного дела неоднократно отменялись прокурором, как необоснованные, и материал возвращался для проведения дополнительной проверки. В результате лишь спустя восемь лет (29 декабря 2020 г.) возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ[1]. Сложившаяся практика не способствует эффективной защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств и реализации конституционного права на доступ к правосудию.

Основным признаком, определяющим территориальную подследственность, является место совершения преступления. В теории и практике определение места совершения преступления не вызывает особых затруднений лишь в тех случаях, когда территория совершения общественно опасного деяния и наступления преступного последствия совпадают. Однако ситуация усложняется тем, что на фоне глобальной информатизации прослеживается устойчивая тенденция к росту преступлений, совершаемых с использованием информаци-

[1] *Уголовное* дело № 120015200160000243 / СО Большереченского района УМВД России по Омской области.

онных-телекоммуникационных технологий и дистанционного банковского обслуживания.

В связи с этим в правоприменительной деятельности принимаются попытки закрепления правил подследственности на уровне подзаконных нормативных актов. Так, при проведении проверки по сообщению о преступлении, совершенном с использованием средств информационных-телекоммуникационных технологий, зачастую возникают трудности в определении места совершения и окончания преступления и необходимости передачи сообщения по подследственности, что приводит к несвоевременному принятию решения о возбуждении уголовного дела и утрате доказательств. Как указывает Д.Ф. Флоря, материал предварительной проверки по сообщению о «дистанционном» хищении представляет своего рода «мяч», который «отфутболивается» по кругу между органами предварительного расследования на протяжении значительного времени[1].

В соответствии с указанием врио Министра внутренних дел РФ А.В. Горового от 13 июля 2015 г. № 1/5562[2] упорядочен процесс принятия решений по сообщениям о «дистанционных» преступлениях. Должностным лицам предписывается осуществлять предварительную проверку и при наличии в деянии признаков преступления принимать решение о возбуждении уголовного дела в том территориальном органе, который принял сообщение о преступлении. Дальнейшее расследование и передачу уголовного дела по месту совершения преступления необходимо осуществлять в порядке, установленном ст. 152 УПК РФ.

Приказом МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196[3] предписывается принимать решения о возбуждении уголовного дела в органе внутренних дел, в ко-

---

[1] *Флоря Д.Ф.* Отдельные аспекты определения места расследования преступлений, совершенного с применением сотовой связи // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 136.

[2] *Об организации* работы по противодействию отдельным видам мошенничества: указание МВД России от 13 июля 2015 г. № 1/5562. Документ не опубликован.

[3] *О некоторых* мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных хищений: приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196. Документ не опубликован.

торый поступило сообщение о преступлении. Полагаем, что не будет являться нарушением закона проведение проверки в любом месте, где это наиболее оправданно. Указанное управленческое решение в определенной степени унифицирует порядок рассмотрения сообщения о телефонном мошенничестве, но полностью не разрешает возникающие проблемы. Необходимо учитывать, что ведомственные нормативные правовые акты не могут восполнять пробелы уголовно-процессуального закона и регламентировать непосредственный порядок досудебного производства, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ он устанавливается только самим Кодексом.

Следует констатировать, что правоохранительные органы, применяя закон, должны стремиться к общей цели, решать общие задачи. Анализируя приведенные примеры, отметим, что в большей степени нарушения норм уголовно-процессуального законодательства связаны с попытками повлиять на статистическую отчетность. Однако жесткая заформализованность правилами подследственности приводит к тому, что субъекты, осуществляющие уголовное досудебное производство, не стремятся к полноте и всесторонности проведения предварительной проверки, понимая, что итоговое решение будет приниматься органами в соответствии с установленными признаками подследственности.

Обратим внимание, что в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ нормативные предписания, подлежащие применению в системном единстве, не могут расцениваться как допускающие возможность рассмотрения заявлений о совершенном преступлении в неполном объеме, без оценки доводов лица, обратившегося с таким заявлением, и без указаний на конкретные обстоятельства, подтверждающие отсутствие предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством оснований для проведения соответствующей процессуальной проверки, что означает необходимость принятия надлежащего решения, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным[1].

---

[1] *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 506-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

При этом соблюдение признаков подследственности органом предварительного расследования не является конституционной гарантией, в отличие от закрепленного права на законный суд (дело должно рассматриваться только тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, ч. 3 ст. 8 УПК РФ))[1]. Подследственность не имеет конституционного значения.

В законодательстве ряда зарубежных стран понятие «подследственность» не содержится вовсе. В частности, в УПК ФРГ регулируются лишь вопросы подсудности (§§ 1-21). Вопросы подследственности в ФРГ не создают проблем в деятельности правоохранительных органов, потому что решение об уголовном преследовании поручено принимать одному органу – прокуратуре[2].

Таким образом, наряду с общим правилом, при котором решение об отказе в возбуждении уголовного дела, как и постановление о начале расследования, по общему правилу должно выноситься субъектом, наделённым соответствующей компетенцией в соответствии с правилами подследственности, требуется установить положение, минимизирующее формальные аспекты. Приоритетом должны являться: правильное применение норм уголовного закона, обоснованность принимаемого решения. Пределы компетенции не должны мешать установлению истинной картины происшедшего.

Считаем возможным расширить надзорные полномочия прокурора, который мог бы быстро, оперативно, с позиции законности и обоснованности давать оценку принимаемым решениям. Прокурор освобожден от функции процессуального руководства, этим подчеркнута его объективность и беспристрастность. Являясь субъектом надзора за соблюдением законности (ст. 1 Закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»), он должен использовать активные средства прокурорского реагирования, незамедли-

---

[1] Подробнее об этом – в следующем параграфе исследования.

[2] *Шевчук А.Н.* Некоторые вопросы принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (на примере отечественного и зарубежного опыта) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 3. С. 324.

тельно устранять выявленные нарушения закона в части принятия решений субъектами, ведущими досудебное производство.

С.П. Щерба и И.В. Чащина справедливо настаивают на том, что руководящая, ключевая роль прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов в России и большинстве государств – участников СНГ определяется тем обстоятельством, что, осуществляя надзорные функции, прокуратура имеет реальные возможности и полномочия воздействовать законными средствами на деятельность других правоохранительных органов, ориентируя и направляя их на решение проблем борьбы с преступностью с учетом новых вызовов и угроз[1].

Обратим внимание на то, что согласно п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен не только передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ, но и изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении и передавать их следователю Следственного комитета РФ. Тем самым фактически закреплена исключительная подследственность, предполагающая, что следователи Следственного комитета вправе принимать законные и обоснованные решения по любому материалу проверки (если будет «воля» прокурора). Полагаем, что полномочия прокурора в этой части необходимо расширить. И если законность и обоснованность принятого решения у надзирающего органа не вызывает сомнения, то он должен иметь полномочие утверждать такие постановления, не направляя материалы для формальной дополнительной проверки. Если же предварительная проверка, по мнению прокурора, проведена неполно, отсутствует всесторонность и объективность, то данный субъект обязан отменить решение и направить материал для проведения дополнительной проверки органу предварительного расследования в соответствии с правилами подследственности.

---

[1] *Щерба С.П.* Опыт и перспективы научного обеспечения сотрудничества прокуратур в рамках Содружества Независимых Государств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 4. С. 126–134.

Резюмируя изложенное, мы пришли к следующим выводам:

1. Уголовно-процессуальная компетенция по рассмотрению сообщений о преступлениях включает обязанность приема и проверки сообщения о каждом (любом) совершенном или готовящемся преступлении каждым (любым) субъектом, уполномоченным вести досудебное производство. Пределы компетенции (применение правил подследственности) должны устанавливаться на этапе разрешения информации о преступлении, когда деянию, о котором поступило сообщение, дается предварительная правовая оценка. Деятельность по регистрации сообщения о преступлении не является уголовно-процессуальной, в связи с чем не входит в процессуальную компетенцию субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

2. В целях оптимизации компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях между следователем, дознавателем, органом дознания необходимо согласовать нормы уголовно-процессуального законодательства (п. 4 ст. 38, п. 1^1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ), регламентирующие деятельность по направлению письменного поручения органу дознания, предоставив право субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, самостоятельно определять объем делегирования полномочий органу дознания, а также срок их исполнения.

3. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела предполагает констатацию наличия или отсутствия признаков преступления в проверяемом событии и, следовательно, предварительную квалификацию деяния. Оно, как и решение о возбуждении уголовного дела, по общему правилу должно выноситься субъектом, наделённым соответствующей компетенцией в соответствии с правилами подследственности. Вместе с тем отсутствие самого события преступления, по поводу которого рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела, означает отсутствие предпосылок для исследования вопроса о наличии состава преступления. Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не предполагает предварительной квалификации проверяемого события, поэтому может быть вынесено любым субъектом, компетентным осуществлять предварительную проверку.

В связи с этим ч. 1 ст. 148 УПК РФ целесообразно дополнить предложением «Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 2–7 части первой ст. 24 настоящего Кодекса, допускается в соответствии с подследственностью».

4. Следует предусмотреть полномочие прокурора легитимизировать законные и обоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные субъектами, ведущими досудебное производство, за рамками подследственности, для чего п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ следует дополнить словами «утверждать постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные органами предварительного расследования за пределами подследственности, установленными ст. 151 УПК РФ;», а ч. 6 ст. 148 УПК РФ – предложением «Признав постановление органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела законным и обоснованным, прокурор вправе утвердить его в порядке п. 12 ч. 1 ст. 37 настоящего Кодекса.».

§ 2. Направления совершенствования правовой регламентации дознания и предварительного следствия

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование производится следователем в форме предварительного следствия (по правилам, определенным гл. гл. 22–31 УПК РФ) либо дознавателем или следователем в форме дознания (с особенностями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ). Кроме того, в соответствии с гл. 32^1 дознание может проводиться в сокращенной форме. Таким образом, современное законодательство предусматривает три различных вида уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, в рамках которых соответствующие государственные органы и должностные лица реализуют полномочия по созданию предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Такая модель предварительного расследования является плодом длительного поиска оптимальных форм и процедур, осуществляемого в условиях политических катаклизмов и реформ, перма-

нентно преследующих наше Отечество более чем полтора столетия. Вместе с тем, как указывают специалисты, разрабатывающие эту тематику, данная парадигма, полученная в результате правотворческих метаний, политики хаотичного смешения различных, в том числе плохо совместимых элементов, относящихся к разным типам процесса[1], не является оптимальной и требует дальнейшего реформирования.

Исторически соотношение предварительного следствия и дознания было кардинально другим. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) только следствие, осуществляемое представителями судебного ведомства, носило предварительный характер для судебного разбирательства преступления, дознание же предваряло само следствие. И.Я. Фойницкий писал, что дознание «дает материал к начатию следствия, устанавливает взгляд следователя на способы к дальнейшему раскрытию истины»[2].

Фактически механизмы предварительного следствия были построены на основе «французской» модели, представляющей собой деятельность судебных следователей при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей. Основанием отделения судебной власти от административной была необходимость их взаимоограничения, а также то, что администрация требует от управляемых исполнения закона и предупреждает его нарушения, а судебная власть восстанавливает уже нарушенный порядок и определяет последствия[3].

Судебный следователь мог изучать и давать оценку материалам о совершенном преступлении, проверку по которым проводила полиция, с возможностью дополнить проведенное дознание, отменять необоснованное и незаконное решение, вынесенное при производстве дознания, поручать полиции сбор необходимой информации[4]. При этом само обвинение возникало из внешних по от-

---

[1] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 2021. С. 21–46.

[2] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 374.

[3] *Судебные* уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. В 5 ч. СПб., 1867. Ч. 2. С. 24.

[4] *Андреева О.А., Фисаков М.Ю.* Реформирование деятельности российских следственных органов во второй половине XIX века // Создание и развитие модели органов предвари-

ношению к следствию источников, могло быть начато по требованию судебных мест, губернского прокурора, стряпчих, приставов, создавая при этом условия для беспристрастного исследования следователем обвинения. Сложившаяся следственная деятельность в целом означала отказ от разыскной формы процесса, когда одно и то же лицо обнаруживало преступление, выдвигало обвинение и разрешало его, а также переход к предварительному следствию, построенному на началах состязательности, при которой функция следователя уподоблялась роли судьи и состояла в объективном и непредвзятом разрешении вопроса об обоснованности обвинения, выдвинутого по общему правилу обвинительной властью[1].

Дознанием именовалась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, установление и розыск лиц, их совершивших, оказание содействия следственным органам, выполнение их поручений. И.Я. Фойницкий относительно дознания высказывался так: «…оно не имеет дело с судебными формами и обрядами и представляет собой деятельность несудебную»[2]. А.А. Квачевский под дознанием понимал «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния»[3]. То есть по своему характеру оно представляло собой административную и оперативно-розыскную деятельность, целью которой являлась проверка обоснованности поступившей жалобы, собирание сведений о преступлении для начала следствия, розыск лиц, совершивших преступление. Справедливо суждение Ю.В. Деришева, полагающего, что дознание зарождалось как административная деятельность полиции на первоначальном этапе досудебного производства, оно осуществлялось не по про-

---

тельного расследования в Российской империи: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 28.

[1] *Уголовно-процессуальное* право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 27–28.

[2] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 357.

[3] *Квачевский А.А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 2. СПб., 1867. С. 3.

цессуальным правилам, которые обязательными были только для производства предварительного следствия[1]. Детальная регламентация деятельности дознания в УУС отсутствовала. Органы дознания рассматривались как несудебные органы, соответственно их деятельность являлось непроцессуальной, материалы, полученные в ее результате, выступали как основание для производства предварительного следствия.

С.И. Гирько отмечает, что фактически в дореволюционном законодательстве существовало три вида дознания[2]. Первый вид дознания – как способ проверки заявлений и сообщений о преступлениях и проступках (ст. 253 УУС) – полиция осуществляла в тех случаях, когда уголовно-правовые признаки происшествия были сомнительными или о происшествии стало известно из источника не вполне достоверного. Второй его вид – по делам местных установлений – представлял собой фиксацию в полном объеме всех обстоятельств совершенного преступления по делам, подсудным мировым судьям (ст. ст. 47, 48, 52 УУС). Третий вид дознания – по делам, подсудным окружным судам, – производился, когда полиция обнаруживала только что совершившееся (совершающееся) преступление, если его следы могли быть утрачены до прибытия следователя на место происшествия (ст. ст. 238, 252–258 УУС).

Отметим, что деятельность досудебного производства того времени нельзя признать безупречной. В.П. Даневский писал: «предварительное следствие по Судебным Уставам Императора Александра II – едва ли не самая слабая часть нашего уголовного процесса»[3]. Это проявлялось в низкой раскрываемости преступлений, медленности производства по уголовным делам, что обуславливалось излишней, высокой нагрузкой следователей[4]. Особая комиссия в результате анализа следственной деятельности выявила причины организаци-

---

[1] *Дершиев Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 164.

[2] *Гирько С.И.* Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2013. С. 16–17.

[3] *Даневский В.П.* Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895. С. 23.

[4] *Материалы* для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. СПб., 1882. С. 142–143.

онного и законодательного плана, способствовавшие такому неблагоприятному течению дел: отсутствие в законодательных актах юридических границ, которые регулируют порядок производства следствия и дознания по уголовным делам; отсутствие надлежащего контроля за их проведением; принижение следователя в иерархии судебных чинов; зависимость от вышестоящего административного начальства; отсутствие на всей территории России надлежащим образом контролируемого полицейского сыска преступников, организованного параллельно с предварительным следствием[1].

Кроме того, прослеживалась тенденция к смешению деятельности дознания и следствия, что вызывало опасение, связанное с возвратом к дореформенному порядку, когда следствие осуществлялось полицией. Фактически следователь не был огражден от выполнения розыскных функций и в тех случаях, когда обвиняемый скрылся или когда он не был установлен. Этим ограничивалось основное условие объективности следователя. Рассматривался вопрос об усилении судебной составляющей его статуса, в том числе освобождения от участия в розыскной деятельности. При этом оставался актуальным вопрос упрощения процедуры досудебной подготовки материалов.

До 1917 г. основной целью законодателя по совершенствованию досудебного производства являлось отделение судебной власти от административной, приоритетным направлением было исключение любого вмешательства полиции в судопроизводство. Следователь по данной причине являлся частью судебной власти. По поручению прокурора расследование уголовных дел могло осуществлять иное должностное лицо. Полиция выполняла целый ряд самостоятельных уголовно-процессуальных задач, проводила дознание по многим составам преступлений, подсудным мировым и городским судьям. При реализации своих процессуальных полномочий по производству дознания полиция была подчинена судебному следователю и лицу прокурорского надзора, согласовывала с ними свои действия. Чины полиции при производстве дознания

---

[1] *Комиссия* для исследования недостатков современного состояния следственной части: отчет. СПб., 1870. С. 25.

неукоснительно руководствовались установлениями прокуроров и их помощников, полицейское начальство осуществляло организационное руководство. Самостоятельностью принятия решения при производстве дознания полиция не обладала, материалы по его окончании передавались в органы прокурорского надзора, которые определяли дальнейшую судьбу расследования[1]. Однако постепенно деятельность дознания процессуализировалась, превращаясь в альтернативу предварительному следствию. Одним из направлений реформы досудебного производства была дифференциация процессуальной формы, расширялись полномочия полиции по подготовке к судебному разбирательству материалов по маловажным преступлениям, сокращалась подследственность.

В рамках приведенной модели досудебное производство развивалось вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» упразднены институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, приостановлена деятельность института мировых судей. Предварительное следствие по уголовным делам возложено на местных судей единолично[2].

Первые послереволюционные годы и проводимые реформы правоохранительной системы обусловили становление нового подхода к формированию досудебного производства. Отличительной особенностью являлось множество разрозненных органов, осуществляющих расследование уголовных дел. По преступлениям, связанным с противниками революции, создавались особые следственные комиссии (окружных народных судов, по делам революционных трибуналов, всероссийские и местные чрезвычайные комиссии). В результате функционирования большого количества органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, контроль за их процессуальной деятельностью как таковой отсутствовал. Продолжался поиск наиболее эффективного построения судебно-следственной системы для вновь созданного государства.

---

[1] *Гирько С.И.* Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2013. С. 41–42.

[2] *Судоустройство*, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: уч. пос. для вузов / под общ. ред. А.Н. Артамонова. Омск, 2020. С. 187.

Фигуру подконтрольного суду следователя вернуло Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.[1] Однако его процессуальный статус требовал более ясной законодательной регламентации. Компетенция не имела четкого законодательного закрепления, что приводило к несистемному закреплению ее за разными субъектами досудебного производства.

В последующем принятые Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 гг.[2] наделяли следователя определенной самостоятельностью, которая выражалась в полномочиях прекратить или приостановить дело. Прокурор руководил ходом расследования, определял подследственность уголовных дел.

В зависимости от исторических и политических шагов, которые делало наше государство, место и роль следственного аппарата кардинально менялись. А.Ю. Зотов отмечает, что формально после 1936 г. следственный аппарат был единым, однако реально часть уголовных дел расследовалась органами милиции, входившими в состав НКВД, поскольку им делегировалось право производства предварительного следствия прокурорами и следователями[3].

Дознание проводилось, как правило, по преступлениям небольшой тяжести. При этом органам милиции и уголовного розыска был придан одинаковый правовой статус, в связи с чем определить, какой из указанных органов дознания должен был возбуждать уголовное преследование и осуществлять досудебное производство по уголовному делу, не представлялось возможным, однако органам дознания милиции отдавалось очевидное предпочтение. Их деятельность рассматривалась как первичное, простейшее расследование, первоначальные розыскные действия. Границы между предварительным следствием и дознанием продолжали стираться.

В качестве важнейшей черты дознания стал выделяться исключительно

---

[1] *Положение* о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Уголовно-процессуальный* кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230; *Уголовно-процессуальный* кодекс РСФСР 1923 г. // Известия ВЦИК. 1923. 18 февр.

[3] *Зотов А.Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2021. С. 16–17.

уголовно-процессуальный порядок его процедур. С.Б. Россинский справедливо замечает, что сейчас «достаточно сложно понять истинные причины, побудившие раннесоветского законодателя сконструировать принципиально новую на тот момент концепцию дознания как полноценной альтернативы предварительного следствия, что фактически предопределило доказательственное значение его результатов»[1]. Постепенно расширялся круг дел, по которым расследование проводили от начала до конца органы дознания, на них распространяются процессуальные формы, установленные для предварительного следствия. Возрастающая нагрузка следователей по уголовным делам перераспределяется путем поручения расследования органу дознания.

В результате последующего реформирования следователи были выведены из судов и полностью подчинены прокурорам. Принятые 25 декабря 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[2] наделили правом производства предварительного следствия лишь следователей прокуратуры и органов безопасности. В 1963 году должности следователей были введены и в органах внутренних дел[3]. Стремление государства установить контроль над всеми сферами общественной жизни привело к получению административными органами компетенции по проведению предварительного расследования, к расширению полномочий органов дознания[4]. Практика стирала различия в компетенции между дознанием и предварительным следствием. Однако дознание продолжало восприниматься как «деятельность административных органов, причем деятельность далеко не основная, поскольку функции этих

---

[1] *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 2021. С. 33.

[2] *Об утверждении* Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 15.

[3] *О предоставлении* права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка: Указ Президиума ВС СССР от 6 апреля 1963 г. № 1237-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.

[4] *Баранов А.М., Дершиев Ю.В., Николаев Ю.А.* Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права: уч. пос. Омск, 2003. С. 13.

органов в целом значительно шире по объему и содержанию»[1]. Основы уголовного судопроизводства не устанавливали процессуальную форму дознания, но законодательство того времени пошло по пути сближения видов деятельности, распространив на него общие условия производства предварительного следствия, с учетом упрощений.

В УПК РСФСР 1960 г. закреплено две формы дознания (ст. 118), которые различались в зависимости от того, по какой категории дел действовали субъекты. По делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, предусматривалось возбуждение уголовного дела и в срок до десяти суток осуществление неотложных следственных действий с последующей передачей дела компетентному следователю (либо прокурору для определения органа, который будет проводить предварительное следствие) (ст. 119). По делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, после возбуждения дела орган дознания принимал все предусмотренные законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, составлял итоговое решение (обвинительное заключение, постановление о прекращении дела), которое с материалами представлялось прокурору для утверждения (ст. ст. 120–124). При реализации уголовно-процессуальной компетенции второго вида рассматриваемый субъект досудебного производства руководствовался правилами, установленными для предварительного следствия, за отдельными исключениями, которые не были связаны с процедурами формирования доказательств или предварительной юридической оценки деяния, а касались отдельных аспектов правозащитного характера (по окончании дознания исключалось ознакомление с материалами уголовного дела потерпевшего, гражданских истца и ответчика) и отражали меньшую степень процессуальной самостоятельности лица, осуществляющего дознание (при несогласии с указаниями прокурора обжалование их вышестоящему прокурору не приостанавливало их выполнение). Отдельным исключением являлся укоро-

[1] *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерки развития науки советского уголовного процесса: монография. Воронеж, 1980. С. 182.

ченный первоначальный срок (один месяц дознания по сравнению с двумя месяцами на предварительном следствии), однако он мог быть продлен изначально еще на один месяц (ст. 121), а затем по правилам предварительного следствия (ст. 133), что фактически нивелировало данную особенность.

С 1985 года еще одной компетенцией органов дознания стала «протокольная форма досудебной подготовки материалов» (разд. 9 УПК РСФСР 1961 г.)[1]. В соответствии с этой процедурой в десятидневный срок без производства следственных действий устанавливались обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, получались объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребовались характеризующие правонарушителя материалы, составлялся протокол, в котором описывалось преступление, давалась его квалификация по статье уголовного закона, указывались иные необходимые данные. Начальником органа дознания материалы направлялись прокурору для передачи в суд.

Социально-экономические и политические изменения в нашей стране с начала 1990-х гг. повлияли на развитие досудебного производства.

Авторы Концепции судебной реформы в РФ обратили внимание на отсутствие четкой грани «между процессуальной и непроцессуальной деятельностью: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР использует многочисленные административные процедуры (особенно в главе о возбуждении уголовных дел); одинаковое юридическое значение придается дознанию, следствию и протокольной форме досудебной подготовки материалов; начальник следственного отдела, то есть административный руководитель, наделен процессуальными функциями»[2]. Концепция предусматривала недопустимость подчинения следователя административным начальникам, наделения их процессуальными полномочиями и правом контролировать ход и результаты расследования, объединения следователей и дознавателей в одном ведомстве. Предусматривалось за-

---

[1] *Указ* Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

[2] *Концепция* судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 22.

менить прокурорский надзор судебным контролем, при этом сохранить функцию процессуального руководства следствием за прокуратурой[1]. Авторы Концепции судебной реформы РФ ориентировали на системное перераспределение функций во всех правоохранительных органах государства. Высказана идея ликвидации дознания как полной формы предварительного расследования, поскольку только следователь способен качественно расследовать преступления и обеспечивать конституционные права и свободы личности[2]. Однако объективных обоснований комплексного изменения документ в себе не содержал. Кроме того, так и не был юридически определен правовой статус самой Концепции, а ее положения реализовались лишь выборочно. Последующее реформирование досудебного производства в основном пошло другим путем.

В 2001 г. был принят УПК РФ, в котором присутствуют в разных пропорциях элементы континентальной и англо-американской модели. Он сохранил две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. Компетенция органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, стала именоваться «производством неотложных следственных действий».

На момент принятия и вступления в действие нового Кодекса дознание, по сути, представляло «симбиоз» существующих по УПК РСФСР дознания, проводимого по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, и протокольной формы подготовки материалов: оно проводилось при возбуждении уголовного дела только в отношении определенного лица; в течение 15 суток, с возможностью продления срока прокурором не более чем на 10 суток (дальнейшее продление периода расследования предусмотрено не было, уголовное дело передавалось для проведения предварительного следствия); на протяжении всего дознания обвинение не предъявлялось.

В дальнейшем процессуальные правила дознания претерпевали перманентные изменения: увеличивались его сроки (сейчас в соответствии с ч. ч. 3-5

---

[1] Там же. С. 65–67.
[2] Там же. С. 23.

ст. 223 УПК РФ первоначальный период расследования составляет 30 суток, с возможностью продления еще до 30 суток, далее – до 6 месяцев и в исключительных случаях – до 12 месяцев); введена процедура уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ), во многом, напоминающая процедуру привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ); предусмотрена возможность производства дознания группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ).

При этом предварительное следствие по-прежнему считается формой, обеспечивающей максимальные гарантии соблюдения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в результате совокупности предусмотренных ею процедур и механизмов[1]. Переход от дознания к предварительному следствию является возможным в результате письменных указаний прокурора, изменения квалификации преступления на более тяжкое. При этом если производство предварительного следствия признано обязательным, то, по мнению Л.В. Головко, «дознание ни при каких обстоятельствах не должно иметь место»[2]. Однако изучение и анализ практики, интервьюирование правоприменителей указывают на то, что факты передачи для производства дознания уголовных дел, расследованных в форме предварительного следствия, не исключены. Подобные случаи не являются противоречащими закону при изменении квалификации расследуемого события. М.Л. Якуб верно отмечал, что процессуальная форма формирует детально урегулированный, устойчивый, юридически оправданный, строго обязательный стабильный правовой режим производства по уголовным делам[3], что не исключает возможности корректировки процессуальной формы в зависимости от установленных фактов при расследовании.

Обратим внимание, что сущностно (в плане назначения досудебного производства) компетенции предварительного следствия и дознания не различаются. Так, порядок собирания, проверки, оценки доказательств не имеет каких-либо значимых особенностей: дознание проводится в порядке, предусмотрен-

---

[1] *Стельмах В.Ю.* Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Мировой судья. 2022. № 4. С. 15.

[2] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 649.

[3] *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 8.

ном гл. гл. 21, 22, 24-29 УПК РФ, предназначенными для предварительного следствия. Органы дознания и следствия в стадии предварительного расследования обладают одинаковыми полномочиями: по производству следственных действий; применению мер уголовно-процессуального принуждения; принятию решений, влияющих на ход расследования. Завершается дознание обвинительным актом (ст. 225 УПК РФ), который подобен обвинительному заключению (ст. 220 УПК РФ). Фактически между формами предварительного расследования остаются различия, которые обусловлены лишь организационными причинами и отражают меньшую процессуальную самостоятельность дознавателей по отношению к следователям.

В связи с реформой 2007 г.[1] советская модель предварительного следствия, по сути, перестала существовать. Следователи фактически были выведены из составов органов прокуратуры. В этом, по нашему мнению, имеется целесообразность – нельзя одновременно надзирать за следствием и расследовать, теряется объективность и эффективность такого надзора. Таким образом, были предприняты попытки разграничить осуществление уголовно-процессуальных функций: прокурор освободился от ответственности за результаты следствия, он с большей принципиальностью может обеспечивать надзор за законностью досудебного производства. В свою очередь, избавленный от тотального процессуального контроля прокурора следователь должен был приобрести большую самостоятельность.

В связи с проведением «контрреформы» (Федеральный закон от 28 декабря 2010 г.[2]) прокурору были возвращены многие ранее упраздненные полномочия. Последующее развитие отношений между прокурором и следователем вылилось

---

[1] *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в «великое противостояние»[1], при этом определение судебной перспективы по уголовному делу осталось в компетенции прокурора, так как закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех без исключения стадиях уголовного процесса. Следователь ограничивается обязанностью качественно расследовать уголовное дело. Кроме того, и права руководителя следственного органа, осуществляющего ведомственный процессуальный контроль за работой подчиненного следователя, практически не ограничены. Таким образом, положение о процессуальной самостоятельности следователя является номинальным, воспринимается на практике с некоторой долей иронии.

Проведенное анкетирование показало, что следователи практически не используют предусмотренные п. 5 ч. 2, ч. 3 ст. 38 и ч. 3 ст. 39 УПК РФ полномочия по обжалованию указаний руководителя следственного органа и принесению возражений на требования прокурора в случаях, когда их собственное мнение расходится с позицией компетентных лиц, осуществляющих контрольно-надзорные функции. Причем в ряде случаев имеющиеся в законе полномочия не используются, поскольку, по мнению следователей, их реализация не приветствуется или не может иметь положительного результата (47,5%; 37,5%, соответственно)[2]. С таким мнением согласились 17,3% работников прокуратуры[3]. Отдельные правоприменители, в принципе, не знают о процессуальных инструментах по обжалованию, принесению возражений (2,5%)[4].

Таким образом, в результате сравнительно-правового анализа процессуальной формы предварительного следствия и дознания, а также статусов следователя и дознавателя можно прийти к выводу об их сходствах. Отдельные авторы отмечают, что возложение подобных процессуальных полномочий на разных властных субъектов в досудебном производстве препятствует установле-

---

[1] *Колоколов Н.А.* «Великое противостояние»: следователь vs прокурор // Библиотека криминалиста. 2014. № 5. С. 9–29.

[2] Приложение 2.

[3] Приложение 3.

[4] Приложение 2.

нию единообразия в их реализации[1]. Высказывается точка зрения о том, что оптимизация уголовного процесса должна включать организационно-правовые мероприятия в виде реорганизации всех органов предварительного расследования в органы дознания, которые будут осуществлять свою деятельность при надзоре и руководстве прокурора[2]. Л.В. Головко справедливо указывает на то, что разграничение между предварительным следствием и дознанием, которыми чаще всего занимаются одни и те же полицейские органы и которые едины по целям и процессуальным средствам, является искусственным[3].

Обратим внимание, что закон предусматривает возможность расследования следователем Следственного комитета РФ уголовных дел в форме дознания (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). При этом в п. 1.19 Приказа Генерального прокурора РФ[4] указано, что полномочия прокурора определяются процессуальным положением следователя, а не формой предварительного расследования, за исключением процессуальных правомочий прокурора при рассмотрении обвинительного акта. По сути, прокурорам запрещается согласовывать документы следователя. В таких аспектах, как продолжительность срока расследования, составление итогового процессуального документа, следователь должен руководствоваться правилами, установленными для дознания, однако процессуальный контроль за его деятельностью производится руководителем следственного органа. Это вызывает закономерные вопросы: почему при обращении к прокурору следователь действует по нормам, предусмотренным для предварительного следствия, а в остальных случаях руководствуется правилами, установленными для дознания; каким образом руководителю следственного органа продлевать срок

---

[1] *Малышева О.А.* О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 80–92.

[2] *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 409.

[3] *Головко Л.В.* Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в Российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: избр. мат-лы междунар. науч. конф. М., 2012. С. 27.

[4] *Об организации* прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дознания; наделен ли прокурор правом дачи указаний следователю, производящему дознание?[1]

Итак, сбалансированное соотношение между следствием и дознанием законодателю установить не удалось. Данные уголовно-процессуальные компетенции не имеют сущностных различий, которые бы отражали процесс формирования доказательств, предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Формы предварительного расследования конкурируют между собой, что негативно влияет на реализацию уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, в связи с чем полагаем, что деление предварительного расследования на дознание и предварительное следствие нецелесообразно[2]. Считаем, что форма досудебной подготовки уголовного дела должна быть одной – предварительное расследование. Унифицированная компетенция по предварительному расследованию может осуществляться любыми субъектами, ведущими досудебное производство, по правилам предварительного следствия, с закреплением единых правил, отражающих их процессуальную самостоятельность. Процессуальное руководство должно осуществляется в отношении следователя руководителем следственного органа, в отношении дознавателя – начальником органа дознания.

При этом существует необходимость унификации надзорных полномочий прокурора в досудебном производстве и в их дальнейшем расширении. Так, высказываются разумные предложения обязать следователя согласовывать постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения не только с руководителем следственного органа, но и с прокурором, что

---

[1] *Стельмах В.Ю.* Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности. С. 77–90.

[2] *Мерлаков Д.С.* Предпосылки оптимизации компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1. С. 42.

обеспечит единство позиции стороны обвинения в судебном заседании[1]. Кроме того, следует учитывать, что прокуратура была учреждена и всегда действовала, прежде всего, как государственный орган надзора за законностью, поэтому требуется расширение надзорных полномочий прокурора[2]. Считаем, что имеется целесообразность возвращения данному субъекту права в случае выявления необоснованности и незаконности решения об отказе в возбуждении дела самостоятельно возбуждать уголовное дело, право поручать расследование любым уполномоченным органам и т.п.[3]

Полагаем, что именно прокурору должна отдаваться главная роль в определении пределов компетенции субъектов досудебного производства, уполномоченных осуществлять предварительное расследование. При современном построении следственных аппаратов и разделении функций между участниками уголовного судопроизводства только прокурор объективно обладает возможностями для надлежащего разрешения споров о подследственности[4].

С.Б. Россинский, рассматривая институт подследственности уголовных дел с методологических позиций, определяя его цели, задачи в системе общих условий предварительного расследования, приходит к выводу, что подследственность не имеет высокого правового значения, требующего законодательного регулирования, а необходима исключительно для решения организационных вопросов, связанных с обеспечением эффективности предварительного расследования. В связи с этим он вносит предложения по исключению института подследственности из УПК РФ с передачей его правового регулирования на

---

[1] *Ендольцева А.А.* Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 13.

[2] *Махов В.* Роль прокурора и органов дознания в уголовном преследовании // Законность. 2008. № 7. С. 30; *Шадрин В.С.* Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистъ. 2015. № 1. С. 25; и др.

[3] *Александров А.И.* Нельзя говорить о кодексах без концепции // Закон. 2015. № 8. С. 19; *Буланова Н.В.* Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография. М., 2015. С. 98–99; *Таболина К.А.* Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13, 28–29; и др.

[4] *Захаров Н.В.* Теория и практика определения подследственности уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 17.

подзаконный уровень[1]. Похожее мнение высказывает К.В. Муравьев, он предлагает изменить правила подследственности с распределением компетенции по признакам родового объекта преступления приказом Генерального прокурора РФ[2]. А.Г. Тетерюк обращает внимание на то, что определения предметного признака подследственности только в УПК РФ бывает недостаточно, поскольку закон не разграничивает, в частности, подведомственность между территориальными органами внутренних дел и на транспорте, поэтому требуется учитывать правила подведомственности, закрепленные в подзаконных нормативных правовых актах[3].

В целом мы согласны с необходимостью упрощения подхода к закреплению правил подследственности. В отличие от функции правосудия, компетенции, связанные с досудебной подготовкой уголовного дела к рассмотрению в суде, не имеют конституционно-правового закрепления. Следует признать, что необходимо именно законодательное регулирование пределов компетенции судебных органов (юрисдикции), оно является важным для обеспечения права каждого на законный суд, поскольку предполагает рассмотрение дел в том суде и тем судьей, к подсудности которых эти дела отнесены законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ). Однако в отличие от пределов юрисдикции, которая определяется через категорию «подсудность», пределы в*е*дения (компетенции) в досудебном производстве, именуемые подследственностью, на уровне Конституции РФ не закрепляются. И хотя уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с неправильным определением подследственности, занимают значительное место в правоприменительной практике[4], исправление ошибок пределов компетен-

---

[1] *Россинский С.Б.* Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 92–99.

[2] *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. С. 196.

[3] *Тетерюк А.Г.* Разграничение подследственности между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел, территориальная несогласованность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 108.

[4] *Ковалевская Н.В.* Соблюдение правил подследственности уголовных дел // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3. С. 24–28.

ции в досудебном производстве может быть достигнуто посредством точного определения компетентного органа, ведущего судебное разбирательство.

Кроме того, отметим, что в основном законе страны в принципе не определен конституционно-правовой статус лиц, ведущих досудебное производство, и даже нет какого-либо упоминания о функции предварительного расследования. Вместе с тем в ст. 129 Конституции РФ закрепляется статус Прокуратуры РФ, отмечается, что к ее полномочиям относится надзор и уголовное преследование в соответствии с полномочиями, определяемыми федеральным законом. Таким образом, закрепление в УПК РФ правила о том, что к полномочиям прокурора относится определение компетенции органов, ведущих досудебное производство, является вполне целесообразным.

В УПК РФ уже имеются отдельные положения, закрепляющие дискреционную[1] подследственность, которая определяется по усмотрению прокурора. Так, в соответствии с п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи в системе одного органа), изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования и передавать его следователю Следственного комитета РФ с обязательным указанием такой передачи[2]. Подследственность определяется прокурором и при соединении в одном производстве дел, подследственных разным органам расследования (ч. 7 ст. 151 УПК РФ). Полагаем, что дискреционные полномочия прокурора по определению подследственности должны быть расширены. Поскольку, в отличие от подсудности, подследственность не рассматривается в качестве одного из фундамен-

---

[1] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 654; *Дикарев И.С.* Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 121–123.

[2] Такое полномочие прокурор должен использовать только при наличии данных, указывающих на особую сложность исследования проверяемых фактов, расследования преступлений, их высокую общественную значимость, а также на неоднократные существенные нарушения требований уголовно-процессуального законодательства. (*Об усилении* прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: указание Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

тальных прав обвиняемого, это даст возможность более гибко подходить к определению компетенции органов предварительного расследования и учитывать в некоторых случаях сугубо технические или внеинституциональные факторы (загруженность правоприменителей, резонансность дела, техническую сложность расследования, кадровый состав и т.п.)[1].

При выделении унифицированной компетенции по предварительному расследованию, закреплению единых правил, отражающих процессуальную самостоятельность субъектов, ведущих досудебное производство, а также расширении дискреционной подследственности второстепенным становится вопрос о создании «единого следственного органа»[2]. Стоит согласиться с К.В. Муравьевым, что, по большому счету, не важно, какое наименование будут носить должностные лица, осуществляющие предварительное расследование. Они могут называться дознавателями, следователями, инспекторами по расследованию и т.д.[3] Главное, что к их функциям должно быть отнесено всестороннее и полное исследование обстоятельств происшедшего, собирание, проверка и оценка доказательств, применение нормы уголовного закона, отвечающей полученным в ходе расследования данным.

Гипотетические оппоненты наших предложений могут возразить по двум аспектам. Во-первых, для чего необходим различный статус должностных лиц (следователь – дознаватель), если данные субъекты будут осуществлять единую компетенцию по предварительному расследованию? Во-вторых, дознание рас-

---

[1] *Дикарев И.С.* Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации. С. 123.

[2] Дискуссия о создании единого следственного органа ведется на протяжении уже длительного времени. Этот вопрос периодически возникал с конца 1950-х гг., но и в настоящее время продолжает рассматриваться исследователями (*Чабукиани О.А.* Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2022. С. 27, 359). Вместе с тем мы согласны с Л.В. Головко, что данная идея является «очередным проявлением «турбулентности» отечественного предварительного следствия, не добавляющим ему институциональной стабильности» (*Головко Л.В.* Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–15).

[3] *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. С. 185.

сматривалось в качестве упрощенной процедуры расследования, поэтому требуется ли во всех случаях единая форма досудебного производства?

По первому вопросу отметим следующее. Подготовка материалов уголовного дела до суда и для суда может осуществляться по «неочевидным преступлениям» и предполагать розыск лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, свидетелей, соответствующего комплекса доказательств. Это является компетенцией «полицейских» структур (уголовного розыска и др.)[1]. По справедливому суждению Т.Ю. Сабельфельд, основная идея дознания заключается в сокращении процессуальных издержек, повышении оперативности и упрощении процедуры расследования[2]. Необходимость дифференцировать формы предварительного расследования в зависимости от характера и тяжести преступления всегда была связана с тем, чтобы следственные силы расходовались более рационально. Не является следственной задачей выявление преступлений. В связи с этим при выявлении признаков преступления, возбуждении уголовных дел в законе должна быть заложена возможность на первоначальном этапе осуществлять деятельность органам дознания – наиболее приближенным органам[3]. Именно в качестве «неотложных следственных действий» рассматривалось дознание на первоначальных этапах своего развития. Оно включало, в первую очередь, деятельность по «раскрытию», в том числе с использованием непроцессуального (оперативно-розыскного) инструментария.

«Раскрытие преступления» и «расследование преступления» взаимосвязаны, но все же являются самостоятельными элементами досудебного производства. Так, в ч. 2 ст. 317.1, ч. 1 ст. 317.5, ч. 2 ст. 317.6, п. 1 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ сказано о содействии подозреваемого или обвиняемого следствию в раскрытии преступления. Это дает основание утверждать, что следователь, как и дознаватель, относятся к субъектам раскрытия преступления. Таким образом,

---

[1] *Следственная* деятельность. Книга I. Anchetator: монография / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2021. С. 113.

[2] *Сабельфельд Т.Ю.* Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания // Российский следователь. 2021. № 2. С. 36.

[3] Подробнее – в следующем параграфе диссертации.

УПК РФ хотя нормативно и не закрепил задачу быстрого и полного раскрытия преступления, как это было сделано ранее в ст. 2 УПК РСФСР, но не отказался полностью от понятия «раскрытие преступления», что указывает на уголовно-процессуальный характер этого термина[1]. Кроме того, принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ), введённый в 2010 г.[2], можно рассматривать как нормативное требование быстрого и полного раскрытия преступления.

Что касается возможности упрощения процедуры предварительного расследования, то считаем, что по определенной категории уголовных дел, не представляющей сложность для подготовки дела к его рассмотрению по существу судом, можно сократить производство. Однако такое упрощение должно быть именно существенным, затрагивать вопросы доказывания и предварительной юридической оценки содеянного. Оно не может ограничиваться лишь внешними проявлениями (меньшими сроками, изменением названия итогового решения и т.п.), как это имеет место в настоящий момент.

Отметим, что в марте 2013 года в российском уголовном процессе появилась модель ускоренного производства, относительно новая форма предварительного расследования – дознание в сокращенной форме (гл. 32^1 УПК РФ)[3]. Его процедура существенно отличается от общего порядка дознания, а субъекты, осуществляющие это производство, имеют специальные полномочия. Так, ключевой для нас является особенность (упрощение) доказывания при производстве такого дознания (ст. 226^5 УПК РФ). Поэтому считаем возможным

---

[1] *Николюк В.В.* Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория // Теория и практика расследования преступлений: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 330–336.

[2] *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *О внесении* изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

утверждать о наличии самостоятельной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство.

Вместе с тем полагаем, что особая компетенция может принадлежать и следователям, она должна распространяться на любое уголовное расследование о преступлениях, совершенных в условиях очевидности, по которым не предусмотрено наказание в виде длительного срока лишения свободы. Например, такая форма может быть использована по всем уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы (в основном, это те производства, которые подлежат рассмотрению у мирового судьи)[1]. Поэтому не имеет значения, кто является субъектом досудебной подготовки дела – следователь или дознаватель.

В законе должно быть закреплено условие, которое отражает, что государство в лице его уполномоченных субъектов допускает подготовку уголовного дела в суд в рамках уголовно-процессуальных поощрительных правоотношений, инициированных участниками процесса[2]. При этом совсем не обязательно, чтобы такие отношения возникали сразу в момент начала расследования, как это предусматривается в действующем законе (п. 1 ч. 2 ст. 226[1] УПК РФ допускает заявлять ходатайство подозреваемым и проводить дознание в сокращенной форме только при возбуждении дела в отношении лица). Данные, дающие основание с высокой степенью вероятности подозревать лицо в совершении преступления, могут быть получены уже после возбуждения дела. Поэтому следует поддержать позицию авторов о том, что при отсутствии конфликта (подозреваемый согласен с правовой оценкой деяния, выраженной, например, в уведомлении о подозрении в совершении преступления) было бы

---

[1] В дальнейшей перспективе применение особого порядка проведения предварительного расследования можно будет допустить и в отношении всех других преступлений небольшой и средней тяжести.

[2] *Русман Г.С.* Поощрительные формы уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 27.

также целесообразным предусмотреть возможность применения упрощенного порядка предварительного расследования[1].

Относительно уведомления о подозрении в совершении преступления, высказывая предложение о ликвидации дознания и введении унифицированной компетенции по предварительному расследованию, осуществляемой по правилам предварительного следствия, мы не исключаем, что отдельные прогрессивные правила дознания должны «влиться» в новую компетенцию. Это касается процедуры наделения уголовно преследуемого лица статусом подозреваемого посредством уведомления о подозрении. Появление в 2007 г. данного полномочия (ст. 223[1] УПК РФ)[2] было призвано обеспечить возможность заподозренным лицам своевременно получать права, позволяющие в ходе дознания полноценно защищаться от деятельности участников судопроизводства со стороны обвинения[3]. Вместе с тем процессуалисты отмечают, что и в ходе производства предварительного следствия возникают ситуации, когда в уголовном деле, возбужденном по факту совершения преступления, появляется информация о причастности конкретного лица к его совершению, но оснований для задержания или применения меры пресечения к заподозренному не имеется. Они рассчитывают, что проблема может быть решена распространением положений об уведомлении о подозрении лица на все формы предварительного расследования[4].

Таким образом, уведомление о подозрение в совершении преступления должно занять место в компетенции по предварительному расследованию. Для расширения же случаев использования сокращенной формы считаем необходимым закрепить обязанность должностных лиц, ведущих досудебное производ-

---

[1] *Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д.* Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 83.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Муравьев К.В.* Уведомление о подозрении в совершении преступления // Уголовный процесс. 2007. № 11. С. 16.

[4] *Кальницкий В.В.* Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1. С. 62; *Федорова И.А., Ретюнских И.А.* О необходимости совершенствования оснований признания лица подозреваемым // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 41; и др.

ство, при первом допросе подозреваемого выяснять его согласие с правовой оценкой деяния, с характером и размером причиненного ущерба, указанными в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении лица или в уведомлении о подозрении в совершении преступления, а также разъяснять ему право ходатайствовать об особом порядке проведения предварительного расследования (осуществляемом в сокращенном порядке) после консультаций с защитником и не позднее 2 суток с момента разъяснения данного права. Как и в случае заявления ходатайства об особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), ходатайство о проведении предварительного расследования в сокращенной форме должно заявляться подозреваемым добровольно и после проведения консультаций с защитником; подозреваемый должен осознавать характер ходатайства и его последствия. Причем в ходатайстве подозреваемого одновременно должна содержаться и просьба о применении особого порядка судебного разбирательства, поскольку фактически момент заявления ходатайства об особом порядке уголовного судопроизводства, поощряемом применением уменьшенной уголовно-правовой санкции, переносится с момента окончания расследования на более ранний этап.

Важным, на наш взгляд, должно являться более четкое отграничение сущностной особенности предварительного расследования в сокращенной форме, связанной с упрощением доказывания. В настоящий момент законодательные формулировки (ч. 1 и ч. 2 ст. 226^5 УПК РФ) о том, что доказательства при «сокращенном дознании» собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного вреда, и о необходимости производить только те следственные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств, являются не до конца определенными. В системе с широкими возможностями возвращения дела для обычного дознания (ч. 4 ст. 226^9 УПК РФ) они дают основание практическим сотрудникам расширять пределы доказывания.

Так, при изучении уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УПК РФ, и расследуемых в форме «особого» дознания, выявлено следующее. Сокращение доказывания состоит лишь в том, что не производится допрос одного из понятых, присутствующих при проведении досмотра, в рамках которого изымалось наркотическое средство. Другие следственные и иные процессуальные действия по делу производились в объеме, предусмотренном для обычного порядка дознания[1].

Отметим, что в период разработки законопроекта «о сокращенном дознании» профессор Б.Я. Гаврилов высказывал мысль о необходимости введения в УПК запрета на осуществление каких-либо следственных действий при расследовании в данной форме[2]. Законодатель на такой шаг не решился. Конечно, данное предложение является достаточно кардинальным. Следует учитывать, что такие участники производства, как потерпевший и подозреваемый, имеют право давать показания по уголовному делу (п. 2 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Кроме того, именно на первом допросе подозреваемого подлежит выяснению его согласие с правовой оценкой деяния, с характером и размером причиненного ущерба. Признание лица потерпевшим также предполагает его допрос, где у данного участника следует выяснить согласие на проведение предварительного расследования и судебного разбирательства в особом порядке. Поэтому в рамках компетенции по проведению предварительного расследования в особом порядке следует закрепить обязанность допроса подозреваемого и потерпевшего (при его участии в уголовном деле). Необходимо предусмотреть также возможность назначения и производства судебной экспертизы для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью (при наличии к тому оснований), поскольку данный случай предусмотрен законом в качестве

---

[1] *Производство* ОД ОП № 1 УМВД России по г. Омску. 2022. Уголовное дело № 12201520050000615; *Производство* ОД ОП № 3 УМВД России по г. Омску. 2023. Уголовное дело № 12301520052000103; *Производство* ОД ОП № 4 УМВД России по г. Омску. 2023. Уголовное дело № 12301520053000207.

[2] *Гаврилов Б.Я.* О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. 2011. № 16. С. 10–13.

обязательного (п. 2 ст. 196 УК РФ). Проведение других следственных действий может быть законодательно ограничено.

При таком подходе к собиранию доказательств логичным станет закрепление права компетентных лиц, ведущих досудебное производство, о направлении уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением, составленным по правилам, предусмотренным в действующем УПК РФ для обвинительного акта, но без указания перечня и содержания доказательств, подтверждающих обвинение или доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

Стоит сказать и еще об одном аспекте изменения позиции подсудимых по вопросу применения особого порядка судебного разбирательства. Отказ в судебном заседании от предъявленного обвинения и признания своей вины влекут за собой возвращение уголовного дела для производства дознания в общем порядке, что негативно влияет на статистическую отчетность и расценивается как брак в работе дознавателей, в связи с чем популярность производства дознания в сокращенной форме сведена к минимуму, и с каждым годом количество уголовных дел, расследуемых в таком порядке, сокращается, на это, в свою очередь, влияет негласный запрет надзирающих прокуроров на реализацию такой формы расследования. Анализ статистических сведений указывает на то, что увеличение количества уголовных дел, направленных судами прокурору для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке, влечет за собой последующее сокращение уголовных дел, расследуемых в сокращенной форме[1].

О.В. Качалова приводит основные причины возвращения прокурору уголовных дел, поступивших в суд с обвинительным постановлением, и приходит к выводу о том, что «возникновение любых спорных ситуаций, любые недочеты в ходе сокращенного дознания, а также изменение позиции участников уголовного судопроизводства относительно данной формы расследования влекут

[1] *Справка* по результатам работы ООД УМВД Росси по Омской области за 2022 год. Документ не опубликован.

за собой переход к дознанию в общем порядке»[1]. Это влияет на увеличение сроков производства расследования, изменение предмета доказывания в сторону его расширения, возникновение у дознавателя обязанности полноценного доказывания, включающего проверку доказательств. По этим причинам дознание в сокращенной форме не получило широкого распространения в практической деятельности, а задачи введения упрощенной формы уголовного судопроизводства оказались нереализованными[2].

Полагаем, что для решения указанной проблемы необходимо исключить из ч. 4 ст. 269 УПК РФ слова о том, что при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, в обязательном порядке следует возвращение уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Считаем, что возвращение в досудебное производство не должно происходить лишь по неподкрепленным достаточными доказательствами заявлениям участников процесса, имеющих собственный интерес в деле. Такую возможность допускаем исключительно по инициативе суда в случае установления им обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого.

Таким образом, предложенные нами особенности особого порядка предварительного расследования позволяют утверждать о самостоятельной компетенции соответствующих должностных лиц, существенно отличающейся от обычной формы предварительного расследования. Ее применение позволит оптимизировать досудебное производство при наличии к тому оснований и условий.

В заключении параграфа сделаем следующие выводы:

---

[1] *Качалова О.В.* Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М., 2016. С. 130–131.

[2] Там же. С. 132.

1. Закрепленные в действующем УПК уголовно-процессуальные компетенции по производству предварительного следствия и дознания не имеют сущностных различий, которые бы отражали процесс формирования доказательств, предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Исторически возникшие особенности указанных досудебных форм подготовки уголовного дела к судебному производству связаны с организационными причинами. Закрепленная в законе степень процессуальной самостоятельности субъектов, ведущих досудебное производство, в правоприменительной деятельности фактически не имеет отличий.

2. Считаем необходимым осуществить реформирование компетенций, отражающих процесс предварительного расследования уголовного дела, по следующим направлениям:

– выделение унифицированной компетенции по предварительному расследованию, осуществляемой любыми субъектами, ведущими досудебное производство, по правилам предварительного следствия и с возможностью вынесения уведомления о подозрении в совершении преступления;

– закрепление единых правил, отражающих процессуальную самостоятельность субъектов, ведущих досудебное производство;

– расширение надзорных полномочий прокурора, в том числе дискреционной подследственности, определяемой по его усмотрению;

– преобразование компетенции по производству дознания в сокращенной форме в компетенцию по предварительному расследованию в сокращенной форме, осуществляемому по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы.

3. Компетенцию по производству дознания в сокращенной форме целесообразно преобразовать в компетенцию по проведению предварительного расследования в сокращенной форме, осуществляемого по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы.

Обновленная компетенция предполагает закрепление следующих полномочий субъектов, ведущих досудебное производство:

– обязанность допроса подозреваемого и потерпевшего (при его участии в уголовном деле), назначения и производства судебной экспертизы для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью (при наличии к тому оснований);

– обязанность при первом допросе подозреваемого выяснения его согласия с правовой оценкой деяния, с характером и размером причиненного ущерба, указанными в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении лица или в уведомлении о подозрении в совершении преступления, а также разъяснения права подозреваемого ходатайствовать о проведении предварительного расследования в сокращенной форме и особом порядке судебного разбирательства после проведения консультаций с защитником и не позднее 2 суток с момента разъяснения данного права;

– обязанность выяснения согласия потерпевшего (при его наличии) на проведение предварительного расследования и судебного разбирательства в особом порядке;

– право направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением, составленным по правилам, предусмотренным в действующем УПК РФ для обвинительного акта, но без указания перечня и содержания доказательств, подтверждающих обвинение или доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

Возвращение уголовного дела прокурору для организации производства предварительного расследования в общем порядке должно быть ограничено только инициативой суда в случае установления им обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого.

§ 3. Возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий: повышение эффективности законодательства и правоприменения

На протяжении длительного времени в уголовном процессе оставалось под запретом проведение следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела (за исключением осмотра места происшествия). Это, в свою очередь, придавало особую значимость самостоятельной компетенции органа дознания – возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий.

В УПК РФ перечень процессуальных действий, в том числе и следственных, производство которых допустимо на первоначальной стадии уголовного процесса, существенно расширен (в настоящее время разрешается проводить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, получать образцы для сравнительного исследования, назначать и проводить судебную экспертизу). Обоснованно возникает вопрос о целесообразности существования института неотложных следственных действий в контексте, предусмотренном УПК РФ.

Производство органом дознания процессуальной деятельности в порядке ст. 157 УПК РФ предполагает разрешение задач, по сути схожих с задачами стадии возбуждения уголовного дела, среди которых принятие мер по сохранению следов, а также пресечению и предотвращению преступления[1]. Указанное в п. 19 ст. 5 УПК РФ понятие «неотложные следственные действия» определяет, что это «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Обратим внимание на то, что в приведенной дефиниции нет упоминания

---

[1] *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 8–10, 29–30.

о деятельности следователя или дознавателя. Законодателем определен единственный субъект, компетентный проводить указанные действия – им является орган дознания.

Вместе с тем ч. 5 ст. 152 УПК РФ предусматривает, что следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности. Закономерно возникает вопрос о том, где грань между неотложными следственными действиями, проводимыми органом дознания (в порядке ст. 157 УПК РФ) и осуществляемыми следователем, дознавателем (в соответствии со ст. 152 УПК РФ)?

Проведенное нами анкетирование субъектов, ведущих досудебное производство, показало, что не все правоприменители представляют сущность и правовую природу института неотложных следственных действий. При этом 95,5% опрошенных сотрудников указали на то, что реализация института неотложных следственных действий не осуществляется[1].

Статистические сведения результатов работы подразделений ОВД за 2019-2022 гг. на территории Астраханской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Орловской, Томской областей свидетельствуют о том, что неотложные следственные действия в порядке ст. 157 УПК РФ органом дознания фактически не проводились. Полагаем, что такая практика стала возможной в результате традиционно сложившегося неправильного субъективного толкования уголовно-процессуального закона должностными лицами правоохранительных органов.

Безусловно, имеющаяся формулировка «неотложных следственных действий» в УПК РФ не позволяет устранить разночтений в доктринальном понимании, а также в применении этой правовой категории на практике.

Так, В.Ю. Стельмах исходит из нормативно определенного в ст. 5 УПК РФ понятия неотложных следственных действий и указывает, что это процессуаль-

---

[1] Приложение № 1.

ная деятельность органа дознания, заключающаяся в том, что при выявлении признаков преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, и при невозможности незамедлительного возбуждения дела тем следственным органом, который правомочен производить по нему расследование, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит следственные действия, направленные на фиксацию следов преступления, после чего передает уголовное дело следователю[1]. Вместе с тем Р.А. Шахнавазов констатирует, что определение, содержащееся в п. 19 ст. 5 УПК РФ, которое, по замыслу законодателя, должно носить универсальный характер, не содержит такого существенного аспекта деятельности органов расследования в сфере производства неотложных следственных действий, как производство их следователем, а также дознавателем[2]. Т.Г. Николаева вовсе определяет неотложные следственные и иные процессуальные действия как действия дознавателя (следователя) по возбуждённому уголовному делу, ему не подследственному, проводимые с целью обнаружения и фиксации следов преступления, иных доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, а также для установления и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления[3].

Представляется, что оптимальными критериями для разграничения неотложных следственных действий, проводимых органом дознания, с одной стороны, и следователем, дознавателем – с другой, являются период, основание и цель их проведения, а также собственно субъекты, уполномоченные на их производство.

В связи с этим необходимо обратить внимание на наличие в УПК РФ четырех относительно самостоятельных категорий:

1) следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлага-

---

[1] *Стельмах В.Ю.* Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства // Академический юридический журнал. 2012. № 1. С. 15.

[2] *Шахнавазов Р.А.* Производство неотложных следственных действий как уголовно-процессуальный институт: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 11.

[3] *Николаева Т.Г.* Правовое регулирование деятельности органов дознания (теоретические основы и правоприменительная практика): монография. СПб., 2006. С. 213.

тельства, до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ);

2) следственные действия, производимые в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ);

3) возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий органом дознания (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ);

4) неотложные следственные действия, производимые следователем, дознавателем, установившим, что уголовное дело ему не подследственно (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

Смешение этих категорий приводит к трудностям в определении компетенции органов дознания и предварительного следствия и отрицательно сказывается на законности и эффективности правоприменительной деятельности. Подмена одного понятия другим может привести не только к ошибкам, но и к возможному ограничению правовых гарантий лиц, участвующих в уголовном производстве. Напротив, правильное и уместное использование терминов способствует единообразному применению уголовно-процессуального закона.

Ситуация осложняется тем, что дефиниция «следственное действие» в УПК РФ не приводится. Законодатель в содержании п. 32 ст. 5 УПК РФ предлагает определение процессуального действия как следственного, судебного и иного действия, предусмотренного УПК РФ. В этом отношении в уголовно-процессуальной теории сложилось относительное единство – ученые придерживаются в целом позиции, что следственное действие представляет собой способ собирания (формирования) доказательств[1].

Указанный вид процессуальной деятельности реализуется при производстве по уголовному делу. Вместе с тем в порядке исключения следственные

---

[1] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 5–8; *Уголовный* процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 387; *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 375; *Стельмах В.Ю.* Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 92; *Кальницкий В.В., Ларин Е.Г.* Следственные действия: уч. пос. Омск, 2015. С. 13; *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 578.

действия могут осуществляться уже при проведении проверки сообщения о преступлении. И хотя применительно к данным случаям в законе эпитет «неотложные» не употребляется, в научной литературе следственные действия, проводимые на этапе проверки сообщения о преступлении, нередко называются «неотложными». Так, по мнению В.И. Куклина, таковыми являются обязательные, незаменимые, не терпящие отлагательства следственные действия, промедление с производством которых может затруднить либо вообще исключить возможность предотвращения или пресечения преступления, а равно обнаружения и закрепления следов преступления[1]. По сути, речь идет об их проведении в максимально короткий промежуток времени с момента наличия повода к возбуждению уголовного дела в целях недопущения возможной утраты доказательств. К.В. Муравьев и П.В. Седельников обращают внимание на необходимость ограничить использование следственных действий на данном этапе, в частности, назначения и производства экспертизы, исключительно целями уяснения наличия основания для возбуждения уголовного дела[2]. Таким образом, неотложность следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ), предполагает, что без их производства в не терпящих отлагательства случаях само решение о начале расследования не сможет состояться в принципе либо будет затруднено. Субъектом, компетентным провести данные действия, являются любые государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять предварительную проверку, на что указывалось в первом параграфе главы 2 исследования.

Словосочетание «не терпящие отлагательства» используется в законе также применительно к ряду следственных действий, которые, по общему правилу, производятся по судебному решению, но в порядке исключения могут осуществляться по постановлению следователя, дознавателя без «судебного

---

[1] *Куклин В.И.* Неотложные следственные действия. Казань, 1967. С. 17.

[2] *Муравьев К.В., Седельников П.В.* Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1. С. 102–109.

санкционирования» с последующим уведомлением об этом судьи и прокурора (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Неотложность их производства продиктована самим характером вышеперечисленных действий, когда промедление, связанное с прибытием в суд для получения судебного разрешения, может лишить смысла их проведение. Правило «превращения в экстремальных ситуациях судебного контроля из предварительного в последующий» распространяется на осмотр в жилище, обыск и выемку в жилище, личный обыск, выемку заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи. Кроме того, законодатель включил в данный перечень наложение ареста на имущество (в части имущества, подлежащего конфискации), которое законодателем (ст. 115 УПК РФ) и большинством исследователей[1] относится к иным мерам процессуального принуждения. Проводить следственные действия и наложение ареста на имущество в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, могут любые субъекты досудебного производства, компетентные осуществлять предварительное расследование.

Таким образом, производство следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 1 ст. 144 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ), по отношению к деятельности, указанной в ст. 157 УПК РФ, имеет иное значение.

Что касается неотложных следственных действий как самостоятельного вида уголовно-процессуальной деятельности органа дознания (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ), то для уяснения их сущности, назначения, а также порядка реализации считаем необходимым исследовать становление неотложных следственных действий как института в уголовном процессе, его эволюцию в результате проведенных реформ законодательства.

Последовательное развитие института неотложных следственных действий, проводимых от имени органа дознания, прослеживается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.[2] Данным актом предписывалось полиции в течение суток сообщать судебному следователю, прокурору либо его товарищу

---

[1] *Булатов Б.Б., Дежнев А.С.* Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2. С. 18–24.

[2] *Судебная* реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. Т. 8. М., 1991. С. 145–118.

об обнаружении преступления, приняв лишь меры для охраны следов преступления. Разведывая и собирая нужные сведения, она должна была удостовериться в своих подозрениях. Полиции запрещалось допрашивать и заключать кого-либо под стражу, проводить обыски в жилище (ст. 252–254 УУС), но предполагалось проведение словесных расспросов, негласного наблюдения, розыска.

Законодатель того времени отчетливо понимал, что в связи с возможным сокрытием следов преступления и лица, его совершившего, полицию нельзя отстранить от принятия первоначальных мер по исследованию обстоятельств преступления, в связи с чем в качестве исключения из общего правила полиции допускалось заменять судебного следователя на месте происшествия (ст. ст. 257–258 УУС). На орган дознания возлагалась обязанность при отсутствии компетентного субъекта принимать «меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь подозреваемому способы уклонения от следствия» (ст. 256 УУС). В «чрезвычайных случаях» до прибытия на место происшествия судебного следователя полиция становилась компетентной заменять его во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства. К таким действиям относились осмотр, освидетельствование, обыски, выемки, а также задержание подозреваемого, при вероятностном предположении о виновности лица (ст. ст. 257–258 УУС). При этом допросы обвиняемых и свидетелей орган дознания был вправе производить только в случае тяжелой болезни и возможной их смерти до прибытия следователя (ст. 258 УУС).

Законодатель подчеркивал, что в указанных случаях полиция должна соблюдать во всей точности правила, постановленные для производства предварительного следствия (ст. 259 УУС). Стоит учесть то, что если полиция действовала вместо судебного следователя, который в тот момент не мог немедленно приступить к производству следствия, то, согласно ст. 258 УУС, акты полиции допускались в качестве доказательств и подлежали свободной оценке судом на общих основаниях. В иных случаях акты, составленные полицией, не могли иметь доказательственного значения.

По прибытию следователя полиция передавала ему набранные материалы

и прекращала свою деятельность по расследованию до получения особых поручений (ст. ст. 259–260 УУС). Специальное решение о возбуждении уголовного дела не принималось, так как стадия возбуждения уголовного дела в законодательстве того времени не выделялась. Указанная деятельность полиции к дознанию не относилась, поскольку являлась уголовно-процессуальной и порождала доказательства[1].

Таким образом, сущность рассматриваемой компетенции заключалась в предоставлении полиции – органу дознания – права производства неотложных следственных действий по совершенному преступлению в случае отсутствия судебного следователя на месте происшествия и невозможности прибыть туда в кратчайшие сроки, а промедление с фиксацией обстановки места происшествия и изъятию следов могло привести к их невосполнимой утрате.

Советское уголовно-процессуальное законодательство ограничивало производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, придавая институту неотложных следственных действий особый статус. Кроме того, был предусмотрен исчерпывающий перечень неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, который не подлежал расширенному толкованию. Так, в соответствии со ст. 119 УПК РСФСР 1960 г. он включал: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемого, допрос потерпевших и свидетелей. Исходя из положений ст. 29 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (в редакции Закона СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1[2]), разрешено было проводить также прослушивание телефонных и иных переговоров, назначение экспертизы. Иные следственные действия, такие как очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, даже когда задержка с их проведением могла привести к безвозвратной потере возможности получения

---

[1] *Уголовно-процессуальная* деятельность подразделений уголовного розыска: уч. пос. / под ред. А.М. Баранова. Омск, 2009. С. 64–65.

[2] *Об утверждении* Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/9006427

необходимых для расследования фактических данных, в качестве неотложных следственных действий не допускались. Указанные нормы содержались в Главе IX «Дознание», в связи с чем был предрешен вопрос относительно определения указанной процессуальной деятельности.

В науке предпринимались попытки аргументировать необходимость расширения перечня неотложных следственных действий. Так, еще в период дореформенного законодательства Б.Б. Булатов указывал на то, что «производство неотложных следственных действий в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями позволяет более эффективно раскрыть преступление». Он отмечал, что «милиции должно быть предоставлено право проведения любого следственного действия до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, о чем следует внести изменения в уголовно-процессуальный закон»[1]. Приведенное мнение поддерживал П.Г. Марфицин: «Представляется целесообразным ликвидировать в законе перечень неотложных следственных действий и тем самым предоставить право органу дознания использовать для установления и закрепления следов преступления весь арсенал средств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом»[2]. Учитывая период публикаций данных научных работ, нельзя не отметить их актуальность в то время, а также влияние на формирование института неотложных следственных действий в действующем УПК. Отказ законодателя от исчерпывающего перечня неотложных следственных действий следует признать правильным.

По замыслу законодателя, дальнейшее реформирование было направлено, прежде всего, на обеспечение такого порядка судопроизводства, который бы позволил защитить человека, общество, государство от преступных посягательств путем создания необходимых условий для своевременного раскрытия и

---

[1] *Булатов Б.Б.* Проблемы реализации уголовно-процессуальной функции милиции // Закон РСФСР «О милиции» и совершенствование оперативно-служебной деятельности милиции Республики: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 1992. С. 30–31.

[2] *Марфицин П.Г.* Некоторые правовые и организационные проблемы осуществления дознания милицией // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М., 1995. С. 24.

расследования преступлений. Любое отступление от требований уголовно-процессуального закона в ходе судопроизводства создает серьезную опасность нарушения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

УПК РФ представляет деятельность по производству неотложных следственных действий не в качестве дознания, а как самостоятельный вид процессуальной деятельности органов дознания[1]. В этом отношении представляется справедливым суждение В.В. Николюка и Ю.В. Деришева о том, что таким образом снята «методологическая проблема распознания двух видов дознания»[2]. Институт производства неотложных следственных действий представлен в УПК РФ в качестве иного видения его процессуальной природы, выступает одним из необязательных условий последующего предварительного следствия.

Есть и сторонники противоположной точки зрения. Так, С.И. Гирько процессуальную деятельность органа дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, относит к разновидности дознания[3]. П.В. Вдовцев полагает, что уголовно-процессуальный закон рассматривает неотложные следственные действия как одно из общих условий предварительного расследования[4]. С.П. Брыляков, напротив, считает, что, хотя данная норма и содержится в главе 21 «Общие условия предварительного расследования», производство неотложных следственных действий, предусмотренных ст. 157 УПК РФ, таковым условием не является. Неотложные следственные действия представляют собой уголовно-процессуальный институт, который предусматривает деятельность и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии предварительного расследования, в случае выявления органом дознания преступления,

---

[1] *Уголовно-процессуальная* деятельность органов дознания системы МВД России: уч. пособ. / рук. авт. кол-ва К.В. Муравьев. Омск, 2010. С. 81.

[2] *Николюк В.В., Деришев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. С. 102.

[3] *Гирько С.И.* Уголовно-процессуальные функции полиции в Российской Федерации: монография. М., 2013. С. 27.

[4] *Вдовцев П.В.* Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 4.

подследственного следователю[1]. Несмотря на то, что не все указанные подходы в полной мере соответствуют действующему уголовно-процессуальному законодательству, они подчеркивают особенность данного института.

В практической деятельности использовать данную процессуальную компетенцию в полной мере оказалось невозможно. Рассматриваемый институт, несмотря на его уникальный характер, в практической деятельности фактически не применяется, что во многом связано с проблемами правового регулирования, ведомственным запретом на его реализацию. Современное состояние правового института возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий до сих пор не получило однозначной оценки как ученых-процессуалистов, так и практических работников.

Стоит согласиться с мнением В.Н. Махова, что в ранее действовавшем УПК нормы о производстве неотложных следственных действий применялись эффективней; органы дознания возбуждали уголовные дела и передавали их следователям, как правило, после раскрытия преступления в ходе неотложных следственных действий[2]. Верно, с нашей точки зрения, отмечает И.В. Овсянников, что «оттягивание возбуждения уголовного дела и начала предварительного расследования, активного производства следственных действий, направленных на собирание доказательств, неминуемо увеличивает риск утраты важных доказательств, затрудняет последующее расследование и уменьшает шансы на раскрытие преступления, а также создает препятствия в тех случаях, когда необходимо незамедлительно пресечь дальнейшую преступную деятельность фигурантов, исключить возможность скрыться, воздействовать на очевидцев преступления, уничтожить доказательства либо иным путем помешать расследованию»[3].

---

[1] *Брыляков С.П.* О необходимости законодательного закрепления общих условий досудебного производства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов XXIII междунар. науч.-практ. конф. В 2-х т. Т. 1. Иркутск, 2018. С. 168–172.

[2] *Махов В.Н.* Проблемы совершенствования досудебного производства в уголовном процессе России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 2. С. 18–19.

[3] *Овсянников И.В.* Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4. С. 11.

Правильной представляется позиция К.В. Муравьева о том, что в настоящий момент под влиянием ведомственных нормативных актов сложилось правило, согласно которому уголовное дело должно возбуждаться органом, который уполномочен осуществлять предварительное расследование, это приводит к увеличению сроков рассмотрения сообщений о преступлениях, а в последующем – к существенному ограничению прав потерпевших на защиту от уголовно-правовых деяний[1]. Соглашаясь с автором, отметим, что компетенция органа дознания по производству неотложных следственных действий ограничена, в частности, указанием Генпрокуратуры РФ[2]. Надзирающие органы нацелены на необходимость принятия мер к отмене постановлений о возбуждении дела и направление материалов в тот орган предварительного расследования, который правомочен выносить решения в соответствии со ст. 150 и 151 УПК РФ. Это факт указывал на наличие ведомственного запрета в реализации института неотложных следственных действий.

В ст. 151 УПК РФ орган дознания не упоминается как субъект, наделенный подследственностью, что в свою очередь вызывает неопределенность в реализации его полномочий. Частью 2 ст. 157 УПК РФ установлен перечень органов дознания, наделённых полномочиями по производству неотложных следственных действий, и их компетенция. Уголовно-процессуальный закон закрепляет различия в компетенции по производству неотложных следственных действий органов дознания, которая определяется по предметному (преступления, по которым производство предварительного следствия обязательно), субъектному (п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ – преступления, совершенные военнослужащими и т.д.), территориальному (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ – расположение учреждений УИС) и альтернативному признакам подследственности.

Мы придерживаемся мнения, что подследственность является одним из

---

[1] *Муравьев К.В.* Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. М., 2019. С. 173-174.

[2] *Об усилении* прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: указание Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

инструментов, с помощью которых законодатель определяет компетенцию органов предварительного расследования. Институт же неотложных следственных действий является исключением, позволяющим органу дознания принимать решение о возбуждении уголовных дел, ему не подследственных. Соответственно в правоприменительной практике, в первую очередь, должны учитываться основания производства неотложных следственных действий, которые являются исключением из общего правила применения подследственности, отменяющим его действия. В соответствии со ст. 157 УПК РФ к ним относится наличие признаков преступления и отсутствие субъекта уголовного досудебного производства, к подследственности которого относится преступление.

В соответствии со ст. 52 Конституции РФ государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и возмещению причиненного ущерба. Приоритетной задачей уголовно-процессуальной деятельности является защита прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть обеспечены своевременным принятием решения о возбуждении уголовного дела и производством неотложных следственных действий. Сказанное в полной мере реализуется в рамках уголовно-процессуальных отношений, возникающих при рассмотрении сообщения о преступлении, а также производстве неотложных следственных действий органом дознания (ст. 157 УПК РФ). Непринятие решения о возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, нарушает права участников уголовного процесса, пострадавших от преступного посягательства.

Основным условием возбуждения уголовного дела органом дознания в рассматриваемой ситуации является объективная невозможность принять такое решение следователем, правомочным его расследовать. Соответственно невозможность участия следователя в уголовно-процессуальной деятельности не следует рассматривать как основание для того, чтобы не реагировать на факт совершенного преступления. Эффективность действий должностных лиц учитывается при определении разумного срока досудебного производства, а обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, предварительного следствия, не принимаются в качестве оснований для их превышения.

Именно поэтому законодатель вменил в обязанность органам дознания начать уголовно-процессуальную деятельность – возбудить уголовное дело, провести неотложные следственные действия в срок, не превышающий 10 суток, а после – передать уголовное дело руководителю следственного органа для организации производства предварительного следствия.

Специфика института неотложных следственных действий заключается в том, что по усмотрению своего руководителя орган дознания принимает решение о возбуждении уголовного дела, которое отнесено к подследственности следователей и которое, по общему правилу, расследовать он не компетентен. Целью принятия такого решения является реализация в короткий срок полномочий по производству неотложных следственных действий для предотвращения возможности утраты доказательств по делу.

Достаточно эффективно институт неотложных следственных действий реализуется Омской таможней. В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное 30 ноября 2022 г. В результате проведения сотрудниками Омской таможни оперативно-розыскных мероприятий во взаимодействии с УФСБ России по Омской области выявлены незаконные валютные операции по переводу безналичных денежных средств на банковский счет нерезидента путем представления кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, недостоверных сведений об основаниях, о целях и назначении переводов, в пользу лиц, заинтересованных по различным причинам в выводе денежных средств за пределы Российской Федерации. В результате проверки в действиях лиц усмотрены признаки преступления, предусмотренные п. «а», «б» ч. 2 ст. 193.1 УК РФ. В целях производства неотложных следственных действий, соблюдения разумного срока рассмотрения сообщения о преступлении, для обнаружения и фиксации следов начальником органа дознания – заместителем начальника Омской таможни – возбуждено уголовное дело. После проведения неотложных следственных действий (обысков, изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, допросов подозреваемых, свидетелей) уголовное дело направлено в Омскую транспорт-

ную прокуратуру для определения подследственности, так как в структуре таможни нет органов предварительного следствия[1].

Следует отметить, что реализация института неотложных следственных действий не является нарушением уголовно-процессуальной формы. С.Б. Россинский выделяет три ее составляющие – «всеобщность, единство и обязательность»[2]. Данные требования распространяются и на производство неотложных следственных действий. Единство следует рассматривать как единообразие производства по уголовному делу на территории всей страны, однако исследование показывает, что региональная практика применения норм УПК РФ, в том числе и ст. 157 УПК РФ, зависит от позиций правоприменителя. В этой связи принципиально важно выработать единый механизм реализации компетенции по производству неотложных следственных действий на всей территории Российской Федерации, который исключал бы региональный характер исполнения данной деятельности. Полагаем, что при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, и условий, согласно которым субъект, уполномоченный принимать решение о возбуждении уголовного дела, отсутствует, его прибытие к месту происшествия вызывает трудности, орган дознания обязан возбудить уголовное дело и провести неотложные следственные в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК РФ. Данный подход позволяет исключить из правоприменительной практики необоснованное затягивание проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, повысив эффективность досудебного производства.

Одной из задач неотложных следственных действий является выявление лица, подозреваемого в совершении преступления, т.е. его раскрытие. Для ее выполнения у органа дознания (коллективного органа, сочетающего производство процессуальных действий с оперативно-розыскными мероприятиями) зна-

---

[1] *Производство* Омского Следственного отдела Западно-Сибирского следственного управления на транспорте. Уголовное дело № 12204009509000033.

[2] *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 140–142.

чительно больше возможностей, чем у следователя[1].

По-прежнему остается проблемой согласование решения о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий с руководителем органа дознания. П.Г. Марфицин еще в период действия УПК РСФСР указывал на данное обстоятельство, полагая, что «в ряде случаев по уголовному делу необходимо оперативное принятие решений, а лицо, производившее дознание, не может согласовать его с начальником органа дознания»[2]. Он справедливо указывал на то, что в случае совершения преступления на значительной отдаленности от отдела внутренних дел оперуполномоченный «не вправе самостоятельно возбудить уголовное дело»[3].

В свою очередь, Т.В. Барсукова полагает обоснованным предоставление работникам оперативных подразделений права вынесения постановления (утверждаемого в последующем начальником органа дознания) о возбуждении уголовного дела, по которому предварительное следствие обязательно, и проведения после этого неотложных следственных действий. Иное решение вопроса неизбежно приводит к затягиванию принятия решения о возбуждении уголовного дела и значительному снижению «уровня безотлагательности», а следовательно, и эффективности следственных действий, направленных на фиксацию доказательственной информации, требующей незамедлительного закрепления, изъятия и исследования[4].

Полагаем, что в данном случае реализация права на обжалование любого действия и решения государственного органа либо должностного лица, обеспечение реализации права на защиту с момента начала уголовного преследования являются более действенными мерами, нежели особый порядок получения со-

---

[1] *Махов В.Н.* Почему не проводятся неотложные следственные действия // Следователь. 2011. № 7. С. 16–19.

[2] *Марфицин П.Г.* Некоторые правовые и организационные проблемы осуществления дознания милицией// Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М., 1995. С. 24.

[3] Там же.

[4] *Барсукова Т.В.* Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 17.

гласия начальника органа дознания при возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий.

Следует учесть, что субъектом возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий в порядке ч. 1 ст. 157 УПК РФ является именно орган дознания, а не дознаватель. На это также указывает содержание ч. 1 ст. 41 УПК РФ, согласно которой на дознавателя возложены полномочия органа дознания, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ. Эти полномочия заключаются в дознании по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно.

Следовательно, процессуальный статус субъекта, уполномоченного проводить неотложные следственные действия, в законе не определен. Такая законодательная конструкция порождает проблему, заключающуюся в отсутствии нормы, наделяющей должностное лицо органа дознания, проводящего неотложные следственные действия, процессуальным статусом дознавателя. Эта проблема подлежит разрешению на законодательном уровне.

Орган внутренних дел как орган дознания обладает компетенцией производить неотложные следственные действия по любым уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Ограничивается данная компетенция подведомственностью других органов дознания, что регулируется п.п. 2–6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Исключение также составляют преступления в сфере налогообложения, указанные в ст.ст. 198–199.4 УК РФ. По мнению О.В. Мичуриной, такая ситуация не совсем приемлема. Компетенция органов внутренних дел не должна определяться какой-либо подведомственностью, так как бездействие органов внутренних дел в некоторых ситуациях может повлечь негативные последствия. По УПК РСФСР милиция считалась универсальным органом дознания, а его компетенция не ограничивалась определенными категориями уголовных дел, невзирая на попытки это сделать. Ученый справедливо считает, что такое положение обуславливалось практическими соображениями и в полной мере оправдывало себя. Однако это было возможно лишь тогда, когда промедление с возбуждением

уголовного дела и производством неотложных следственных действий могло негативно повлиять на пресечение преступления и его раскрытие[1]. Обратим внимание на то, что в УПК РФ не указано, кто, когда и при каких условиях проводит неотложные следственные действия по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199.4 УК РФ. Это может говорить о том, что проведение неотложных следственных действий по указанным статьям не предусмотрено. П.Г. Сычев полагает, что «на стадии возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе следствия по делам о налоговых преступлениях полномочия следственного органа и органа дознания ограничены»[2]. Однако полагаем, что институт неотложных следственных действий не должен действовать избирательно по отношению к статьям УК РФ, основанием их проведения должен быть смысл, заложенный в УПК РФ, – обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Анализируя редакцию норм, регулирующих полномочия органов дознания, в том числе и в сфере производства неотложных следственных действий, следует отметить ее нечеткость в силу большого количества отсылочных и некорректно сформулированных правил. УПК РФ при перечислении субъектов производства неотложных следственных действий «отсылает» к другому федеральному закону, регулирующему смежные, но все-таки иные правоотношения. Например, в ст. 40 УПК РФ учреждения и органы УИС как органы дознания прямо не указаны. Это обусловлено тем, что уголовно-процессуальная составляющая к основным видам их деятельности не относится. Критерием наделения таких органов исполнительной власти полномочиями органа дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ) является наличие у оперативных подразделений ФСИН России права осуществлять оперативно-розыскную деятельность (п. 8 ст. 13 Федераль-

---

[1] *Мичурина О.В.* Проблемы разграничения компетенции органов дознания при производстве неотложных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 64–65.

[2] *Сычев П.Г.* Неотложные следственные действия по налоговым уголовным делам. Невозможность проведения и последствия // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 56–60.

ного закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), а также п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ.

С.И. Гирько указывает на то, что «изъяны правовой регламентации не умаляют статуса ФСИН России как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений и, соответственно, не освобождают этот федеральный орган исполнительной власти от уголовно-процессуальных полномочий органа дознания»[1]. Однако правоприменительная практика показывает, что деятельность ФСИН России как органа дознания фактически сводится к принятию сообщения о преступлении и проведению процессуальных действий по его проверке, передаче материалов по подследственности. Последующее решение о возбуждении уголовного дела или отказе принимают ОВД, на территории обслуживания которых находится учреждение. Реализация полномочий в рамках ст. 157 УПК РФ не осуществляется.

Дискуссионным представляется суждение С.В. Богданова о том, что должностные лица учреждений уголовно-исполнительной системы не имеют процессуальных полномочий, за исключением указанных в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, они не вправе осуществлять проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ и принимать по ним процессуальные решения[2]. Считаем, что запрета, содержащегося в уголовно-процессуальном законодательстве, реализовывать указанные процессуальные полномочия органом дознания УИС нет.

Безусловно, с учетом реализации Указания Генеральной прокуратуры РФ от 25 октября 2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»[3] полномочия органа дознания УИС по принятию решений, предусмот-

---

[1] *Гирько С.И.* Субъекты уголовно-процессуальной деятельности (дознания) в системе ФСИН России: органы и должностные лица // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 54.

[2] *Богданов С.В.* Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Ius Publicum et Privatum. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id =36767067&

[3] Документ не опубликован.

ренные п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, ограничены, за исключением возможности проверки сообщения о преступлении и передачи его по подследственности.

Так, например, если деятельность указанных органов, связанная с приемом, регистрацией, проверкой и передачей сообщения по подследственности, регламентирована уголовно-процессуальным законодательством и уточнена инструктивными актами, то нормативные предписания, регламентирующие полномочия и соответствующую компетенцию должностных лиц ФСИН России по принятию решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, неоднозначно трактуются правоприменителем, в том числе и надзирающим органом. Но особую сложность, по нашему мнению, вызывает именно производство неотложных следственных действий.

Интересной представляется позиция А.А. Крымова, который утверждает следующее: «Чтобы учреждения и органы УИС обладали компетенцией органов дознания, необходимо наличие установленных законодателем пределов уголовно-процессуальной деятельности, характеризующихся совокупностью процессуальных полномочий, подследственностью уголовных дел и юрисдикцией этих органов в сфере уголовного судопроизводства»[1].

В учреждениях и органах УИС, в отличие, например, от органов внутренних дел, не предусмотрены штатные должности дознавателей, соответствующие полномочия реализуют должностные лица, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, что в полной мере коррелирует с положениями ст. 40 УПК РФ и ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Указанная особенность является основным отличием рассматриваемого органа дознания от классического его понимания, представляющего собой связку «начальник органа дознания – начальник подразделения дознания – дознаватель», в которой полномочия органа дознания реализуются дознавателем, но строго по поручению начальника. Закономерно возникает вопрос о возмож-

---

[1] *Крымов А.А.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: монография. М., 2017. С. 130.

ности наделения сотрудников оперативных подразделений ФСИН России статусом дознавателя. В организационном смысле термин «дознаватель» используется в УПК РФ в двух значениях: как лицо, замещающее должность дознавателя в государственном органе, либо иное должностное лицо, которому начальником органа дознания в письменной форме поручено провести дознание[1].

Неоднозначной представляется позиция высшей судебной инстанции относительно уголовно-процессуального статуса учреждений и органов УИС, высказанная в решении Верховного Суда РФ от 5 июня 2008 г. № ГКПИ08-1256. В его описательно-мотивировочной части констатируется, что «Федеральная служба исполнения наказания является органом дознания, а должностные лица этого органа, уполномоченные осуществлять предварительное расследование в форме дознания и иные полномочия, предусмотренные Кодексом, являются дознавателями»[2].

Исходя из содержания упомянутых положений уголовно-процессуального закона, должностным лицам ФСИН России не предоставлено право производства предварительного расследования в форме дознания. Данное умозаключение не зависит от того, каким образом будет назван их процессуальный статус (дознаватель, орган дознания, лицо, осуществляющее полномочия органа дознания). Однако сотрудник учреждений и органов УИС, реализующий полномочия органа дознания на основании поручения начальника, вправе осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, в связи с чем формально может иметь статус дознавателя.

А.А. Крымов справедливо указывает на то, что придание второстепенной роли осуществлению досудебного производства по уголовным делам при исполнении должностных обязанностей приводит к тому, что сотрудники уголов-

---

[1] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 329.

[2] *Об отказе* в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 8 Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной Приказом Минюста РФ от 11 июля 2006 г. № 250: решение Верховного Суда РФ от 5 июня 2008 г. № ГКПИ08-1265. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

но-исполнительной системы практически не принимают участия в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, «решая лишь сугубо уголовно-исполнительные вопросы»[1].

Стоит обратить внимание на то, что закрепленное в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ положение предоставляет право производить неотложные следственные действия начальникам учреждений и органов УИС. По мнению Л.М. Фетищевой, «полномочие руководителей ФСИН России в осуществлении неотложных следственных действий является персонифицированным, и передача данной функции подчиненным сотрудникам не допускается»[2]. Можно предположить, что право производства неотложных следственных действий предоставлено законодателем начальникам учреждений и органов УИС по аналогии с правом, возложенным на должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ (капитанов морских и речных судов, руководителей геологоразведочных партий и зимовок и т.д.), в связи с особенностью расположении учреждений УИС, куда доступ сотрудников органа дознания других ведомств затруднен. Считаем, что данная позиция не является бесспорной.

Полагаем, что основной задачей любого начальника органа дознания является организация деятельности вверенного ему подразделения, поэтому производство им лично расследования уголовного дела без ущерба его основным организационно-распорядительным функциям просто невозможно.

Руководитель учреждения и органа УИС является начальником органа дознания, который в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40^2 УПК РФ уполномочен поручать: проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решений, производство неотложных следственных действий. На наш взгляд, вполне допустимым является делегирование процессуальных полномочий подчиненным должностным лицам, которые в данном случае приобретают статус дознавателя.

Непонятен замысел законодателя выделить начальников указанных учре-

---

[1] *Крымов А.А.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 13.

[2] *Фетищева Л.М.* Общие положения осуществления дознания сотрудниками УФСИН России // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 94.

ждений и предоставить им право возбуждать уголовные дела в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК РФ, при этом не наделив их возможностью возбуждать уголовные дела по преступлениям, подследственным органу дознания (причинение вреда здоровью, преступление против собственности, хранение наркотических средств), которые наиболее часто совершаются в учреждениях ФСИН России.

С семантической точки зрения, неотложные действия – это такие действия, производство которых нельзя отложить, они должны быть проведены немедленно, иначе следы преступления и доказательства будут безвозвратно утрачены. Это является основным критерием их производства.

М.М. Сеидов считает, что дефиниция «неотложные следственные действия» может быть истолкована по следующим признакам: 1) субъективный, который наделяет компетенцией производить неотложные следственные действия лишь орган дознания; иным субъектам, осуществляющим уголовное досудебное производство, такое право не предоставлено; 2) структурно-стадийный, связывающий производство следственных действий только с наличием возбужденного уголовного дела, что включает неотложные следственные действия в структуру процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования; 3) процессуально-правовой, указывающий на производство указанных действий по неподследственным уголовным делам и дальнейшую их передачу для обязательного производства предварительного следствия по истечению определенного срока; 4) целевой, выражающийся в обнаружении и фиксации следов преступления, доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, которые могут быть утрачены; 5) сущностно-деятельностный, предусматривающий проведение только необходимых следственных действий, а не любых процессуальных действий[1].

На наш взгляд, большинство из приведенных признаков тесно связанны

---

[1] *Сеидов М.М.* Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 16–17.

между собой и, образуя единство, отражают сущность производства неотложных следственных действий органом дознания в контексте УПК РФ. Помимо указанных характеристик, следует дополнительно указать, что «необходимость» неотложных следственных действий предполагает учет их качеств как безотлагательных, незаменимых и неповторимых. Безотлагательность обусловлена изменчивостью обстановки места происшествия, следов и иных доказательств, стремлением лиц, совершивших преступление, избежать ответственность за содеянное, укрыть похищенное имущество. Незаменимость выражается в производстве лишь тех следственных действий, которые предназначены для конкретного случая. Целесообразно учитывать специфику следственного действия. Признак неповторимости заключается в том, что его повторное производство не даст возможности получить столь объективные данные о совершенном преступлении[1].

Вместе с тем не со всеми признаками, предложенными М.М. Сеидовым, можно согласиться. Например, данный ученый, характеризуя сущностно-деятельностный признак, исключает проведение в рамках ст. 157 УПК РФ, помимо следственных, иных процессуальных действий. Такое положение выглядит спорным.

Так, С.В. Супрун справедливо полагает, что в настоящее время «орган дознания вправе при производстве неотложных следственных действий принимать решения о наделении граждан процессуальным статусом потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, что создает юридические предпосылки для производства допроса. В противном случае, в частности, невозможно получить показания от потерпевшего и выяснить обстоятельства совершенного в отношении него преступления[2]. Кроме того, при возбуждении уголовного де-

---

[1] *Соколов А.Б., Мерлаков Д.С., Мазунин Я.М.* Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4. С. 320.

[2] *Супрун С.В.* Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. 2007. № 4. С. 99.

ла только по факту совершения преступления гражданин, гипотетически совершивший преступное деяние, может наделяться статусом подозреваемого посредством реализации мер процессуального принуждения (задержания, меры пресечения). Да и в целом без применения мер, предусмотренных разделом IV УПК РФ, органу дознания сложно эффективно реагировать на каждое преступление, предварительное следствие по которому обязательно[1]. Наконец, следует помнить, что любые следственные действия – это процессуальные действия, но в категорию последних включаются и другие действия, которые не именуются «следственными». Так, в юридической литературе выделяются «иные процессуальные действия», которые являются полноценными способами собирания доказательств. Как и следственные действия, иные процессуальные действия представляют собой способы собирания доказательств (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), «каналы» вхождения в уголовное судопроизводство юридически значимых сведений. К ним принято относить: истребование и представление предметов и документов, назначение и производство документальных проверок и ревизий и другие упомянутые в законе организационные способы получения сведений и их носителей. Однако в отличие от следственных действий иные процессуальные действия не регламентированы детально[2]. Результаты иных процессуальных действий могут быть использованы в доказывании в качестве вещественных доказательств или иных документов. Таким образом, полагаем, что неправильно ограничивать компетенцию субъектов, ведущих досудебное производство, исключительно полномочиями по осуществлению следственных действий. Неотложными, в смысле ст. 157 УПК РФ, следует признавать любые процессуальные действия, включающие в себя как следственные, так и иные действия, позволяющие обнаружить и зафиксировать следы преступления и доказательства, требующие незамедлительного приобщения к уголовному делу для предотвращения их исчезновения или фальсификации, пресечь преступную

---

[1] *Муравьев К.В., Писарев А.В., Смирнова И.С.* Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания: уч.-практ. пособ. Омск, 2007. С. 88–89.

[2] *Кальницкий В.В., Ларин Е.Г.* Следственные действия: уч. пос. Омск, 2015. С. 132.

деятельность правонарушителей, предоставить участникам процесса конституционные права, реализация которых не терпит отлагательства.

Ю.В. Шпагиной определена целевая установка производства неотложных следственных действий, заключающаяся в обеспечении в последующем всестороннего и полного расследования по уголовному делу, подследственному другому органу расследования[1].

Кроме того, по мнению М.М. Сеидова, толкование ст. 157 УПК РФ в совокупности с п. 19 ст. 5 УПК РФ подтверждает вывод, что феномен неотложных следственных действий заключается именно в той его специфической особенности, которая обусловлена полномочиями субъекта их производства – органа дознания, который, сочетая уголовно-процессуальные, административные и оперативно-розыскные средства, может в кратчайшие сроки не только выявить и закрепить следы преступления, исследовать обнаруженные доказательства, но и пресечь преступную деятельность лиц, совершивших деяние в условиях очевидности, установить причастных к совершению преступления лиц и задержать их, в чем и заключается процессуальная ценность института неотложных следственных действий как особого направления деятельности органов дознания[2].

Солидаризируясь с автором в том, что эффективность деятельности, осуществляемой субъектом, ведущим производство, предполагает, в числе прочего, и пресечение преступной деятельности, не можем согласиться в том, что для этого нужно сочетание различных (в том числе административных и оперативно-розыскных) средств. Следует согласится с мнением Л.В. Головко и О.Л. Васильева, что «в процессуальном смысле понятие «неотложных следственных действий» возникает в случае, когда гипотетические признаки преступления выявляет орган расследования, которому уголовное дело не подследственно»[3]. Этим субъектом может быть как орган дознания, так и следователь, дознава-

---

[1] *Шпагина Ю.В.* Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 28.

[2] *Сеидов М.М.* Указ. соч. С. 16–17.

[3] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 671.

тель. Таким образом, в п. 19 ст. 5 УПК РФ закреплен лишь частный аспект рассматриваемой познавательной деятельности на досудебном производстве применительно к ситуациям, когда преступление «чужой» подследственности установлено органом дознания. На наш взгляд, создается ложное впечатление о невозможности использования института неотложных следственных действий, предусмотренных ст. 157 УПК РФ, в ситуации, когда с преступлением, ему не подследственным, сталкивается следователь.

Эффективность и законность производства неотложных следственных действий – взаимосвязанные категории. Являясь своеобразным механизмом защиты от утраты доказательственной информации, средством обеспечения раскрытия преступлений «по горячим следам», неотложные следственные действия вместе с тем являются исключением из правил о подследственности, необходимость существования которого нами не ставится под сомнение. Полагаем, что институт неотложных следственных действий не должен реализовываться избирательно.

Предварительное следствие и дознание как формы предварительного расследования в равной мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, базируются на единых принципах и общих условиях производства предварительного расследования (о чем говорилось в предыдущем параграфе). Необходимо учитывать, что применение института неотложных следственных действий не может являться обоснованием для сокращения гарантий прав и свобод лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевших, свидетелей и иных участников. Этот институт должен обеспечивать быстроту уголовного процесса, исключать практику длительных передач материалов проверки по подследственности. В связи с этим качество проведенных неотложных следственных действий должно соответствовать их назначению, вне зависимости от того, кем они проведены.

Л.В. Головко и О.Л. Васильев отмечают, что применительно к институту неотложных следственных действий законодатель упоминает только органы дознания, что создает ложное впечатление о невозможности использования

данного института в ситуации, когда с преступлением, ему не подследственным, сталкивается орган предварительного следствия. Это прямо вытекает не только из общетеоретических положений уголовного процесса (публично-правовая обязанность каждого органа расследования реагировать на любые нарушения уголовного закона, к чьей компетенции они бы ни относились), но и из содержания ч. 5 ст. 152 УПК РФ[1]. В условиях действующего правоприменения позиция авторов является дискуссионной, однако нами поддерживается. Соглашаясь с тем, что рассматриваемый институт свойствен органам предварительного следствия, необходимо отметить, что принимать решение о возбуждении не подследственного им уголовного дела они не могут в силу сложившихся ведомственных запретов, о чем говорилось в предыдущем параграфе исследования. Полагаем, что принятие указанного процессуального решения должно быть объективно обусловлено необходимостью безотлагательно обнаружить и зафиксировать следы преступления, незамедлительно закрепить, изъять и исследовать доказательства.

Нет сомнений в том, что при обнаружении субъектом, ведущим досудебное производство, преступления, уголовное дело о котором ему не подследственно, передача материалов в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ требует временных затрат, которые могут повлечь негативные для органов расследования последствия в виде утраты следов преступления, их сокрытия, что негативно повлияет на дальнейший ход расследования.

Не вызывает споров и тот факт, что следователь является более компетентным (в смысле «компетентностным, квалифицированным»), нежели сотрудники органов дознания. Как правило, он может лучше разобраться с вопросом о возбуждении уголовного дела, качественнее произведет неотложные следственные действия.

И.В. Шабетя приводит ряд условий, при которых орган дознания может проводить неотложные следственные действия: 1) если сообщение о готовя-

---

[1] *Курс* уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. С. 671.

щемся или совершенном преступлении, по которому обязательно производство предварительного следствия, поступает непосредственно к органу дознания; 2) данные выявляются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, когда обстановка и характер преступного деяния требуют неотложного производства следственных действий, а следователь не может немедленно приступить к расследованию; 3) в случае, когда возникает необходимость в неотложном использовании комплекса сил и средств, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов[1]. По нашему мнению, с аналогичными условиями, за исключением проведения оперативно-розыскных мероприятий, может сталкиваться и следователь или дознаватель в процессе исполнения своих должностных обязанностей. Опасность утраты доказательств в случае промедления, вызванного ожиданием следователя или дознавателя, инициирует режим производства неотложных следственных действий тем субъектом расследования, которому данное дело не подследственно согласно общим правилам. Исторически органами дознания являлись субъекты, способные в числе первых отреагировать на признаки преступления, однако в настоящее время ситуация поменялась, и случаи прибытия на место происшествия следователя в числе первых не являются исключением.

Данный тезис подтверждается примерами. Так, в составе следственно-оперативной группы следователь прибыл на место происшествия и установил признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, т.е. ему не подследственного. В соответствии со ст. 151 УПК РФ материалы проверки спустя сутки с момента совершения преступления были переданы по подследственности дознавателю органов внутренних дел для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В итоге решение о возбуждении уголовного дела было принято спустя 5 суток с момента совершения преступления[2]. Таким образом, реше-

---

[1] *Шабетя И.В.* Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ: дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2004. С. 20.

[2] Уголовное дело № 11701520052000634 возбуждено 25.11.2017 ОД ОП № 3 УМВД России по г. Омску по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ // Архив Кировского районного суда г. Омска.

ние о передаче материала проверки по подследственности принимается при наличии в распоряжении следователя не только повода и основания для возбуждения уголовного дела, но и необходимости производства неотложных следственных действий.

Полагаем, что любые органы предварительного расследования, выявившие преступление «чужой» подследственности (в том числе и следователь, и дознаватель), должны быть наделены полномочиями возбуждать уголовное дело, а в дальнейшем проводить неотложные следственные действия. Это, в свою очередь, будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства. Принятие же незамедлительного решения о возбуждении уголовного дела не будет ограничивать доступ участников уголовного процесса к правосудию[1].

В этой связи обратим внимание на соотношение «неотложных следственных действий», осуществляемых в порядке ст. 157 и ч. 5 ст. 152 УПК РФ. Напомним, что в начале данного параграфа мы обращали внимание на самостоятельность этих институтов.

Итак, в соответствии с ч. 5 ст. 152 УПК РФ субъект, ведущий досудебное производство, установив, что уголовное дело ему не подследственно, обязан произвести неотложные следственные действия, после чего передать дело по подследственности (следователь – через руководителя следственного органа, дознаватель – через прокурора). Данная норма находится в статье, регламентирующей территориальную подследственность, место производства предварительного расследования. Можно предположить, что данное правило распространяется на проведение неотложных следственных действий только за пределами «своей» территории. Однако системный анализ данной нормы и п. 3 ч. 1 ст. 145, п. 3 ст. 149 УПК РФ позволяет сделать вывод, что это установка может применяться при выяснении «чужой» подследственности после возбуждения уголовного дела. Полагаем, что в исключительных случаях субъекты, ведущие

---

[1] *Муравьев К.В.* Соблюдение правил подследственности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 85–86.

уголовное досудебное производство, должны иметь право производить неотложные следственные действия не только по делам, отнесенным к территориальной подследственности других органов, но и по делам, не подследственным им в силу правил о предметной и персональной подследственности. Причем эффективным этот порядок может стать уже на этапе рассмотрения сообщения о преступлении.

Стоит обратить внимание и на ч. 3 ст. 145 УПК РФ, которая предполагает, что в случае принятия решения о передаче сообщения о преступлении по подследственности в соответствии с её предметными (а также персональными) признаками орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает меры по сохранению следов преступления. Возникает вопрос: каким способом это можно сделать? Основным способом для этого у субъектов, ведущих досудебное производство, является осуществление следственных и иных процессуальных действий. Однако для осуществления большинства из них требуется возбуждение уголовного дела. Каким образом, например, следователю ОВД, прибывшему на место происшествия по сообщению об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, пресечь преступную деятельность лица, которое по неосторожности причинило смерть потерпевшему, и не дать ему скрыться? Как ему сохранить идеальные следы преступления, когда пострадавший находится в предсмертном состоянии или очевидец убывает в другой регион? Для задержания подозреваемого и применения к нему меры пресечения, для производства допроса участников судопроизводства требуется наличие возбужденного уголовного дела. И если органу дознания (должностному лицу органа дознания – участнику следственного оперативной группы) позволяется возбуждать уголовное дело и производить следственные и иные процессуальные действия в порядке ст. 157 УПК РФ, то почему это не может сделать следователь – руководитель следственно-оперативной группы?

Итак, полагаем, что в ситуациях, требующих незамедлительного возбуждения уголовного дела и начала расследования, должна быть возможность производства неотложных следственных действий у всех органов расследования

независимо от категории уголовных дел. Кроме того, безусловно, результатом окончания производства неотложных следственных действий является направление уголовного дела в орган, который наделен компетенцией его расследовать в соответствии с признаками подследственности, принятие иных решений недопустимо.

В связи с этим обратим внимание, что ряд ученых придерживаются мнения о необходимости распространения уголовно-процессуальной компетенции, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, на всех субъектов, ведущих досудебное производство.

Так, И.В. Шабетя под неотложными следственными действиями предлагает понимать осуществляемый в установленном уголовно-процессуальным законом порядке комплекс безотлагательных и незаменимых следственных действий, осуществляемых органами дознания, следователем, а также специально уполномоченными на производство данных действий органами и лицами, по не подследственной им категории уголовных дел, по которым производство предварительного следствия является обязательным, с момента возбуждения уголовного дела до момента передачи его для направления по подследственности[1]. Предложение ученого является интересным, но «половинчатым». Полагаем, что ограничение компетенции соответствующих субъектов пределами категории уголовных дел, по которым производство предварительного следствия обязательно, является лишь частью решения проблемы.

В контексте исследуемых вопросов интерес представляет позиция Р.А. Шахнавазова. Он разработал дефиницию, согласно которой неотложные процессуальные действия – следственные и иные осуществляемые синхронно с ними действия удостоверительного, принудительного и иного характера, производимые органом дознания, дознавателем, следователем после возбуждения уголовного дела, не подследственного ему согласно общему правилу о подследственности, в целях обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и доказательств, требующих

---

[1] *Шабетя И.В.* Указ соч. С. 9.

незамедлительного приобщения к уголовному делу для предотвращения их исчезновения или фальсификации[1]. В данном определении говорится о любой «чужой» подследственности, независимо от формы расследования. Кроме того, автором достигнуто понимание того, что одними лишь следственными действиями (без одновременного производства иных процессуальных действий) невозможно решить неотложные задачи производства по возбужденному уголовному делу.

Обратим внимание и еще на один аспект. Органу дознания и действующему от его имени должностному лицу, которое производило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, не запрещается принимать решение о возбуждении уголовного дела и осуществлять направленные на первоначальное закрепление следов неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, поскольку ч. 2 ст. 41 УПК РФ, исключающая одновременное осуществление одним и тем же лицом процессуального расследования и оперативно-розыскной деятельности, распространяется лишь на дознавателей и проведение ими дознания в порядке, предусмотренном гл. гл. 32 и 32.1 УПК РФ. Указанная позиция подтверждена Конституционным Судом РФ[2]. Однако ст. 157 УПК РФ не регулирует вопрос возможного совмещения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в связи с чем необходимо урегулировать данный пробел. Законодательное регулирование компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство по проведению неотложных следственных действий, нуждается в доработке.

Таким образом, резюмируя изложенное, мы приходим к следующим выводам:

1. Уголовно-процессуальная компетенция, предусмотренная ст. 157 УПК РФ, предполагает проведение неотложных следственных, а также связанных с ними иных процессуальных действий удостоверительного, принудительного,

---

[1] *Шахнавазов Р.А.* Производство неотложных следственных действий как уголовно-процессуальный институт: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 7.

[2] *По делу* о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правозащитного и иного характера в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

2. Использование компетенции по проведению неотложных следственных действий обусловлено исключительными обстоятельствами, вызывающими необходимость быстрого реагирования на совершенное преступление любым субъектом, ведущим досудебное производство. Для реализации ч. 2 ст. 21 УПК РФ, требующей от следователя и дознавателя, равно как и от органа дознания, принятия мер по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в его совершении, в каждом случае обнаружения признаков преступления независимо от вида подследственности, необходимо законодательно закрепить, что в случае отсутствия субъекта досудебного производства, которому подследственно уголовное дело, полномочиями возбуждать уголовное дело и проводить по нему неотложные следственные и связанные с ними иные процессуальные действия обладают орган дознания, следователь, дознаватель, которым выявлено преступление «чужой» подследственности.

3. Определение компетенции, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, должно носить более универсальный характер и соответствовать содержанию данной деятельности. Целесообразно внести изменения в п. 19 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «неотложные процессуальные действия – следственные и связанные с ними иные процессуальные действия, производимые органом дознания, дознавателем, следователем после возбуждения уголовного дела и до его направления прокурору для определения подследственности, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования проблемы уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, следует сделать следующие выводы, обобщения, предложения по изменению законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

1. Категории «участник» и «субъект» уголовного процесса (судопроизводства) не являются равнозначными. К субъектам уголовного процесса следует относить тех участников производства, которые наделены правоприменительными властными полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств, а также принятию решений, связанных с применением уголовно-правовых норм, отражающих начало, последующее движение, завершение производства по уголовному делу. Реализация уполномоченными государством субъектами своих функций является продуктом их деятельности в судопроизводстве, назначение которого состоит в прямой зависимости от властного начала уголовно-процессуальных отношений.

2. Субъекты досудебного производства – уполномоченные государством органы и должностные лица, которые вступают в правоотношения с другими участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют деятельность, связанную с формированием доказательств, предварительной правовой оценкой деяния, которое может обладать признаками преступления, а также созданием иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

3. К субъектам досудебного производства не относятся привлекаемые в уголовный процесс для оказания содействия органы и должностные лица, не уполномоченные осуществлять правовую оценку деяния. В связи с этим исполнение следователями и должностными лицами органа дознания, а также компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций письменных поручений (запросов) следователя, до-

знавателя о проведении отдельных следственных или иных процессуальных действий, об осуществлении мер безопасности и т.п. не предполагает наделение данных участников уголовного процесса компетенцией субъектов досудебного производства.

4. Субъекты досудебного производства должны быть причислены к особой группе участников процесса, не относящейся к сторонам обвинения или защиты. Представляется оптимальным перемещение ст.ст. 37–41 УПК РФ в новую главу 5^1 УПК РФ «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство», расположенную после главы 5 УПК РФ «Суд», регламентирующей статус субъекта судебного производства.

5. Субъекты уголовного досудебного производства по характеру компетенции могут быть классифицированы на:

а) ведущие досудебное производство (следователь, дознаватель, орган дознания, следователь-криминалист, руководитель следственной группы, руководитель группы дознавателей);

б) выполняющие надзорные полномочия в досудебном уголовном производстве (прокурор);

в) выполняющие контрольные полномочия и, при необходимости, ведущие досудебное производство (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания).

6. Для обеспечения системного подхода к регулированию досудебного производства требуется расширить понятие «следователь-криминалист», содержащееся в п. 40^1 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также прием, проверку и разрешение сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных действий, иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

7. В уголовном процессе категория «компетенция» имеет два взаимосвязанных значения: а) совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо, для возможности участия в уголовном производстве; б) круг определенных УПК РФ полномочий конкретного субъекта процесса.

8. Уголовно-процессуальная компетенция субъекта досудебного производства – это предусмотренная УПК РФ и обусловленная процессуальной функцией совокупность полномочий, отражающая вид уголовно-процессуальной деятельности государственного органа или должностного лица по формированию доказательств, предварительной правовой оценке деяния, которое может обладать признаками преступления, а также созданию иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде.

9. УПК РФ закрепляет следующие виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство:

– рассмотрение сообщений о преступлениях;

– производство предварительного следствия;

– производство дознания;

– производство дознания в сокращенной форме;

– возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий.

10. Пределы компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, – это основанные на закрепленных в УПК РФ правилах подследственности ограничения полномочий соответствующих субъектов по осуществлению видов их процессуальной деятельности.

11. Целесообразно внести изменения в отдельные положения УПК РФ, которые содержат словосочетание «в пределах компетенции»:

а) в ч. 3 ст. 11 УПК РФ слова «в пределах компетенции» исключить, поскольку они не несут какой-либо дополнительной смысловой нагрузки;

б) в ч. 1 ст. 37 УПК РФ слова «в пределах компетенции» заменить словосочетанием «в соответствии с компетенцией», не содержащим ограничение полномочий;

в) в ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ слова «в пределах компетенции» изменить на слова «в соответствии с подследственностью», тем самым сделать более определенными полномочия субъектов, ведущих досудебное производство.

12. Уголовно-процессуальная компетенция по рассмотрению сообщений о преступлениях включает обязанность приема и проверки сообщения о каждом (любом) совершенном или готовящемся преступлении каждым (любым) субъектом, уполномоченным вести досудебное производство. Пределы компетенции (применение правил подследственности) должны устанавливаться на этапе разрешения информации о преступлении, когда деянию, о котором поступило сообщение, дается предварительная правовая оценка. Деятельность по регистрации сообщения о преступлении не является уголовно-процессуальной, в связи с чем не входит в процессуальную компетенцию субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

13. В целях оптимизации компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях между следователем, дознавателем, органом дознания необходимо согласовать нормы уголовно-процессуального законодательства (п. 4 ст. 38, п. 1^1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ), регламентирующие деятельность по направлению письменного поручения органу дознания, предоставив право субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, самостоятельно определять объем делегирования полномочий органу дознания, а также срок их исполнения.

14. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела предполагает констатацию наличия или отсутствия признаков преступления в проверяемом событии и, следовательно, предварительную квалификацию деяния. Оно, как и решение о возбуждении уголовного дела, должно выноситься субъектом, наделённым соответствующей компетенцией в соответствии с правилами подследственности. Вместе с тем отсутствие самого события преступления, по поводу которого рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела, означает отсутствие предпосылок для исследования вопроса о наличии состава преступления. Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании

п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не предполагает предварительной квалификации проверяемого события, поэтому может быть вынесено любым субъектом, компетентным осуществлять предварительную проверку.

В связи с этим ч. 1 ст. 148 УПК РФ целесообразно дополнить следующим предложением: «Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 2–7 части первой ст. 24 настоящего Кодекса, допускается в соответствии с подследственностью».

15. В случаях, когда в результате прокурорского надзора установлено, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное по основаниям, предусмотренным п.п. 2–7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, является законным и обоснованным, но принято субъектом за рамками подследственности, прокурор должен иметь полномочие легитимизировать данное решение, не направляя материалы для формальной дополнительной проверки. Для этого п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ следует дополнить словами «утверждать постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные органами предварительного расследования за пределами подследственности, установленными ст. 151 УПК РФ;», а ч. 6 ст. 148 УПК РФ – предложением «Признав постановление органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела законным и обоснованным, прокурор вправе утвердить его в порядке п. 12 ч. 1 ст. 37 настоящего Кодекса.».

16. Уголовно-процессуальные компетенции по производству предварительного следствия и дознания не имеют сущностных различий, которые бы отражали процесс формирования доказательств, предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Исторически возникшие особенности указанных досудебных форм подготовки уголовного дела к судебному производству связаны с организационными причинами и отражают степень процессуальной самостоятельности субъектов, ведущих досудебное производство.

Необходимо осуществить реформирование компетенции, отражающей предварительное расследование уголовного дела, по следующим направлениям:

– упразднение компетенции по производству дознания;

– выделение унифицированной компетенции по предварительному расследованию, осуществляемой любыми субъектами, ведущими досудебное производство, по правилам предварительного следствия и с возможностью вынесения уведомления о подозрении в совершении преступления;

– закрепление единых правил, отражающих процессуальную самостоятельность субъектов, ведущих досудебное производство;

– расширение надзорных полномочий прокурора, в том числе дискреционной подследственности, определяемой по его усмотрению.

17. Компетенцию по производству дознания в сокращенной форме целесообразно преобразовать в компетенцию по проведению предварительного расследования в сокращенной форме, осуществляемую по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы.

18. Обновленная компетенция предполагает закрепление следующих полномочий субъектов, ведущих досудебное производство:

– обязанность допроса подозреваемого и потерпевшего (при его участии в уголовном деле), назначения и производства судебной экспертизы для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью (при наличии к тому оснований);

– обязанность при первом допросе подозреваемого выяснения его согласия с правовой оценкой деяния, с характером и размером причиненного ущерба, указанными в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении лица или в уведомлении о подозрении в совершении преступления, а также разъяснения подозреваемому права ходатайствовать о проведении предварительного расследования в сокращенной форме и особом порядке судебного разбирательства после проведения консультаций с защитником и не позднее 2 суток с момента разъяснения данного права;

– обязанность выяснения согласия потерпевшего (при его наличии) на проведение предварительного расследования в сокращенной форме и судебного разбирательства в особом порядке;

– право направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением, составленным по правилам, предусмотренным в действующем УПК РФ для обвинительного акта, но без указания перечня и содержания доказательств, подтверждающих обвинение или доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

19. Возвращение прокурору уголовного дела, предварительное расследование которого состоялось в сокращенной форме, для организации предварительного расследования в общем порядке должно быть ограничено только инициативой суда в случае установления им обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого.

20. Уголовно-процессуальная компетенция, предусмотренная ст. 157 УПК РФ, предполагает проведение неотложных следственных, а также связанных с ними иных процессуальных действий удостоверительного, принудительного, правозащитного и иного характера в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

21. Использование компетенции по проведению неотложных следственных действий обусловлено исключительными обстоятельствами, вызывающими необходимость быстрого реагирования на совершенное преступление любым субъектом, ведущим досудебное производство. Для реализации ч. 2 ст. 21 УПК РФ, требующей от следователя и дознавателя, равно как и от органа дознания, принятия мер по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в его совершении, в каждом случае обнаружения признаков преступления независимо от вида подследственности, необходимо законодательно закрепить, что в случае отсутствия субъекта досудебного производства, которому подследственно уголовное дело, полномочиями возбуждать уголовное де-

ло и проводить по нему неотложные следственные и связанные с ними иные процессуальные действия обладают орган дознания, следователь, дознаватель, которым выявлено преступление «чужой» подследственности.

22. Определение компетенции, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, должно носить более универсальный характер и соответствовать содержанию данной деятельности. Целесообразно внести изменения в п. 19 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «неотложные процессуальные действия – следственные и связанные с ними иные процессуальные действия, производимые органом дознания, дознавателем, следователем после возбуждения уголовного дела и до его направления в соответствии с подследственностью, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

23. В целях оптимизации уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, сформулированы предложения технико-юридического характера, связанные с необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Безусловно, в рамках одного исследования разрешить все проблемы в полном объеме не представлялось возможным. Результаты проведенного исследования с очевидностью демонстрируют перспективность дальнейшей разработки вопросов нормативного регулирования отдельных полномочий субъектов, ведущих досудебное производство, а также более глубокого переосмысления сущности взаимоотношений субъектов, ведущих досудебное производство, с субъектами, выполняющими контрольно-надзорные полномочия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 20-21. – Ст. 230.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Известия ВЦИК. – 1923. – 18 февр.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

7. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87–ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

19. Об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью : приказ Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 г. № 127. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел : указание Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» : приказ Минтруда России от 23 марта 2015 г. № 183н. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 102, Минюста России № 253, ФСБ

России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений : приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196. – Документ не опубликован.

30. Об организации работы по противодействию отдельным видам мошенничества : указание МВД России от 13 июля 2015 г. № 1/5562. Документ не опубликован.

31. О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры сообщений о преступлениях : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72 (вместе с «Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 8 августа 2013 г. № 53. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Н. Стурова на нарушения его конституционных прав пункта 6 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1179-О-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 г. № 578-О. – Доступ из СПС «КонсультанПлюс».

37. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

38. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 8 Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной Приказом Минюста РФ от 11 июля 2006 г. № 250 : решение Верховного Суда РФ от 5 июня 2008 г. № ГКПИ08-1265. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

41. Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующими пунктов 22.6, 64, 93.3 и 101 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», утв. Приказом МВД России от 1 марта 2012 г. № 140 : решение Верховного Суда РФ от 25 июня 2014 г. № АКПИ14-581. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

42. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

43. Проект № 97700236-2 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 6 июня 1997 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 9 ноября 2001 г. № 2.2.-1/3362 «По проекту № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и проектам связанных с ним постановлений Государственной Думы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная и учебная литература

45. Азаров, В.А. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева. – Омск : Омский государственный университет, 2006. – 559 с.

46. Алексеев, Н.С. Очерки развития науки советского уголовного процесса : монография / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1980. – 251 с.

47. Алексеев, С.С. Государство и право: Начальный курс / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юридическая литература, 1994. – 189 с.

48. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2008. – 565 с.

49. Артамонов, А.Н. Общие условия предварительного расследования : учебное пособие / А.Н. Артамонов, Д.М. Сафронов. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – 63 с.

50. Барабаш, А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2005. – 254 с.

51. Баранов, А.М. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учебное пособие / А.М. Баранов, Ю.В. Деришев, Ю.А. Николаев. – Омск : Алькон, 2003. – 49 с.

52. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – Москва : НОРМА ; ИНФРА-М, 2000. – 640 с.

53. Бахта, А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография / А.С. Бахта. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. – 372 с.

54. Безруков, С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России : монография / С.С. Безруков. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 174 с.

55. Белозеров, Ю.Н. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : учебное пособие / Ю.Н. Белозеров, П.Г. Марфицин. – Москва : Главное управление кадров МВД России, 1994. – 75 с.

56. Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 176 с.

57. Бородин, С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С.В. Бородин. – Москва : [б. и.], 1970. – 115 с.

58. Буланова, Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография / Н.В. Буланова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 215 с.

59. Быков, В.М. Следователь в уголовном процессе России : монография / В.М. Быков. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 333 с.

60. Вандышев, В.В. Уголовный процесс. Курс лекций / В.В. Вандышев. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 528 с.

61. Вопленко, Н.Н. Очерки общей теории права : монография / Н.Н. Вопленко. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2009. – 896 с.

62. Вопросы общей части уголовного процесса: по законодательству СССР и других социалистических государств : учебное пособие / В.П. Божьев, Н.Е. Павлов. – Москва : Академия МВД СССР, 1986. – 80 с.

63. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский; под ред. Д.С. Карева. – Москва : МГУ, 1956. – 271 с.

64. Гирько, С.И. Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве : монография / С.И. Гирько. – Москва : ВНИИ МВД России, 2013. – 102 с.

65. Гирько, С.И. Уголовно-процессуальные проблемы деятельности милиции / С.И. Гирько. – Москва : Юрист, 2004. – 377 с.

66. Гирько, С.И. Уголовно-процессуальные функции полиции в Российской Федерации : монография / С.И. Гирько. – Москва : ВНИИ МВД России, 2013. – 102 с.

67. Головко, Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головко. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.

68. Григорьев, В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Эксмо, 2008. – 816 с.

69. Гуляев, А.П. Процессуальные функции следователя : учебное пособие / А.П. Гуляев. – Москва : Академия МВД СССР, 1981. – 61 с.

70. Даев, В.Г. Участники уголовного процесса / В.Г. Даев, В.Н. Шпилев. – Минск: Белорусский государственный университет, 1970. – 176 с.

71. Даневский, В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / В.П. Даневский. – Москва: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1895. – 89 с.

72. Деришев, Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография / Ю.В. Деришев. – Омск : Омская академия МВД России, 2004. – 339 с.

73. Дознание в органах внутренних дел : учебное пособие / под ред. А.А. Чувилева. – Москва: Московская высшая школа милиции МВД СССР, 1986. – 147 с.

74. Досудебное производство в уголовном процессе : учебное пособие для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – Москва : Юрайт, 2017. – 190 с.

75. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография / Г.П. Химичева.– Москва : Экзамен, 2003. –352 с.

76. Ендольцева, А.В. Стадии уголовного судопроизводства (уголовного процесса) : учебное пособие / А.В. Ендольцева. – Москва : Московский университет МВД России, Щит-М, 2009. – 64 с.

77. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 367 с.

78. Зеленина, О.А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства: системно-правовой анализ : монография / О.А. Зеленина. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. – 216 с.

79. Зотов, А.Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : монография / А.Ю. Зотов. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 182 с.

80. Кальницкий, В.В. Следственные действия: учебное пособие. / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – 172 с.

81. Качалова, О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография / О.В. Качалова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.

82. Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Часть вторая / А.А. Квачевский. – Санкт-Петербург : Типография Ф.С. Сущинского, 1867. – 371 с.

83. Кирин, В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь : монография / В.А. Кирин. – Москва: Юридическая литература, 1978. – 278 с.

84. Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 1971. – 160 с.

85. Комиссия для исследования недостатков современного состояния следственной части : отчет. – Санкт-Петербург, 1870. – 170 с.

86. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография / О.В. Химичева. – Москва.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 287 с.

87. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – Москва : Республика, 1992. – 110 с.

88. Крымов, А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография / А.А. Крымов. – Москва: Проспект, 2017. – 463 с.

89. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2. изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 301 с.

90. Куклин, В.И. Неотложные следственные действия / В.И. Куклин. – Казань, Казанский государственный университет, 1967. – 141 с.

91. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 640 с.

92. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. –1280 с.

93. Кутафин, О.Е. Компетенция местных Советов: учебное пособие / О.Е. Кутафин, К.Ф. Шеремет. – 2-е изд.. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 223 с.

94. Логика : учебник / Ю.В. Ивлев. – Москва : МГУ, 1992. – 270 с.

95. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П.А. Лупинская. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 168 с.

96. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. – Санкт-Петербург : Министерство юстиции, 1882. – 428 с.

97. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права / А.В. Мицкевич. – Москва : Госюриздат, 1962. – 213 с.

98. Муравьев, К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография / К.В. Муравьев. – Москва : Проспект, 2019. – 263 с.

99. Муравьев, К.В. Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания : учебно-практическое пособие / К.В. Муравьев, А.В. Писарев, И.С. Смирнова. – Омск : Типография БЛАНКОМ, 2007. – 100 с.

100. Муравьев, К.В. Участники уголовного судопроизводства : учеб. пособие / К.В. Муравьев, А.В. Писарев. – Омск : Омская академия МВД Россия, 2011. – 103 с.

101. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм : (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики) : учебное пособие / А.В. Наумов. – Волгоград : [б. и.], 1973. – 176 с.

102. Николаева, Т.Г. Правовое регулирование деятельности органов дознания (теоретические основы и правоприменительная практика) : монография /

Т.Г. Николаева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 256 с.

103. Николюк, В.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / В.В. Николюк, Ю.В. Деришев. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – 198 с.

104. Николюк, В.В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела : монография / В.В. Николюк, В.В. Волынский. – Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2013. – 139 с.

105. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2005. – 575 с.

106. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР: вопросы методики чтения проблемных лекций по общей части : учебное пособие / А.А. Чувилев, Т.Н. Добровольская. – Москва : Московская высшая школа милиции МВД СССР, 1985. – 93 с.

107. Павлов, Н.Е. Субъекты уголовного процесса : учебное пособие для юридических вузов / Н.Е. Павлов. – Москва : Новый Юрист, 1997. – 144 с.

108. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – Москва : Госюриздат, 1961. – 277 с.

109. Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа. – В 9 т. – Т. 8 / отв. ред. Б.В. Виленский; под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 496 с.

110. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2011. – 656 с.

111. Россинский, С.Б. Досудебное производство по уголовному делу : учебник / С.Б. Россинский. – Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2023. – 232 с.

112. Россинский, С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография / С.Б. Россинский. – Москва : Норма, 2021. – 408 с.

113. Румянцева, М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография / М.О. Румянцева. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 146 с.

114. Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. – 2 изд., изм. и доп. – Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2002. – 1021 с.

115. Рыжаков, А.П. Субъекты уголовного процесса : учебное пособие / А.П. Рыжаков, А.И. Сергеев. – Тула : Тульская типография, 1996. – 319 с.

116. Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. – Москва : Наука, 1971. – 342 с.

117. Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. – Москва : Наука, 1975. – 383 с.

118. Следственная деятельность. Книга I. Anchetator : монография / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 232 с.

119. Советский уголовный процесс : учебник / Н.С. Алексеев, А.И. Бастрыкин, В.Г. Даев, З.З. Зинатуллин и др.; под ред. Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича – Ленинград : ЛГУ, 1989. – 472 с.

120. Советское административное право : учебник / В.А. Власов, С.С. Студеникин – Москва : Госюриздат, 1959. – 535 с.

121. Стадия возбуждения уголовного дела. (В вопросах и ответах) : учебное пособие / В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин, В.В. Николюк. – Омск : Омская высшая школа милиции МВД России, 1995. – 108 с.

122. Степанов, В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / В.В. Степанов. – Саратов: Саратовский юридический институт, 1972. – 142 с.

123. Стремовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стремовский. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет, 1966. – 260 с.

124. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. – В 2 т. – Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с.

125. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. – В 2 т. – Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – 617 с.

126. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Ч. 1. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Типография 2 отделения Собственной Ее Императорского Величества канцелярии, 1867. – 757 с.

127. Судопроизводство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: учебное пособие для вузов / под общ. ред. А.Н. Артамонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск : Омская академия МВД России, 2020. – 256 с.

128. Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л.В. Головко. – 2-е изд. – Москва : Городец, 2022. – 816 с.

129. Судоустройство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры : учебное пособие для вузов / под общ. ред. В.В. Кальницкого. – Омск : Омская академия МВД России, 2015. – 224 с.

130. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Юстицинформ, 2001. – 355 с.

131. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Тихомиров, 2008. – 696 с.

132. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России : учебное пособие / К.В. Муравьев и др. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – 143 с.

133. Уголовно-процессуальная деятельность подразделений уголовного розыска : учебное пособие / А.М. Баранов и др.; под ред. А.М. Баранова. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – 119 с.

134. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общей ред. П.А. Лупинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 1997. – 591 с.

135. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л.Б. Алексеева, Л.А. Воскобитова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. П.А. Лупинская. – Москва : Юристъ, 2003. – 795 с.

136. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистров / под. ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – Москва : Юрайт, 2012. – 476 с.

137. Уголовный процесс : учебник / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев, Э.Ф. Куцова и др.; под ред. К.Ф. Гуценко. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Зеркало-М, 2004. – 677 с.

138. Уголовный процесс : учебник / Л.А. Александрова и др.; под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 1015 с.

139. Уголовный процесс : учебник / О.И. Андреева и др. ; под ред. О.И. Андреевой и др. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. – 445 с.

140. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Спарта., 2002. – 704 с.

141. Уголовный процесс : учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова. – Москва : , 2015 – 422 с.

142. Уголовный процесс : учебник для вузов. – В 2 ч. / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 165 с.; 351 с.

143. Уголовный процесс : учебник для студентов высших учебных заведений / С. Б. Россинский. – Москва : Эксмо, 2009. – 735 с.

144. Уголовный процесс европейских государств : монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. – Москва : Проспект, 2018. – 752 с.

145. Уголовный процесс России : учебник / Н.А. Громов, В.А. Пономаренков, Ю.В. Францифоров. – Москва : Юрайт, 2001. – 555 с.

146. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции : учебное пособие. – В 2 т. – Т. 2. Досудебное и судебное производство / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2017. – 222 с.

147. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – Москва : Юрайт, 2013. – 799 с.

148. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : КНОРУС, 2008. – 704 с.

149. Участники современного российского уголовного судопроизводства : монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. – Москва : Юрлитинформ. – 2017. – 440 с.

150. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – В 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1910. – 573 с.; 567 с.

151. Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс : учебник / М.А. Чельцов-Бебутов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Госюриздат, 1951. – 511 с.

152. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 208 с.

153. Шорохова, С.П. Логика и методология научного исследования : учебное пособие / С.П. Шорохова. – Москва : Институт мировых цивилизаций, 2022. – 134 с.

154. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – 172 с.

155. Элькинд, П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 192 с.

156. Якимович, Ю.К. Избранные труды. Юбилейный сборник : к 60-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Юрия Константиновича Якимовича / Ю.К. Якимович. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2011. – 770 с.

157. Якимович, Ю.К. Участники уголовного процесса : монография / Ю.К. Якимович . – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. – 176 с.

158. Якуб, М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 144 с.

Научные статьи и публикации

159. Азаров, В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ / В.А. Азаров // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – Вып. 6. – С. 77–89.

160. Азаров, В.А. О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела / В.А. Азаров // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 1. – С. 20–26.

161. Александров, А.С. О некоторых проблемах выстраивания отношений между участниками предварительного следствия по уголовному делу / А.С. Александров, Д.В. Потапов // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2017. – № 12. – С. 20–22.

162. Александров, А.И. Нельзя говорить о кодексах без концепции / А.И. Александров // Закон. – 2015. – № 8. – С. 8–23.

163. Андреева, О.А. Реформирование деятельности российских следственных органов во второй половине XIX века. Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : материалы Всероссийской научно-практической конференции / О.А. Андреева, М.Ю. Фисаков. – Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – С. 26–30.

164. Артемова, В.В. Правовое регулирование порядка приема сообщений о преступлениях в органах внутренних дел / В.В. Артемова // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1. – С. 12–17.

165. Бахта, А.С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» / А.С. Бахта // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 12. – С. 45–46.

166. Белоносов, В.О. Современное состояние уголовно-процессуального законотворчества в России / В.О. Белоносов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 140–154.

167. Брыляков, С.П. О необходимости законодательного закрепления общих условий досудебного производства / С.П. Брыляков // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. – В 2 т. – Т. 1. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. – С. 168–172.

168. Булатов, Б.Б. Проблемы реализации уголовно-процессуальной функции милиции / Б.Б. Булатов // Закон РСФСР «О милиции» и совершенствование оперативно-служебной деятельности милиции Республики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Т. 1. – Омск : Омская высшая школа милиции МВД России, 1992. – С. 27–31.

169. Булатов, Б.Б. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность / Б.Б. Булатов, А.С. Дежнев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 2. – С. 18–24.

170. Быков, В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 52–66.

171. Воеводина, И.В. Еще раз об уголовно-процессуальной компетенции начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / И.В. Воеводина, Н.Г. Шурухнов // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 1. – С. 112–116.

172. Вицин, С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве / С.Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 54–56.

173. Власова, Н.А. Правовая регламентация возбуждения уголовного дела: состояние, проблемы и перспективы / Н.А. Власова, А.Г. Мусеибов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1. – С. 65–72.

174. Воробьева, Ю.Ю. К вопросу о видах и назначении уголовно-процессуальных функций / Ю.Ю. Воробьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 11–15.

175. Воскобойник, И.О. Неполнота уголовно-процессуального регулирования и «недостатки» прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела / И.О. Воскобойник, А.А. Рытьков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 17–19.

176. Гаврилов, Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 10–13.

177. Гаврилов, Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 17–19.

178. Гирько, С.И. Проблемные вопросы развития уголовно-процессуальной компетенции уголовно-исполнительной системы и ее субъектов в формате концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года / С.И. Гирько // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сборник тезисов выступлений и докладов участников. – Т. 1. – Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2019.– С. 47–51.

179. Гирько, С.И. Субъекты уголовно-процессуальной деятельности (дознания) в системе ФСИН России: органы и должностные лица / С.И. Гирько // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3. – С. 51-56.

180. Гирько, С.И. Уголовно-процессуальная компетенция учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / С.И. Гирько, Ю.Н. Зеленов // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 1. – С. 61-67.

181. Гирько, С.И. Эволюция процессуальной компетенции органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России / С.И. Гирько, Ю.Н. Зеле-

нов, А.В. Белоконь // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5. – С. 20–25.

182. Гирько, С.И. Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке / С.И. Гирько, А.А. Ширманов // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников. – Т. 2. – Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2017. – С. 29–36.

183. Головко, Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в Российском уголовном процессе / Л.В. Головко // Уголовная юстиция: связь времен : избранные материалы международной научной конференции. – Москва : Актион-Медиа, 2012. – С. 24–31.

184. Головко, Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия / Л.В. Головко // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 9–16.

185. Головко, Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / Л.В. Головко // Закон. – 2019. – № 4. – С. 67–82.

186. Головко, Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головко // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 107–118.

187. Давлетов, А.А. О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России / А.А. Давлетов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 2. – С. 37–43.

188. Деришев, Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» / Ю.В. Деришев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.

189. Диваев, А.Б. Уголовно-процессуальная правоспособность / А.Б. Диваев // Законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 29–33.

190. Дикарев, И.С. Аномалии правового положения органов дознания / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 97–104.

191. Дикарев, И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации / И.С. Дикарев // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 113–125.

192. Дикарев, И.С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Дикарев // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 76–83.

193. Ефремова, Н.П. Вопросы определения подследственности в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Ефремова // Законодательство и практика. – 2013. – № 2. – С. 57–60.

194. Калиновский, К.Б. Систематизация участников уголовного процесса в современном российском уголовном процессе / К.Б. Калиновский // Проблемы совершенствования правовой системы в России : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2004. – С. 145–146.

195. Кальницкий, В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / В. Кальницкий, К. Муравьев, Д. Воронов // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 81–85.

196. Кальницкий, В.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения / В.В. Кальницкий // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 1. – С. 59–63.

197. Качалова, О.В. Когда доказательства получено ненадлежащим субъектом / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2022. – № 8. – С. 9.

198. Ковалевская, Н.В. Соблюдение правил подследственности уголовных дел / Н.В. Ковалевская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 24–28.

199. Колесников, О.В. Участники уголовного судопроизводства: лекция / О.В. Колесников, М.А. Макаренко // Мир политики и социологии. – 2017. – № 5. – С. 140–178.

200. Колоколов, Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор / Н.А. Колоколов // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 5. – С. 9–29.

201. Косянова, О.М. О разграничении понятий «компетенция» и «компетентность» в научной литературе / О.М. Косянова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2006. – № 2. – С. 128–133.

202. Кругликов, А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А.П. Кругликов // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–58.

203. Ларин, А.М. Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия / А.М. Ларин // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1979. – С. 75–83.

204. Малышева, О.А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования / О.А. Малышева // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 80–92.

205. Манова, Н.С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ / Н.С. Манова, Ю.В. Фрацифоров // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 21–24.

206. Марфицин, П.Г. Некоторые правовые и организационные проблемы осуществления дознания милицией / П.Г. Марфицин // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. – Москва : ВНИИ МВД России, 1995. – С. 20–25.

207. Махов, В.Н. Роль прокурора и органов дознания в уголовном преследовании / В.Н. Махов // Законность. – 2008. – № 7. – С. 27–30.

208. Махов, В.Н. Почему не проводятся неотложные следственные действия / В.Н. Махов // Следователь. – 2011. – № 7. – С. 16–19.

209. Махов, В.Н. Проблемы совершенствования досудебного производства в уголовном процессе России / В.Н. Махов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 2. – С. 18–21.

210. Мерлаков, Д.С. Компетенция органов предварительного расследования по проведению следственных действий с использованием систем видеоконференц-связи / Д.С. Мерлаков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 1. – С. 109–115.

211. Мерлаков, Д.С. Соотношение понятий «участник» и «субъект» в уголовном процессе / Д. С. Мерлаков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 1. – С. 161-169.

212. Мерлаков, Д.С. Предпосылки оптимизации компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство / Д.С. Мерлаков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 1. – С. 33-46.

213. Михайлов, В.А. Понятие и классификация участников уголовного судопроизводства / В.А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2010. – Вып. III. – С. 44–64.

214. Мичурина, О.В. Проблемы разграничения компетенции органов дознания при производстве неотложных следственных действий / О.В. Мичурина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 64–67.

215. Мороз, А.Д. О роли исправительных учреждений в уголовном процессе России / А.Д. Мороз // Научный взгляд современной молодежи на актуальные проблемы права : сборник материалов комплекса научных мероприятий обучающихся. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2020. – С. 151–155.

216. Муравьев, К.В. Процессуальные акты применения уголовного закона / К.В. Муравьев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 34. – С. 97–105.

217. Муравьев, К.В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица / К.В. Муравьев // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 106–112.

218. Муравьев, К.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления / К.В. Муравьев // Уголовный процесс. – 2007. – № 11. – С. 16–21.

219. Муравьев, К.В. Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела / К.В. Муравьев, П.В. Седельников // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1. – С. 102–109.

220. Муравьев, К.В. Соблюдение правил подследственности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства / К.В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2004. – № 4. – С. 85–86.

221. Назаров, С.В. К вопросу о предварительном расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / С.В. Назаров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 4. – С. 71–79.

222. Николюк, В.В. Закон «О полиции»: проблемы соотношения и согласования с уголовно-процессуальным законодательством / В.В. Николюк // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Дальневосточного юридического института МВД России. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011. – С. 84–87.

223. Николюк, В.В. Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория / В.В. Николюк // Теория и практика расследования преступлений : материалы IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 330–336.

224. Овсянников, И.В. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела / И.В. Овсянников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4. – С. 9–14.

225. Пилюшин, И.П. Процессуальное положение следователя-криминалиста / И.П. Пилюшин // Российский следователь. – 2010. – № 8. – С. 8–10.

226. Рарог, А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм: Власть и право / А.И. Рарог // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2. – С. 376–381.

227. Россинский, С.Б. Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе / С.Б. Россинский // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6. – С. 92–99.

228. Россинский, С.Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития / С.Б. Россинский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 140–144.

229. Рудич, В.В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В.В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 157–159.

230. Сабельфельд, Т.Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания / Т.Ю. Сабельфельд // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 33–36.

231. Смирнова, И.Г. К вопросу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в фокусе обеспечения прав личности / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин // Российский следователь. – 2019. – № 11. – С. 40–44.

232. Соколов, А.Б. Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / А.Б. Соколов, Д.С. Мерлаков, Я.М. Мазунин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 4. – С. 318–324.

233. Стельмах, В.Ю. Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения / В.Ю. Стельмах // Мировой судья. – 2022. – № 4. – С. 15–19.

234. Стельмах, В.Ю. Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства / В.Ю. Стельмах // Академический юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 14–23.

235. Стельмах, В.Ю. Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях / В.Ю. Стельмах // Российская юстиция. – 2020. – № 1. – С. 28–31.

236. Стельмах, В.Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности / В.Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. – 2020. – № 3. – С. 77–90.

237. Стельмах, В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий / В.Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 88–97.

238. Судницын, А.Б. Отказ в возбуждении уголовного дела органом дознания по итогу проверки сообщения о преступлении, подследственном следователю (в контексте их взаимодействия) / А.Б. Судницын // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4. – С. 221–229.

239. Супрун, С.В. Понятие и система неотложных следственных действий / С.В. Супрун // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 98–102.

240. Сычев, П.Г. Неотложные следственные действия по налоговым уголовным делам. Невозможность проведения и последствия / П.Г. Сычев // Уголовный процесс. – 2021. – № 2. – С. 56–60.

241. Терехов, М.Ю. Некоторые проблемные вопросы производства проверки сообщения о преступлении / М.Ю. Терехов, О.В. Химичева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 97–102.

242. Тетерюк, А.Г. Разграничение подследственности между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел, территориальная несогласованность / А.Г. Тетерюк // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 105–109.

243. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2000. – № 10. – С. 22–32.

244. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной, В.Н. Плигина. – Москва : Юристъ, 2006. – 847 с.

245. Усачев, А.А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства / А.А. Усачев // Вестник Российской правовой академии. – 2005. – № 4. – С. 71–74.

246. Федорова, И.А. О необходимости совершенствования оснований признания лица подозреваемым / И.А. Федорова, И.А. Ретюнских // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 38–42.

247. Фетищева, Л.М. Общие положения осуществления дознания сотрудниками УФСИН России / Л.М. Фетищева // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 93–95.

248. Флоря, Д.Ф. Отдельные аспекты определения места расследования преступлений, совершенного с применением сотовой связи / Д.Ф. Флоря // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 135–140.

249. Химичева, О.В. Судебный следователь или следственный судья? / О.В. Химичева // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сборник материалов Международной научно-практической конференции. – В 2 ч. – Ч. 2. – Москва : Московский университет МВД России:– 2015. –С. 392–398.

250. Шадрин, В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона / В.С. Шадрин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 717–724.

251. Шадрин, В.С. Следователь как участник уголовного процесса на рубеже третьего десятилетия применения УПК РФ / В.С. Шадрин // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 28–32.

252. Шадрин, В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве / В.С. Шадрин // Криминалистъ. – 2015. – № 1. – С. 20–25.

253. Шадрин, В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В.С. Шадрин // Законность. – 2015. – № 1. – С. 47–51.

254. Шакарян, М.С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация / М.С. Шакарян // Lex Russica. – 2004. – № 1. – С. 19–116.

255. Шараева, Я.А. Процессуальный статус дознавателя: мифы и реальность / Я.А. Шараева, В.Н. Тангриева // Философия права. – 2021. – № 3. – С. 127–131.

256. Шевчук, А.Н. Некоторые вопросы принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (на примере отечественного и зарубежного опыта) / А.Н. Шевчук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 3. – С. 316–328.

257. Щерба, С.П. Опыт и перспективы научного обеспечения сотрудничества прокуратур в рамках Содружества Независимых Государств / С.П. Щерба // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 4. – С. 126–134.

258. Эмих, В.В. Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2010. – Вып. 10. – С. 378–393.

Диссертации и авторефераты диссертаций

259. Абрамова, Л.Л. Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика :

дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абрамова Любовь Леонидовна. – Омск, 2022. – 26 с.

260. Азарёнок, Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Азарёнок Николай Васильевич. – Екатеринбург, 2021. – 547 с.

261. Барсукова, Т.В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Барсукова Татьяна Валерьевна. – Воронеж, 2003. – 24 с.

262. Белякина, Т.М. Компетенция местного самоуправления : проблемы теории и правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Белякина Татьяна Михайловна. – Саратов, 2007. – 43 с.

263. Вдовцев, П.В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Вдовцев Павел Викторович. – Екатеринбург, 2011. – 253 с.

264. Волков, В.Э. Местное самоуправление: конституционные основания правового регулирования компетенции муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Волков Владислав Эдуардович. – Челябинск, 2007. – 27 с.

265. Волкова, Л.П. Правовые основы разграничения полномочий между органами исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Волкова Лариса Петровна. – Саратов, 2009. – 42 с.

266. Воробева, С.В. Компетенция как инструмент государственно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Воробьева Светлана Викторовна. – Тамбов, 2007. – 23 с.

267. Гаврилов, Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Гаврилов Борис Яковлевич. – Москва, 2004. – 63 с.

268. Гаджиев, Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гаджиев Яхья Анверович. – Москва, 2015. – 34 с.

269. Горлов, В.М. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Горлов Виктор Михайлович. – Москва, 2008. – 24 с.

270. Деришев, Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Деришев Юрий Владимирович. – Омск, 1999. – 25 с.

271. Деришев, Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Деришев Юрий Владимирович. – Омск, 2005. – 51 с.

272. Дорохин, Ю.С. Формирование технологической компетентности будущих учителей при изучении дисциплин профильной подготовки: на примере направления «Технологическое образование» и специальности «Технология и предпринимательство» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 13.00.08 / Дорохин Юрий Сергеевич. – Тула, 2010. – 23 с.

273. Есина, А.С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.09 / Есина Алла Сергеевна. – Москва, 2001. – 29 с.

274. Ендольцева, А.А. Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ендольцева Анна Андреевна. – Москва, 2023. – 31 с.

275. Замуруева, Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Замуруева Елизавета Юрьевна. – Москва, 2023. – 28 с.

276. Захаров, Н.В. Теория и практика определения подследственности уголовных дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Николай Владимирович. – Самара, 2009. – 21 с.

277. Зотов, А.Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Зотов Алексей Юрьевич. – Волгоград, 2018. – 25 с.

278. Климова, Я.А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Климова Яна Александровна. – Волгоград, 2017. – 25 с.

279. Королев, Г.Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Королев Геннадий Николаевич. – Нижний Новгород, 2005. – 62 с.

280. Кондрашин, П.В. Право на законный суд и его реализация в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Кондрашин Павел Викторович. – Краснодар, 2023. – 30 с.

281. Крымов, А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Крымов Александр Александрович. – Москва, 2015. – 58 с.

282. Кузембаева, М.Н. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кузембаева Марина Михайловна. – Омск, 2006. – 22 с.

283. Лизунов, А.С. Доследственная проверка как часть досудебного производства : автореф. дис. … канд. юрид наук : 12.00.09 / Лизунов Алексей Сергеевич. – Нижний Новгород, 2017. – 226 с.

284. Мельников, А.В. Правовой статус субъектов принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мельников Антон Валерьевич. – Москва, 2021. – 247 с.

285. Миликова, А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Миликова Анна Владимировна. – Волгоград, 2019. – 24 с.

286. Миллер, В.Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: автореф. дис. … канд. юрид наук : 12.00.09 / Миллер Виктор Юрьевич. – Нижний Новгород, 2019. – 34 с.

287. Мичурин, В.С. Нарушение уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.09 / Мичурин Виктор Сергеевич. – Москва, 2004. – 28 с.

288. Мичурина, О.В. Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно-трудовых профилакториев функций органов дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мичурина Оксана Валерьевна. – Москва, 1993. – 23 с.

289. Мичурина, О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / Мичурина Оксана Валерьевна. – Москва, 2008. – 61 с.

290. Муравьев, К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук. : 12.00.09 / Муравьев Кирилл Владимирович. – Омск, 2017. – 505 с.

291. Наумов, К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид наук : 12.00.09 / Наумов Кирилл Александрович. – Омск, 2021. – 22 с.

292. Овчинникова, Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в Российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Овчинникова Елена Андреевна. – Краснодар, 2020. – 249 с.

293. Османова, Н.В. Институт подследственности в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Османова Надежда Валерьевна. – Москва, 2013. – 23 с.

294. Ревенко, Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ревенко Наталья Ивановна. – Омск, 2006. –18 с.

295. Русман, Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Русман Галина Сергеевна. – Челябинск, 2023. – 64 с.

296. Самойлова, Т.Н. Проблемные аспекты правозащитной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Самойлова Татьяна Николаевна. – Ижевск, 2009. – 29 с.

297. Сеидов, М.М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сеидов Мирага Мирабасович. – Волгоград, 2018. – 268 с.

298. Селютин, А.В. Проблемы разграничения подследственности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Селютин Александр Викторович. – Москва, 2000. – 26 с.

299. Таболина, К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Таболина Ксения Андреевна. – Москва, 2016. – 39 с.

300. Тоштемирова, Р.Ф. Уголовно-процессуальные властеотношения на предварительном следствии : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тоштемирова Регина Фарходовна. – Москва, 2022. – 204 с.

301. Филимоненко, И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. … канд. юрид наук : 12.00.09 / Филимоненко Ирина Андреевна. – Омск, 2021. – 23 с.

302. Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Химичева Галина Петровна. – Москва, 2003. – 60 с.

303. Чабукиани, О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Чабукиани Оксана Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2023. – 37 с.

304. Чабукиани, О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Чабукиани Оксана Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2022. – 553 с.

305. Чистякова, В.С. Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними : автореф. дис. … канд. юрид. наук : / Чистякова Валентина Сергеевна. – Москва, 1964. 17 с.

306. Шабетя, И.В. Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шабетя Игорь Васильевич. – Оренбург, 2004. – 158 с.

307. Шахнавазов, Р. А. Производство неотложных следственных действий как уголовно-процессуальный институт : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шахнавазов Рамазан Абдусамадович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 27 с.

308. Шпагина, Ю.В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шпагина Юлия Викторовна. – Москва, 2020. – 33 с.

Справочная литература

309. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 703 с.

310. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25 000 слов и словосочетаний / Л.П. Крысин. – 3 изд., стер. – Москва : Русский язык, 2001. – 854 с.

311. Логический словарь-справочник / сост. Н.И. Кондаков. – Москва: Наука, 1975. – 721 с.

312. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2009. – 944 с.

313. Словарь русского языка. – В 4 т. – Т. 1. – Москва: АН СССР, Институт русского языка, 1985. – 702 с.

314. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.) и др. – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – 1600 с.

315. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др. ; отв. ред. М.Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2009. – 809 с.

316. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1984. – 415 с.

Электронные источники информации

317. Багмет, А.М. Уголовно-процессуальное право. Словарь терминов / А.М. Багмет, В.В. Бычков. – URL: http://www.iprbookshop.ru/72437.html.

318. Богданов, С.В. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С.В. Богданов. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36767067&

319. Большой юридический словарь. – URL: https://internet-law.ru/dic/bolshoj-yuridicheskij-slovar.php?dic_tid=4739.

320. Морщакова, Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации / Т.Г. Морщакова. – URL: http://www.iuaj.net/node/1718.

321. Путин потребовал добиться кардинального повышения раскрываемости преступлений. – URL: https://www.m24.ru/news/vlast/17022022/431835?utm_source=CopyBuf.

322. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/ activity/statistics/office/result.

323. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 – 2022 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

324. Уголовно-процессуальный кодекс Латвии. URL: https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/upz-latvii-prava-i-objazannosti-uchastnikov-ugolovnogo-processa-v-latvii.pdf .

325. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан. URL: https://www.migration.gov.az/content/pdf/f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf.

326. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/d3/KAZ_CPC%20as%20of%_ru.pdf

327. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан URL: https:// legislationline.org/sites/default/files/documents/5a/Criminal%20Code_rus.pdf

328. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии URL: https:// legislationline.org/sites/ default/files/documents/85/Estonia_CPC_as_of_2019_ru.pdf

329. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/9006427

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сведения о результатах анкетирования следователей, руководителей следственных органов, дознавателей, начальников органов дознания, начальников подразделений дознания (анкета № 1)

(всего опрошено 143 респондента)

Вопросы анкетирования	Кол-во респондентов	
	Человек	%
Укажите категорию правоприменителей, к которой Вы относитесь.		
Руководитель следственного органа	26	14,7
Следователь	35	24,2
Начальник органа (подразделения) дознания	22	10,5
Дознаватель	31	20
Участковый уполномоченный или оперуполномоченный	29	17,8
Стаж работы в должности.		
До 5 лет	42	23,1
От 5 до 10 лет	50	43,1
Свыше 10 лет	51	34,7
В соответствии со ст. 157 УПК РФ при наличии признаков преступления, по которому предварительное следствие обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит неотложные следственные действия, после чего направляет дело руководителю следственного органа. Что представляют собой этот вид уголовно-процессуальной деятельности?		
Отдельная форма расследования	31	20
Самостоятельная форма дознания	24	14,7
Этап предварительного следствия	15	7,3
Вид компетенции органа дознания	73	57,9
Имеется ли в Вашем подразделении практика возбуждения органом дознания уголовных дел о преступлениях, по которым предварительное следствие обязательно, и производства по ним неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ)?		
Да	15	4,5
Нет	128	95,5
В случае если соответствующая практика отсутствует, укажите причину.		
Возможность выполнения органом дознания процессуальных действий при проверке сообщений о преступлениях	37	28,4
Негласный запрет надзирающих органов на реализацию указанного вида деятельности	47	36,8
Неотложные следственные действия органом дознания производятся некачественно, в связи с чем данный вид деятельности является неэффективным	44	34,7
Кому из подчиненных должностных лиц начальник органа дознания уполномочен поручить производство неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ?		
Дознавателю	18	12,6
Участковому уполномоченному	5	4,2

Оперуполномоченному	8	5,2
Любому подчиненному сотруднику, вне зависимости от занимаемой должности	112	77,8
Должен ли следователь обладать полномочием по возбуждению уголовного дела «чужой» подследственности для проведения неотложных следственных действий, с дальнейшим его направлением по подследственности надлежащему органу предварительного расследования?		
Да	121	82,1
Нет	24	17,8
Статья 151 УПК РФ «Подследственность» находится в разделе «Предварительное расследование». Необходимо ли соблюдать признаки подследственности при проверке сообщения о преступлении?		
Да	100	70,5
Нет	43	29,4
В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение. Что означает словосочетание «в пределах компетенции»? (возможно несколько вариантов ответа)		
Правом принимать решение наделены исключительно дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа	55	33,6
Решение должно быть принято в соответствии с признаками подследственности	81	43,1
Решение должно быть принято в соответствии с порядком, установленным для соответствующих видов уголовного преследования	30	23,1
Необходимо ли учитывать признаки подследственности при принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела? (возможно несколько вариантов ответа)		
Да, необходимо учитывать признаки территориальной подследственности	76	27,3
Да, необходимо учитывать признаки предметной подследственности	72	33,6
Да, необходимо учитывать признаки персональной подследственности;	70	21
Нет	17	17,9
Сталкивались ли Вы с практикой отмены прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что оно вынесено неуполномоченным должностным лицом?		
Да	87	60,8
Нет	56	39,2
Какая категория сотрудников Вашего подразделения принимает решения об отказе в возбуждении уголовного дела? (возможно несколько вариантов ответов)		
Участковый уполномоченный	61	42,7
Оперуполномоченный	63	44,1
Следователь	67	46,9
Дознаватель	53	37,1
Руководитель следственного органа	6	4,2
Разделяете ли Вы мнение, что для повышения эффективности расследования уголовных дел следует освободить следователя, дознавателя от производства проверок сообщений о преступлениях, с возложением данной обязанности на орган дознания?		
Да	88	61,6
Нет	55	38,4

Приложение 2

Сведения о результатах анкетирования следователей, руководителей следственных органов, дознавателей, начальников органов дознания, начальников подразделений дознания (анкета № 2)

(всего опрошено 74 респондента)

Вопросы анкетирования	Кол-во респондентов	
	Человек	%
Укажите категорию правоприменителей, к которой Вы относитесь.		
Руководитель следственного органа	16	21,6
Следователь	24	32,4
Начальник органа (подразделения) дознания;	3	4
Дознаватель	18	24,4
Участковый уполномоченный или оперуполномоченный	13	17,6
Стаж работы в должности.		
До 5 лет	17	22,9
От 5 до 10 лет	31	40,5
Свыше 10 лет	26	35,1
Каким образом, по Вашему мнению, соотносятся категории «субъект» и «участник» уголовного процесса?		
Эти категории являются равнозначными;	10	13,5
Понятие «участник» шире категории «субъект»	36	48,6
Понятие «субъект» шире категории «участник»	12	16,2
Данные категории являются самостоятельными	16	21,6
В соответствии с разд. II УПК РФ следователь и другие субъекты, компетентные осуществлять досудебное производство, отнесены к стороне обвинения (гл. 6 УПК РФ). Считаете ли Вы целесообразным корректировку закона?		
Органы предварительного расследования стороной обвинения не являются, правовой статус субъектов, ведущих досудебное производство, должен регламентироваться в самостоятельной главе	41	55,4
Органы предварительного расследования являются стороной обвинения, корректировки закона в этой части не требуется	33	44,6
Что следует понимать под «компетенцией субъекта, ведущего досудебное производство»? (возможно несколько вариантов)		
Совокупность знаний, умений и навыков, которыми должен обладать субъект	26	35,1
Отнесение к ведению субъекта уголовных дел по подследственности	24	32,4
Совокупность процессуальных полномочий (прав и обязанностей) субъекта	61	82,4
Вид уголовно-процессуальной деятельности субъекта	13	17,6
Как часто дознаватели, следователи, руководители следственного органа участвуют в деятельности по приему сообщения о преступлении и его регистрации?		
Органы предварительного расследования, как правило, принимают сообщение о преступлении, однако его регистрацию осуществляют только сотрудники органа дознания, занимающие должности оперативного дежурного	46	62,2
Деятельность по приему и регистрации сообщения о преступлении выполня-	28	37,8

ют только сотрудники органа дознания, которые занимают должности оперативных дежурных		
Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении органу дознания могут даваться обязательные для исполнения письменные поручения. Каких видов помощи, на Ваш взгляд, они могут касаться? (возможно несколько вариантов)		
О проведении оперативно-розыскных мероприятий	60	81
О проведении следственных действий (которые допускается проводить до возбуждения дела)	39	52,7
О проведении иных процессуальных действий	35	47,3
О получении содействия при осуществлении следственных и иных процессуальных действий	27	36,5
УПК РФ к субъектам уголовного процесса, помимо следователя и руководителя следственного органа, относит следователя-криминалиста. Какой компетенцией, по Вашему мнению, обладает следователь-криминалист? (возможно несколько вариантов)		
Прием и проверка сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке ст. 145 УПК РФ	5	6,8
Предварительное расследование по уголовному делу	17	23
Любые полномочия следователя, принявшего дело к производству	23	31
Выполнение отдельных функций процессуального контроля	10	13,5
Криминалистическое сопровождение предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета РФ	54	73
Дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений	32	43,2
Оцените высказывание, согласно которому «современный следователь трансформировался во второстепенного участника, лишенного права на принятие самостоятельных решений по большинству ключевых вопросов предварительного следствия».		
Нет, с высказыванием не согласен, т.к. полномочия руководителя следственного органа и прокурора не ограничивают процессуальную самостоятельность следователя	13	17,6
Да, согласен с такой оценкой, поскольку самостоятельность следователя существенно ограничена ведомственным процессуальным контролем и прокурорским надзором	35	47,3
Да, согласен с этой оценкой, поскольку процессуальная самостоятельность следователя существенно ограничена, что связано с практическим подходом к реализации его полномочий	26	35,2
В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь в установленном порядке (т.е. в течение 72 часов с момента поступления, с согласия руководителя следственного органа, с направлением вышестоящему прокурору) вправе обжаловать отдельные решения надзирающего прокурора. Использовали ли Вы указанное полномочие в своей практической деятельности? (вопрос адресуется только сотрудникам органов предварительного следствия)		
Да, обжаловал отдельные решения (об отмене постановления о возбуждении уголовного дела о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения недостатков)	9	22,5
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку решения надзирающего прокурора всегда являются законными и обоснованными	2	5
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку обжалование решений	28	70

прокурора не приветствуется (не будет иметь положительного результата)		
Нет, поскольку о таком полномочии мне не известно	1	2,5
В соответствии с ч. 3 ст. 38 УПК РФ в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. Использовали ли Вы указанное полномочие в своей практической деятельности? (вопрос адресуется только сотрудникам органов предварительного следствия)		
Да, неоднократно представлял возражения в установленном порядке, делаю это в каждом случае при несогласии с требованиями прокурора	1	2,5
Да, представлял возражения, однако такое полномочие использую в исключительных случаях	4	10
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку не было к тому оснований	7	17,5
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку принесение возражений не приветствуется (не будет иметь положительного результата)	27	47,5
Нет, поскольку о таком полномочии мне не известно	1	2,5
В соответствии с ч. 3 ст. 39 УПК ПРФ указания руководителя следственного органа могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа с представлением материалов уголовного дела и письменных возражений. Использовали ли Вы указанное полномочие в своей практической деятельности? (вопрос адресуется только сотрудникам органов предварительного следствия)		
Да, неоднократно обжаловал указания, делаю это в каждом случае при несогласии с указаниями руководителя следственного органа	1	2,5
Да, обжаловал указания руководителя следственного органа, однако такое полномочие использую в исключительных случаях	1	2,5
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку не было к тому оснований	22	55
Нет, данное полномочие не использовал, поскольку обжалование указаний не приветствуется (не будет иметь положительного результата)	15	37,5
Нет, поскольку о таком полномочии мне не известно	1	2,5
Каким образом Вами разрешалась ситуация, когда позиции прокурора и руководителя следственного органа относительно перспективы уголовного дела (направление в суд или его прекращение) расходились? (вопрос адресуется только сотрудникам органов предварительного следствия)		
Руководствовался позицией руководителя следственного органа	9	22,5
Руководствовался позицией прокурора	22	55
Разрешал данные вопросы с вышестоящим прокурором	6	15
Таких случаев в моей практике не было	3	7,5

Приложение 3

Сведения о результатах анкетирования работников прокуратуры

(всего опрошено 52 респондента)

Вопросы анкетирования	Кол-во респондентов	
	Человек	%
Укажите Ваш стаж работы в должности.		
До 5 лет	12	23
От 5 до 10 лет	21	40
Свыше 10 лет	19	37
Каким образом, по Вашему мнению, соотносятся категории «субъект» и «участник» уголовного процесса?		
Эти категории являются равнозначными;	12	23
Понятие «участник» шире категории «субъект»	21	40,3
Понятие «субъект» шире категории «участник»	10	19,2
Данные категории являются самостоятельными	9	17,3
В соответствии с разд. II УПК РФ следователь и другие субъекты, компетентные осуществлять досудебное производство, отнесены к стороне обвинения (гл. 6 УПК РФ). Считаете ли Вы целесообразным корректировку закона?		
Органы предварительного расследования стороной обвинения не являются, правовой статус субъектов, ведущих досудебное производство, должен регламентироваться в самостоятельной главе	26	50
Органы предварительного расследования являются стороной обвинения, корректировки закона в этой части не требуется	26	50
Что следует понимать под «компетенцией субъекта, ведущего досудебное производство»? (возможно несколько вариантов)		
Совокупность знаний, умений и навыков, которыми должен обладать субъект	10	19,2
Отнесение к ведению субъекта уголовных дел по подследственности	13	25
Совокупность процессуальных полномочий (прав и обязанностей) субъекта	22	43,3
Вид уголовно-процессуальной деятельности субъекта	7	13,4
УПК РФ к субъектам уголовного процесса, помимо следователя и руководителя следственного органа, относит следователя-криминалиста. Какой компетенцией, по Вашему мнению, обладает следователь-криминалист? (возможно несколько вариантов)		
Прием и проверка сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке ст. 145 УПК РФ	11	21,2
Предварительное расследование по уголовному делу	18	34,6
Любые полномочия следователя, принявшего дело к производству	34	65,4
Выполнение отдельных функций процессуального контроля	14	26,9
Криминалистическое сопровождение предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета РФ	22	42,3
Дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений	3	5,8

Оцените высказывание, согласно которому «современный следователь трансформировался во второстепенного участника, лишенного права на принятие самостоятельных решений по большинству ключевых вопросов предварительного следствия».		
Нет, с высказыванием не согласен, т.к. полномочия руководителя следственного органа и прокурора не ограничивают процессуальную самостоятельность следователя	9	17,3
Да, согласен с такой оценкой, поскольку самостоятельность следователя существенно ограничена ведомственным процессуальным контролем и прокурорским надзором	11	21,1
Да, согласен с этой оценкой, поскольку процессуальная самостоятельность следователя существенно ограничена, что связано с практическим подходом к реализации его полномочий	32	61,5
В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь в установленном порядке (т.е. в течение 72 часов с момента поступления, с согласия руководителя следственного органа, с направлением вышестоящему прокурору) вправе обжаловать отдельные решения надзирающего прокурора. Используют ли следователи указанное полномочие в своей практической деятельности?		
Да, в практике имеются случаи обжалования отдельных решений прокурора (напр., об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения недостатков)	11	21,2
Нет, данное полномочие не используется, поскольку решения надзирающего прокурора всегда являются законными и обоснованными	35	67,3
Нет, данное полномочие не используется, поскольку обжалование решений прокурора не приветствуется (не будет иметь положительного результата)	6	1,5
В соответствии с ч. 3 ст. 38 УПК РФ в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. Используют ли следователи указанное полномочие в своей практической деятельности?		
Да, представляют возражения в установленном порядке, делают это в каждом случае при несогласии с требованиями прокурора	11	21,1
Да, представляют возражения, однако такое полномочие используют в исключительных случаях	10	19,2
Нет, данное полномочие не используют, поскольку не было к тому оснований	22	35,1
Нет, данное полномочие не используют, поскольку принесение возражений не приветствуется (не будет иметь положительного результата)	9	17,3
Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении органу дознания могут даваться обязательные для исполнения письменные поручения. Каких видов помощи, на Ваш взгляд, они могут касаться? (возможно несколько вариантов)		
О проведении оперативно-розыскных мероприятий	50	96,2
О проведении следственных действий (которые допускается проводить до возбуждения дела)	21	40,4
О проведении иных процессуальных действий	28	53,8
О получении содействия при осуществлении следственных и иных процессуальных действий	20	38,5

Приложение 4

Предложения технико-юридического характера по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства

В целях оптимизации компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, предлагается внести следующие изменения в УПК РФ:

1. В ст. 5:

– в п. 7 исключить слова «в форме дознания»;

– п. 8 исключить;

– в п. 17.1 исключить слова «, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания»;

– п. 19 изложить в следующей редакции:

«19) неотложные процессуальные действия – следственные и связанные с ними иные процессуальные действия, производимые органом дознания, дознавателем, следователем после возбуждения уголовного дела и до его направления прокурору для определения подследственности, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования;»;

– в п. 24 слово «дознание» заменить словом «предварительное расследование»;

– в п. 25 исключить слова «, обвинительного акта»;

– пункт 40^1 изложить в следующей редакции:

«40.1) следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять прием, проверку и разрешение сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, предварительное расследование по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных действий, иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству;»;

– в п. 41 слово «следствие» изменить на слово «расследование»;

2. В ч. 3 ст. 11 исключить слова «в пределах компетенции»;

3. В ч. 4 ст. 29 слова «дознания, предварительного следствия» заменить словами «предварительного расследования»;

4. Раздел II дополнить главой 5^1 следующего наименования: «Глава 5^1. «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство»; переместить в него ст. ст. 37–41 УПК РФ;

5. В ст. 37:

– ч. 1 слова «в пределах компетенции» заменить словосочетанием «в соответствии с компетенцией»;

– в п. 3 ч. 2 слова «дознания или предварительного следствия» изменить словами «предварительного расследования»;

– п. 12 ч. 2 дополнить словами «, утверждать постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные органами предварительного расследования за пределами подследственности, установленными ст. 151 настоящего Кодекса»;

– в п. 14 и п. 15 ч. 2 исключить слова «, обвинительного акта»;

– в ч. 3 слова «дознания или предварительного следствия» изменить на слова «предварительного расследования»;

– в ч. 6 слово «следствия» заменить словом «расследования».

6. В ст. 38:

– в ч. 1 слова «в пределах компетенции» изменить на слова «в соответствии с подследственностью»; слово «следствие» заменить словом «расследование»;

– в п. 5 ч. 2, в ч. 3 слово «следствия» заменить словом «расследования»;

7. В ст. 39:

– в п. 1 ч. 1 слово «следствия» заменить словом «расследования»;

– в п. 10 ч. 1, в ч. 2 слово «следствие» заменить словом «расследование»;

8. В ст. 40:

– часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. На органы дознания возлагаются:

1) предварительное расследование по уголовным делам, указанным в пунктах 6–9 ч. 1 ст. 151 настоящего Кодекса;

2) выполнение неотложных процессуальных действий в порядке, предусмотренном ст. 157 настоящего Кодекса;

3) осуществление иных предусмотренных Кодексом полномочий.»;

– в ч. 3 ст. 40 слово «следственных» заменить словом «процессуальных»;

– пункт 9 изложить в следующей редакции:

«9) возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного предварительного расследования, производстве предварительного расследования в общем порядке, пересоставлении обвинительного заключения или обвинительного постановления;»

– в п. 10 слово «акт» заменить словом «заключение»;

9. В ст. 40.1:

– в п. 1 и п. 3 ч. 1 слова «производство дознания» заменить словами «производство предварительного расследования»;

– в ч. 2 слова «произвести дознание» заменить словами «произвести предварительное расследование»;

10. В ст. 40.2:

– в п. 1 ч. 1 слова «производство дознания и неотложных следственных действий» заменить словами «производство предварительного расследования и неотложных процессуальных действий»;

– в п. 9 ч. 1 слова «дознания» заменить словами «предварительного расследования»;

– в ч. 2 слова «в форме дознания» исключить;

11. В ст. 41:

– в ч. 2 слово «дознания» заменить словом «расследования»;

– п. 1.2 ч. 3 изложить в следующей редакции:

«1.2) Обжаловать с согласия начальника органа дознания решения прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для производства дополнительного предварительного расследования либо пересоставления обвинитель-

ного заключения или обвинительного постановления, о направлении уголовного дела дознавателю для производства предварительного расследования в общем порядке;»

– в ч. 4 последнее предложение изложить в следующей редакции: «Обжалование данных указаний приостанавливает их исполнение.»;

12. В ст. 47:

– пункт 2 ч. 1 исключить;

– в п. 2 ч. 4 исключить слова «копию обвинительного акта,»;

13. В ч. 3 ст. 88 исключить слова «обвинительным актом,»;

14. В п. 1 ч. 1 ст. 51 слова «дознания» заменить словами «предварительного расследования»;

15. В ч. 8.2 ст. 106 слово «следствие» заменить словом «расследование»;

16. В ч. 2 ст. 107 слово «следствие» заменить словом «расследование»;

17. В ст. 109:

– в ч.ч. 2, 2.1, 6–8 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

– в п. 1 ч. 8, ч.ч. 8 и 9 исключить слова «обвинительным актом,»;

18. В ч.ч. 2 и 5 ст. 115.1 слова «следствия» заменить словами «расследования»;

19. В ч. 1 ст. 144 слова «в пределах компетенции» изменить на слова «в соответствии с подследственностью», а также дополнить последнее предложение словами: «, производстве отдельных следственных действий, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении»;

20. В ч. 1 ст. 146 слова «в пределах компетенции» изменить на слова «в соответствии с подследственностью»;

21. В ст. 148:

– часть 1 дополнить предложением следующего содержания: «Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 2–7 части первой ст. 24 настоящего Кодекса, допускается в соответствии с подследственностью.»,

– часть 6 ст. 148 дополнить предложением следующего содержания: «Признав постановление органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела законным и обоснованным, прокурор вправе утвердить его в порядке п. 12 ч. 1 ст. 37 настоящего Кодекса.»;

22. Статью 149 изложить в следующей редакции:

«Статья 149. Направление уголовного дела

1. После вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 настоящего Кодекса, следователь, дознаватель, орган дознания приступают к производству предварительного расследования в пределах подследственности, установленной ст.ст. 151, 152 настоящего Кодекса.

2. Орган дознания, дознаватель, следователь вправе произвести по уголовному делу следственные и связанные с ними иные процессуальные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, в порядке, предусмотренном ст. 157 настоящего Кодекса.»;

23. Статью 150 исключить.

24. В ст. 151:

– в ч. 2 слова «предварительное следствие производится» исключить;

– в ч. 3 слова «дознание производится» исключить;

– пункты 1–3 ч. 2 и п.п. 1–9 ч. 3 ст. 151 считать соответственно пунктами 1–9 ч. 1 ст. 151.

– в ч.ч. 4–6 ст. 151 слова «следствие» изменить на слова «расследование»;

– часть 7 изложить в следующей редакции:

«7. После производства неотложных процессуальных действий, в порядке, предусмотренном ст. 157 настоящего Кодекса, при соединении уголовных дел, подследственных разным органам предварительного расследования, в одном производстве, в порядке, предусмотренном ст. 153 настоящего Кодекса, подследственность определяет прокурор.»;

25. В ч. 3 ст. 153 последнее предложение исключить.

26. В ч. 6 ст. 154 слово «следствие» заменить словом «расследование».

27. В ст. 157:

– наименование изложить в новой редакции: «Производство неотложных процессуальных действий»;

– ч. 1 изложить в следующей редакции:

«1. При наличии признаков преступления орган дознания, дознаватель, следователь вправе возбудить уголовное дело и произвести по нему следственные и связанные с ними иные процессуальные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.»

– в ч. 2 слово «следственные» изменить на слово «процессуальные», а также дополнить п. 7 следующего содержания:

«7) следователи Следственного комитета РФ, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел РФ при выявлении преступлений, подследственных органам, указанным в пунктах 6-9 ч. 1 ст. 151 настоящего Кодекса;»;

– ч. 3 изложить в следующей редакции:

«3. После производства неотложных процессуальных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела уголовное дело направляется прокурору для определения подследственности.»;

28. Часть 1 ст. 158 изложить в следующей редакции:

«1. Производство предварительного расследования оканчивается в порядке, установленном главами 29–31 настоящего Кодекса.»;

29. В ч. 3 ст. 158.1 слова «Сроки дознания, предварительного следствия» изменить на «Сроки предварительного расследования»;

30. Главу 22 именовать «Предварительное расследование»;

31. В названии, ч.ч. 1–8 ст. 162 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

32. В названии, ч.ч. 1–4 ст. 163 слова «следствие» заменить словами «расследование»; слова «следственной группой» заменить словами «следственной

группой, группой дознавателей»; слово «следователь» заменить словами «следователь, дознаватель», слова «следственного органа» заменить словами «следственного органа, начальник органа дознания»;

33. В ч. 2 ст. 165 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

34. В ч.ч. 1 и 2 ст. 175 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

35. В ч. 1 ст. 187 слова «следствия» заменить словами «расследования»;

36. В ч. 4 ст. 189 слова «следствия» заменить словами «расследования»;

37. Главу 28 именовать «Приостановление и возобновление предварительного расследования»;

38. В названии, ч.ч. 1–2, 4–6, 8 ст. 208 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

39. В названии, ч.ч. 1–3 ст. 209 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

40. В ч.ч. 1-2 ст. 209 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

41. В названии, ч.ч. 1-3 ст. 211 слова «следствие» заменить словами «расследование»;

42. В п. 5 ч. 2 ст. 213 слово «следствие» заменить словом «расследование»;

43. В названии ст. 215 слово «следствия» заменить словом «расследования»;

44. В ч. ч. 1, 3, 5, 6 ст. 220 слова «следователь» заменить словами «следователь, дознаватель», слово «следствия» заменить словом «расследования», слово «руководитель следственного органа» заменить словами «руководитель следственного органа, начальник органа дознания»;

45. В п. 2 ч. 1 ст. 221 слово «следствия» заменить словом «расследования»;

46. Главу 32 упразднить, за исключением ст. 223.1;

47. В ч. 1 ст. 223.1 слово «дознания» заменить на слово «предварительного расследования», слово «дознаватель» заменить словами «орган дознания, дознаватель, следователь»;

48. Главу 32.1 именовать «Предварительное расследование в сокращенной форме»;

49. Статью 226.1 изложить в следующей редакции:

«Статья 226.1 Основание и порядок производства предварительного расследования в сокращенной форме

1. Предварительное расследование в сокращенной форме производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24–29 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей.

2. Предварительное расследование в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого при наличии одновременно нескольких условий:

1) уголовное дело возбуждено по признакам одного или нескольких преступлений, за которое предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния;

3) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 настоящего Кодекса обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.»;

50. В названии, ч.ч. 1–2 ст. 226.2 слово «дознания» заменить на слово «предварительного расследования», слово «дознание» заменить словом «предварительное расследование», слово «дознавателю» заменить словами «дознавателю, следователю»;

51. В названии, ч.ч. 1–2 ст. 226.3 слово «дознание» заменить на слова «предварительное расследование», слово «дознания» заменить словами «предварительного расследования»;

52. Статью 226.4 изложить в следующей редакции:

«Статья 226.4. Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме

1. При наличии предусмотренных настоящей главой условий для производства предварительного расследования в сокращенной форме до начала первого допроса следователь, дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве предварительного расследования в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства предварительного расследования в сокращенной форме, а также основания, порядок и правовые последствия производства особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 настоящего Кодекса, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка.

2. Подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве предварительного расследования в сокращенной форме не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство. Ходатайство о производстве предварительного расследования в сокращенной форме подается следователю, дознавателю в письменном виде и должно быть подписано подозреваемым, а также его защитником.

3. Поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве предварительного расследования в сокращенной форме подлежит рассмотрению следователем, дознавателем в срок не более 48 часов с момента его поступления. Следователь, дознаватель обязан уведомить потерпевшего о соответствующем ходатайстве подозреваемого, разъяснить ему порядок и правовые последствия производства предварительного расследования в сокращенной форме, основания, порядок и правовые последствия производства особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 настоящего Кодекса, а также право возражать против производства дознания в сокращенной форме. По результатам рассмотрения следователь, дознаватель выносит одно из следующих постановлений:

1) об удовлетворении ходатайства и о производстве предварительного расследования в сокращенной форме;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству предварительного расследования в сокращенной форме.

4. Постановление об удовлетворении ходатайства и о производстве предварительного расследования в сокращенной форме или постановление об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса.

5. Уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве предварительного расследования в сокращенной форме в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляется прокурору, а также потерпевшему.»;

53. В ст. 226.5:

– в названии слово «дознания» заменить на слово «предварительного расследования»;

– в ч. 2 слово «дознаватель» заменить словами «дознаватель, следователь»; слово «обязан» заменить на слово «вправе», дополнить первым предложением следующего содержания: «Следователь, дознаватель обязан допросить подозреваемого и потерпевшего, а также в случаях, предусмотренных статьей 196 настоящего Кодекса, назначить и провести судебную экспертизу.» ;

54. В названии, ч.ч. 1–4 ст. 226.6 слово «дознание» заменить словами «предварительное расследование», слово «дознания» заменить словом «предварительного расследования», слово «дознаватель» заменить словами «дознаватель, следователь»;

55. В ст. 226.7:

– в названии, ч.ч. 3–11 слово «дознание» заменить словами «предварительное расследование», слово «дознания» заменить словами «предварительного расследования», слово «дознаватель» заменить словами «дознаватель, следователь»;

– части 1 и 2 изложить в следующей редакции:

«1. Признав, что необходимые следственные действия произведены, следователь, дознаватель составляет обвинительное постановление. В обвинительном постановлении должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) должность, фамилия, инициалы лица, его составившего;

3) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела;

5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда.

2. Обвинительное постановление подписывается следователем, дознавателем и утверждается руководителем следственного органа, начальником органа дознания соответственно.»;

56. В п. 3 ч. 1, ч. 4 ст. 226.8 слово «дознавателю» заменить словами «дознавателю, следователю», слово «дознания» заменить словами «предварительного расследования», слово дознаватель» заменить словами «дознаватель, следователь»;

57. В ст. 226.9:

– в ч. 4 слова «При поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в» заменить на слово «В»;

– в названии, ч.ч. 1, 4–6 слово «дознание» заменить словами «предварительное расследование»;

58. В п. 2 ч. 1 ст. 228 слово «акт» заменить словом «постановление»;

59. В ч. 3 ст. 229 слова «акт» заменить словами «постановление»;

60. В ч. 2 ст. 233 слово «акт» заменить словом «постановление»;

61. В п.п. 1, 2, 3, 6 ч. 1 ст. 237 исключить слова «, обвинительный акт», «, обвинительного акта», «, обвинительном акте»;

62. В п. 2 ч. 8 ст. 246 слово «акте» заменить словом «постановлении»;

63. В названии и ч. 3 ст. 265 слова «акта» заменить словом «постановления»;

64. В ч. 6 ст. 236 слово «следствия» заменить словом «расследования».

65. В ч. 2 ст. 317.1 слово «следствие», «следствию» заменить словами «расследование», «расследованию» соответственно.

66. В названии, ч.ч. 1, 4 ст. 317.4 слово «следствие» заменить словами «расследование».

67. В п. 1 ч. 2, ч. 4 ст. 317.6 слово «следствию» заменить словом «расследованию».

68. В ч.ч. 3-4 ст. 317.7 слово «следствию» заменить словом «расследованию».

69. В ст. 317.8 слова «следствия» зазменить словом «расследования».

70. В ст. 434:

– часть 1 исключить;

– в ч. 2 слово «следствия» заменить словом «расследования».

71. В названии, ч.ч. 1 и 3 ст. 439 слово «следствия» заменить словом «расследования».